

У 307
105

И. ИВАНОВЪ

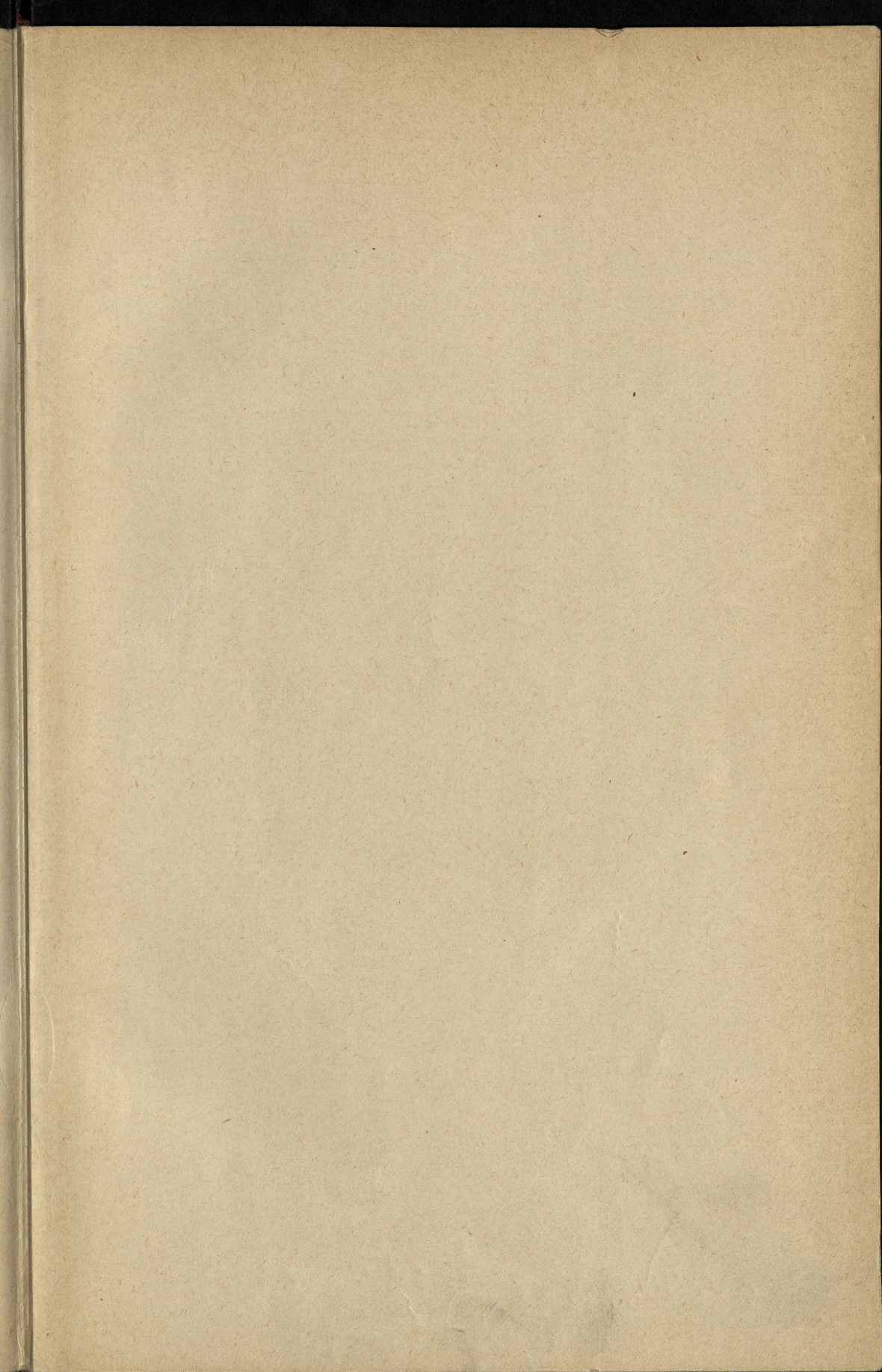
ВПЕЧАТЛѢНІЯ
ИЗЪ
ВОЕННО-ПОХОДНОЙ
ЖИЗНИ
ЗА ВРЕМЯ ОККУПАЦІИ МАНЧЖУРІИ
ВЪ 1900-1903 г.

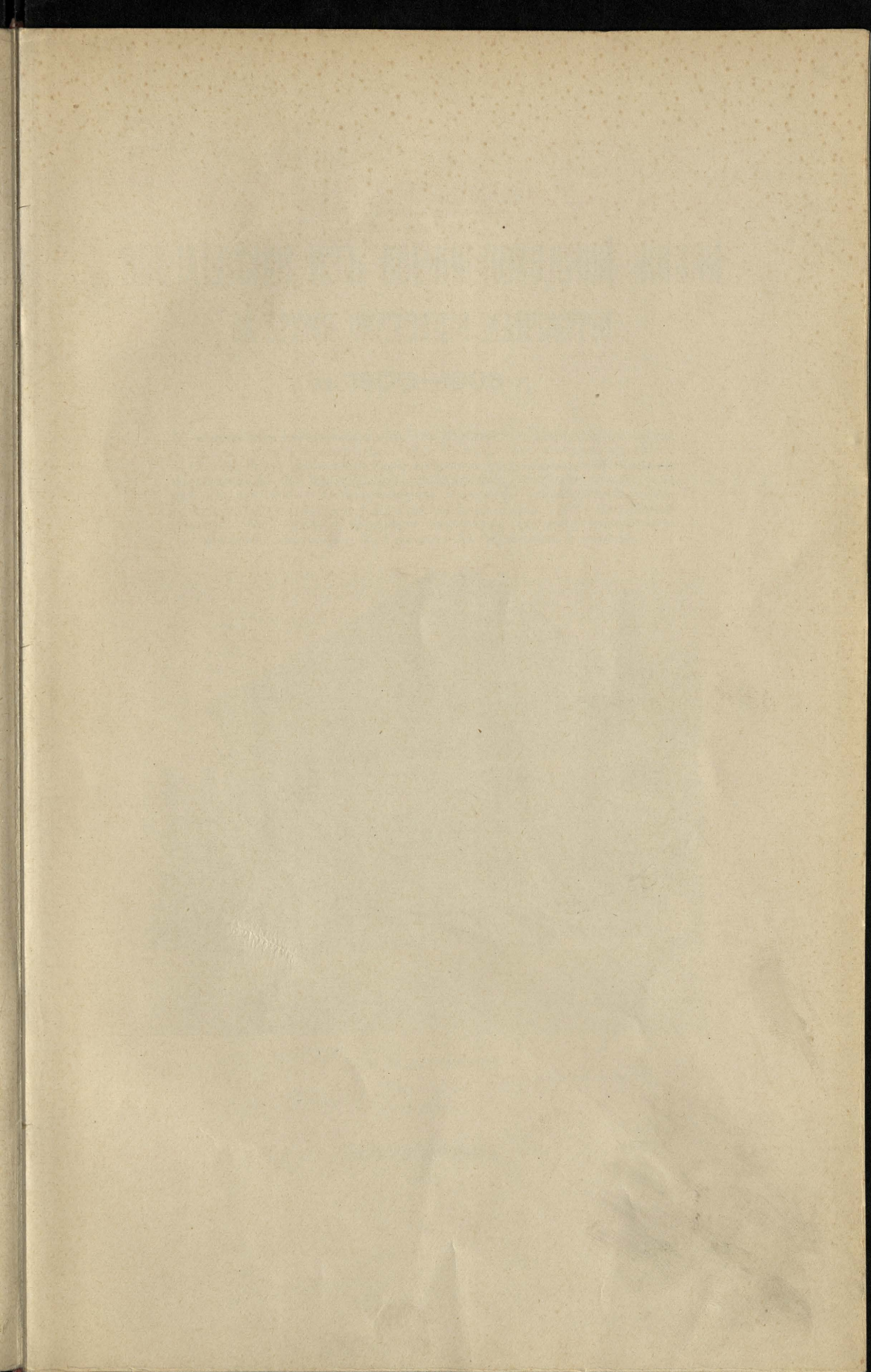
728.
727.
105/2/22.12

24550

J

106
col 1

У 307
105

И. Е. ИВАНОВЪ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ИЗЪ ВОЕННО-ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ. ЗА ВРЕМЯ ОККУПАЦІИ МАНЧЖУРІИ въ 1900—1903 г.

I. Высочайшія телеграммы.—II. Отъ Ляояна до Силитуня: 1) тревога; 2) подвигъ и смерть капитана Абазы; 3) какъ насъ угощали китайцы; 4) неожиданная встрѣча; 5) какъ мы угощали китайцевъ.—III. Парадъ въ Мукденѣ.—IV. Пріѣздъ хора Славянской.—V. Въ русскомъ театрѣ въ Артурѣ.—VI. Награжденіе русскихъ китайскими орденами.—VII. Въ гостяхъ у мукденскаго да-ламы.—VIII. Китайскій театр.—IX. Обѣдъ у военнаго комиссара въ честь китайскаго военнаго министра.—X. Скачки.—XI. Мукденскій дворецъ.

Съ 16 рисунками

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

И. П. Мухомов

ВОЕННЫЕ ВОДНО-ВОЗДУШНО-ПОДВОДНЫЕ ВОЙНЫ

ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

1900-1902 г.

1. Введение. 2. Военно-воздушные войны. 3. Военно-подводные войны. 4. Военно-водные войны. 5. Военно-воздушно-подводные войны. 6. Заключение.

20772-45

Типография А. С. Суворина, Эртелев, 13

2007086238

Высочайшія телеграммы.

Утромъ, 26 ноября 1900 г., въ день своего полкового праздника (во имя святителя Иннокентія), 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ удостоился получить отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму:

«Отъ души поздравляю Моихъ доблестныхъ сибирскихъ стрѣлковъ съ ихъ праздникомъ, съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю ихъ славный походъ по Южной Манчжуріи и боевые подвиги: взятіе укрѣпленныхъ мѣстъ по пути къ Мукденю.

«Пью за здоровье и славу Моего храбраго полка, искренно желаю ему скорѣйшаго возвращенія на родину.

«НИКОЛАЙ».

6 декабря, въ высокаторжественный день тезоименитства Государя Императора, полкъ, на посланное своему Державному Шефу поздравленіе, былъ осчастливленъ отвѣтомъ Государя Императора, выраженнымъ словами другой Высочайшей телеграммы:

«Сердечное спасибо Моимъ доблестнымъ сибирскимъ стрѣлкамъ за ихъ поздравленіе, чувства и доблестную боевую службу.

«НИКОЛАЙ».

На первую высокомиловостивую телеграмму Его Величества командиръ полка отвѣтилъ телеграммой:

«Ливадія.

«Его Императорскому Величеству.

«Возвратясь 2 декабря изъ зимней экспедиціи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Штакельберга, назначен-

ной для освѣщенія мѣстностей къ городамъ Фын-хун-чэнъ, Дагушанъ, Сю-янъ и Хай-чэнъ, сибирскіе стрѣлки имени Вашего Императорскаго Величества были встрѣчены высокомилостивою телеграммой съ тѣми драгоцѣнными словами, которыя въ ней начертаны Вашимъ Величествомъ. Полкъ ободренъ и беззавѣтно любящіе своего Монарха сибирскіе стрѣлки, огласивъ Манчжурскую окраину громкимъ русскимъ, паническій страхъ наводящимъ на окружающихъ враговъ «ура», приносятъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою непоколебимую вѣрноподданническую преданность и благодарность своему обожаемому Шефу за оказанную милость.

«Полковникъ Хорунженковъ».

Въ день тезоименитства Государя Императора полкъ принесъ поздравленіе своему Державному Шефу телеграммой, посланной командиромъ полка на Высочайшее имя:

«Ливадія.

«Его Императорскому Величеству.

«Сибирскіе стрѣлки имени Вашего Величества повергають къ стопамъ обожаемаго Монарха и Шефа свои вѣрноподданническія поздравленія и благопожеланія, равно и чувства безпредѣльной преданности и готовности съ непоколебимымъ самоотверженіемъ жертвовать собою на пользу и славу Вашего Величества и дорогой родины.

Полковникъ Хорунженковъ».

Первая телеграмма Государя Императора была прочтена командиромъ полка на парадѣ 6 декабря¹⁾. Легко себѣ представить энтузіазмъ, вызванный въ полку телеграммой Государя. Что должны были чувствовать, стоя на площади взятаго при дѣятельномъ нашемъ участіи города Лаояна мы, Русскіе солдаты и стрѣлки имени Его Величества, когда слушали слова своего Монарха, Верховнаго Вождя и Державнаго Шефа!

Каждый изъ насъ, почерпая въ словахъ Государя силы для перенесенія дальнѣйшихъ лишеній, сопряженныхъ съ зимней

¹⁾ Празднованіе полкового праздника было отложено до сбора полка въ Лаоянѣ.

стоянкой въ Манчжуріи, понималъ, что не громкимъ подвигамъ (въ полку всего одинъ офицеръ раненъ ¹⁾, трое убитыхъ и около 40 человекъ раненыхъ нижнихъ чиновъ) были мы обязаны такими дорогими для насъ словами Государя, а исключительно милостивому вниманію Монарха.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ нашъ отрядъ (1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ, 2-я батарея 1-ой Восточно-Сибирской артиллерійской бригады и полсотни казаковъ Верхне-Удинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска подъ общимъ начальствомъ полковника Хорунженкова) шель по Южной Манчжуріи отъ одного укрѣпленнаго мѣста къ другому, забирая ихъ на глазахъ миллионнаго, враждебнаго намъ населенія изъ рукъ многотысячныхъ, обученныхъ европейскому строю китайскихъ регулярныхъ войскъ и ожесточенныхъ и-хетуаней (боксеровъ); затѣмъ, въ составѣ южно-манчжурскаго отряда подъ начальствомъ генералъ-майора Флейшера, часть полка (1-й баталіонъ полка подъ командой подполковника Дубельта) участвовала въ трехдневномъ бою при движеніи къ городу Хайчэну и взятіи города.

Потомъ, когда южно-манчжурскій отрядъ подъ начальствомъ новаго начальника отряда, генералъ-лейтенанта Суботича, дѣйствовалъ по направленію къ Мукдену, полкъ, находясь въ лѣвой колоннѣ генералъ-майора Флейшера, понесъ наибольшія потери въ жаркомъ бою за обладаніе городомъ Старымъ-Ньючуангомъ,—способствовалъ, оставаясь въ той же колоннѣ, завладѣнію нашими войсками городомъ Ляояномъ и занятію города Мукдена. Наконецъ, полкъ по-баталіонно, въ обоихъ случаяхъ подъ личнымъ начальствомъ командира полка, принялъ главное участіе въ тяжелыхъ, осенней и зимней, экспедиціяхъ (въ первой—1-й баталіонъ, во второй—2-й баталіонъ) полковника генеральнаго штаба Кондратовича и генералъ-лейтенанта барона Штакельберга, высланныхъ для освѣщенія и очищенія районовъ рѣки Хун-хе и къ Корейской границѣ на города Фын-хун-чэнъ и Догушанъ.

¹⁾ Подпоручикъ Элерцъ.

Отъ Ляояна до Силитуня.

I.

Тревога.

Въ концѣ января 1901 года въ городѣ Ляоянѣ¹⁾ распространился слухъ, что гдѣ-то около города Син-мин-тина²⁾ (въ 120 приблизительно верстахъ къ сѣверо-западу отъ Ляояна) въ охотничьей командѣ и 5-й ротѣ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка въ схваткѣ съ китайскими войсками убито 6, ранено 4 нижнихъ чиновъ и смертельно раненъ въ животъ командиръ роты капитанъ Абаза...

27 января, въ 3 часа пополудни, въ мою холодную, съ бумажнымъ потолкомъ, комнату вошелъ нашъ штабъ-офицеръ.

— И. Е., ваша 2-я рота, 5-я и 6-я, а также охотничья команда, 4 орудія и полсотни казаковъ сегодня утромъ отправляются по желѣзной дорогѣ въ Инкоу и далѣе,—тамъ что-то случилось... едва слышу спросонокъ слова.—Отрядъ пойдетъ подъ начальствомъ подполковника Запольскаго; командиръ полка

¹⁾ Въ Южной Манчжуріи, въ 343 верстахъ отъ Портъ-Артура, при желѣзной дорогѣ.

²⁾ Въ городѣ Син-мин-тинѣ зимой стояло нѣсколько ротъ и штабъ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Къ этому времени вся Южная Манчжурія была раздѣлена по числу оставшихся въ ней на зиму полковъ на районы, поддержаніе спокойствія въ которыхъ возлагалось на командировъ соответствующихъ полковъ при посредствѣ ихъ частей, артиллеріи и казаковъ, распределенныхъ въ небольшомъ количествѣ по районамъ.

приказалъ взять хлѣба, сухарей и продуктовъ на 10 дней, двуколокъ... Выступаете съ квартиры на вокзалъ въ 8 часовъ утра...

Подполковникъ ушелъ.

Зову фельдфебеля, каптенармуса, артельщика, приказываю имъ что нужно и, завернувшись потеплѣе въ одѣяло, хочу передъ походомъ заснуть еще часокъ, другой... Хлопотать особенно не приходилось, потому что роты были готовы каждую минуту выступить по тревогѣ въ ту или другую сторону Южной Манчжуріи: двуколки съ запасами всегда уложены; кромѣ того, при людяхъ постоянно имѣются патроны, сухари, сахаръ, чай, соль...

Не успѣлъ я заснуть снова, какъ слышу въ смежной комнатѣ (въ которой помѣщались стрѣлки) говорятъ: «буди, буди!» Вносятъ записку командира полка; въ ней сказано все то, что я уже знаю относительно похода. Измѣнено только время: 2-я рота и орудія съ казаками составляютъ первый эшелонъ и должны прибыть на станцію къ 6 часамъ утра.

Смотрю на часы—4³/₄ часа утра.

— Самоваръ, одѣваться!—кричу вѣстовому.

Не одѣлся еще порядкомъ, какъ на дворѣ ¹⁾ раздалось: «Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!»

Пріѣхалъ самъ командиръ полка...

Въ 12 часовъ дня, когда поѣздъ съ 1-мъ эшелономъ подошелъ къ станціи Асянзанъ (въ 30 верстахъ на югъ отъ Ляояна), насъ встрѣтила телеграмма штабъ-офицера при 1-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой бригадѣ изъ Инкоу:

«По минованіи надобности, движеніе отряда въ Инкоу отменяется».

На станціи Ляоянъ, куда мы возвратились однако не раньше 9 часовъ вечера ²⁾, ординарецъ командира полка пригласилъ насъ съ подполковникомъ Запольскимъ «немедленно пожаловать на квартиру его высокоблагородія».

— Господа! обратился къ намъ командиръ полка (онъ же начальникъ гарнизона гор. Ляояна),—направленіе и отчасти со-

¹⁾ Рота была расположена въ бывшемъ помѣщеніи китайскаго полицейскаго управления.

²⁾ Желѣзнодорожная администрація по неизвѣстнымъ намъ причинамъ прислала паровозъ лишь къ вечеру за нашими вагонами, отцѣпленными отъ пассажирскаго поезда въ Асянзанъ.

ставъ отряда измѣняется: вы идете прямо на Син-мин-тинъ: пойдутъ 2-я и 6-я роты, 2 орудія, полсотни казаковъ и охотники¹⁾).

28-го января, утромъ, отрядъ подполковника Генеральнаго Штаба Запольскаго собрался у опорнаго пункта (укрѣпленіе близъ станціи на случай отступленія войскъ изъ города). Подполковникъ Запольскій съ конною частью отряда и съ орудіями, согласно телеграммы изъ штаба южно-манчжурскаго отряда, двинулся ускореннымъ маршемъ впередъ, а я повелъ свою 2-ю и 6-ю роты самостоятельно.

Въ виду неизвѣстности положенія въ городѣ Син-мин-тинѣ и тревожныхъ слуховъ, спѣшили... Порядокъ движенія установили такой: черезъ каждый часъ ходу—10 минутъ отдыха. Отъ 1 часа до 2¹/₂ часовъ дня стояли на большомъ привалѣ; стрѣлки пообѣдали горячею пищею, приготовленною въ походныхъ кухняхъ; потомъ развели костры, обогрѣлись и сварили себѣ въ походныхъ котелкахъ чай... (Въ дома—фанзы—людей не вводили во избѣжаніе недоразумѣній съ жителями; но послѣдніе, чтобы обогрѣть солдатъ, охотно наносили имъ дровъ, стеблей сухого гаоляна).

На ночлегъ я размѣстилъ людей по фанзамъ, приказавъ, черезъ переводчика, старшинѣ удалить оттуда въ другія фанзы женщинъ, дѣтей и болѣе цѣнное имущество. Въ первый день мы прошли до 30 верстъ при 18° мороза. На другой день потеплѣло; идя такимъ же порядкомъ, сдѣлали 45 верстъ. Самымъ труднымъ днемъ похода выдался послѣдній—30-го января. Выступили до разсвѣта; небольшой морозъ слегка пощипывалъ уши; тепло одѣтые въ полушубки стрѣлки шли бодро, но задулъ встрѣчный вѣтеръ, повалилъ снѣгъ... закрутились въ полѣ вихри... Къ вечеру разыгралась метель...

Этотъ переходъ раздѣлили двумя большими привалами: отъ 11 часовъ до 12¹/₂ дня и отъ 4 до 5¹/₂ часовъ пополудни. На вечернемъ привалѣ выдали людямъ по чаркѣ водки и удвоенную порцію чаю съ сахаромъ.

¹⁾ По недостатку кавалеріи на южно-манчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и для болѣе успѣшной борьбы съ хунхузами (разбойниками), которые почти всѣ конные, по распоряженію начальника южно-манчжурскаго отряда, всѣ охотничьи команды полковъ отряда (въ охотничьей командѣ стрѣлковаго полка числится около 70 человекъ) были посажены на коней и образовали, такимъ образомъ, ѣздящую пѣхоту.

Казнь.

II.

Подвигъ и смерть капитана Абазы.

Въ Син-мин-тинъ роты пришли въ 10-мъ часу вечера, сдѣлавъ около 55 верстъ и почти безъ отсталыхъ (у меня въ ротѣ въ лазаретную линейку сѣлъ одинъ лишь стрѣлокъ, и то потому, что у него на ногѣ открылась рана¹⁾). Въ городѣ насъ встрѣтили привѣтливо и тепло (хотя въ холодной фанзѣ) наши конные товарищи.

— Чтò у васъ все благополучно? спрашиваетъ начальникъ отряда.

— Все благополучно, отвѣчаю.

— А у насъ одинъ казакъ раненъ, другой, посланный въ развѣздъ, пропалъ безъ вѣсти²⁾. По конному отряду изъ какой-то деревни стрѣляли... Тутъ мы узнали, что въ Син-мин-тинѣ и окрестностяхъ спокойствіе не нарушалось; стычка же, вызвавшая тревогу у насъ въ Ляоянѣ, произошла верстахъ въ 60 къ югу отъ города.

Вотъ какъ было дѣло:

Изъ Син-мин-тина во второй половинѣ января были отправлены конные охотники съ офицеромъ въ деревню Кабандзы³⁾.

Въ Кабандзы предполагалось потомъ поставить двѣ роты, и охотничья команда шла, такъ сказать, отводить квартиры...

Высылкой ротъ и командъ изъ Син-мин-тина съ сѣвера и изъ Инкоу съ юга достигалась, надо полагать, двойная цѣль: освѣщеніе мѣстности на пространствѣ между рѣкой Ляохэ (рѣка Ляохэ и прибрежныя деревни кишатъ хунхузами⁴⁾), въ особенности лѣтомъ) и линіей желѣзной дороги⁵⁾: Шанхай-гуань,—

¹⁾ Полученная имъ подѣ Кайджоу въ іюлѣ 1900 года.

²⁾ Казакъ этотъ, заблудившись, возвратился въ Ляоянъ.

³⁾ Верстъ сто къ югу.

⁴⁾ Хунхузы (разбойники)—всегда многочисленны въ Манчуріи, а послѣ войны, когда къ нимъ присоединилось много разбѣжавшихся солдатъ, они особенно усилились.

⁵⁾ Строившаяся англичанами, но еще не оконченная дорога эта во время боксерскаго движенія подверглась разрушенію. Въ данный моментъ, находясь въ рукахъ русскихъ, она возстановлялась русскимъ желѣзнодорожнымъ батальономъ.

Цзын-чжоу-фу, — Син-мин-тинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ занимались¹⁾ и устраивались опорные пункты вдоль этой линіи на случай возможнаго появленія изъ сосѣдней Монголіи китайскихъ войскъ, отступившихъ туда подъ командой генераловъ Эль-де-чана и Шу, послѣ разгрома ихъ въ сентябрѣ прошлаго года.

Дойдя до д. Эръ-дао-дзинъ, охотники наткнулись на крѣпостцу, откуда команду встрѣтили сильнымъ ружейнымъ и фальконетнымъ огнемъ... Окруживъ крѣпостцу наблюдательными по-

Казнь.

стами, поручикъ Горностаевъ (Федоръ) послалъ командиру полка донесеніе съ просьбой о подмогѣ.

Нужно замѣтить, что по рѣкѣ Ляохэ многія деревни окопаны рвами и окружены высокими валами, приспособленными къ оборонѣ. Вообще же въ городахъ и большихъ деревняхъ Южной Манчжуріи не рѣдкость встрѣтить, не говоря уже о казенныхъ зданіяхъ, богатые фанзы (дома), постоянные дворы и, особенно, сулевые (водочные) заводы, которые обнесены правильными четырехугольниками высокихъ, толстыхъ каменныхъ стѣнъ

¹⁾ По приказанію начальника южнаго района Южной Манчжуріи начальника 1-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіора Флейшера,

съ зубцами и бойницами для стрѣльбы изъ-за нихъ изъ ружей и даже пушекъ. По угламъ и надъ воротами высятся каменные башни, также приспособленныя къ оборонѣ. На башняхъ стоятъ иногда часовые, висятъ ружья, горятъ фитили (пушки—чугунныя, старинныя). Такіе заводы своею постройкой очень похожи на небольшія крѣпостцы, да и на самомъ дѣлѣ верстахъ въ 60 къ югу отъ Син-мин-тина могутъ служить надежною защитой противъ многочисленныхъ здѣсь и правильно организованныхъ шаекъ хунхузовъ.

Въ помощь охотничьей командѣ изъ Син-мин-тина немедленно направилась 5-я рота капитана Абазы съ однимъ орудіемъ. Въ виду незначительнаго сравнительно количества артиллеріи, оставленной на зимовку въ Южной Манчжуріи и, главное, въ виду необходимости дѣйствовать небольшими отрядами (ротой, двумя) возможно чаще и по разнымъ направленіямъ въ погонѣ за шайками хунхузовъ и отдѣльными, часто сильными, партіями солдатъ, ротамъ, назначавшимся въ экспедиціи, придавались отбитыя у китайцевъ орудія (новыхъ системъ), стрѣльбѣ изъ которыхъ заранѣе подготавливалось необходимое число нижнихъ чиновъ въ ротѣ.

23-го января 5-я рота подошла къ деревнѣ Эр-дао-дзинъ; капитанъ Абаза приказалъ открыть огонь изъ орудія¹⁾, чтобы пробить въ стѣнѣ крѣпостцы брешь... Засѣвшіе китайцы живо отвѣчали на нашъ огонь изъ двухъ своихъ чугунныхъ пушекъ и изъ прекрасныхъ, новѣйшей системы, ружей...

Послѣ 15-го выстрѣла стрѣльбу изъ орудія пришлось прекратить—у него погнулась ось.

Видя это, поручикъ Горностаевъ, осыпaeмый пулями, со своими охотниками бросается къ стѣнѣ, и онъ — шашкой, стрѣлки — штыками стараются расширить недостаточную для прохода пробоину, которую успѣло сдѣлать орудіе...

Поручикъ Горностаевъ пролѣзаетъ первымъ... Слѣдовавшій за нимъ горнистъ 5-ой роты убитъ на повалѣ...

Капитанъ Абаза, стоя совершенно открыто, шагахъ въ 300 отъ стѣны, даетъ указанія взводнымъ унтеръ-офицерамъ: кому и куда вести взводы въ атаку... Въ это время пуля поражаетъ его... Онъ падаетъ смертельно раненый въ животъ (пуля пробила почку).

¹⁾ Орудіемъ командовалъ только что выпущенный изъ училища подпоручикъ Ундрицъ.

Рота и охотничья команда подъ убійственнымъ огнемъ врываются въ крѣпостцу, гдѣ встрѣчаютъ стойкій отпоръ врага, не говоря уже о мужчинахъ, схватившихся врукопашную (что случается рѣдко съ китайцами), женщины брались за ножи... стрѣляли изъ револьверовъ...

По окончаніи рѣзни, насчитали до 100 труповъ, — полегли почти всѣ защитники крѣпостцы; погибъ и предводитель, не

Казнь.

пожелавшій оставить гнѣзда, откуда онъ, быть можетъ, многіе годы наводилъ страхъ на окрестности, собирая дань съ жителей и облагая пошлиной многочисленные обозы¹⁾.

5-ой ротѣ и охотничьей командѣ 3-го полка взятіе и разореніе этого гнѣзда обошлось дорого: убито 6, ранены 4 нижніе

¹⁾ Въ описываемыхъ мѣстахъ проходитъ большая дорога изъ Тяньцзина въ Мукденъ и протекаетъ главная судоходная рѣка Южной Манчжуріи — Ляохэ. Въ Южной Манчжуріи вообще, а въ этихъ мѣстахъ особенно, существуютъ правильно организованныя, предводимыя бывшими офицерами шайки хунхузовъ, поддерживающихъ другъ друга, между прочимъ, и въ борьбѣ со властями, отъ которыхъ они или откупаются награбленнымъ золотомъ или прямо-таки отбиваются вооруженною рукой, что имъ часто и удается при подкупности и слабости китайской администраціи, у которой нѣтъ маломальски сносной полиціи и очень мало въ распоряженіи войскъ, къ тому же слабо дисциплинированныхъ и не отличающихся храбростью.

чина ¹⁾ и смертельно раненъ командиръ роты, капитанъ Клавдій Васильевичъ Абаза ²⁾).

Въ настоящемъ очеркѣ не мѣсто писать некрологъ покойному, но, какъ близкій товарищъ Клавдія Васильевича, я не могу удержаться, чтобы не сказать два-три слова въ память его.

Покойный былъ недюжиннымъ человѣкомъ и офицеромъ, какіе встрѣчаются рѣдко: при выдающемся умѣ, солидномъ образованіи ³⁾ и широкихъ взглядахъ, обладая сильною волей и добрымъ сердцемъ, онъ сознательно и съ любовью занимался на скромномъ поприщѣ армейскаго ротнаго командира великимъ дѣломъ воспитанія и образованія подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, для своихъ молодыхъ товарищей-офицеровъ нагляднымъ примѣромъ идеальнаго исполненія долга службы.

Покойнаго и цѣнили по достоинству. Его командиръ полка, полковникъ Аурэніусъ, говорилъ мнѣ:

— Я не взялъ бы восьми тысячъ китайцевъ за смерть Клавдія Васильевича...

Для меня лично потеря его—одна изъ самыхъ горькихъ.

Прослуживъ вмѣстѣ 10 лѣтъ въ одномъ изъ полковъ въ средней Россіи, мы здѣсь (въ Уссурійскомъ краѣ) въ теченіе тоже почти 10 лѣтъ дѣлили радости, а больше—горе тяжелой украинной службы.

Тѣла покойнаго и убитыхъ стрѣлковъ, перевезенныя въ городъ Син-мин-тинъ, были временно тамъ похоронены, впредь до отправки ихъ въ Портъ-Артуръ, для погребенія въ русской землѣ.

III.

Какъ насъ угощали Китайцы.

Наше скучное пребываніе въ Син-мин-тинѣ разнообразили отчасти поиски, которые производились всѣмъ отрядомъ или частями въ разныя стороны: то, по словамъ китайцевъ-переводчиковъ, верстахъ въ двадцати отъ города собрался отрядъ

¹⁾ Въ числѣ раненыхъ былъ фельдфебель 5-й роты Диковскій, умершій впоследствии отъ раны.

²⁾ Черезъ два дня скончался.

³⁾ Покойный воспитывался въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ училищѣ.

Казнь.

китайскихъ солдатъ въ 1.000 человекъ, то большая партія хунхузовъ грабятъ деревни, то гдѣ-нибудь зарыто много оружія...

Отправляется рота съ 2-мя орудіями, дѣлаетъ взадъ и впередъ переходъ верстъ въ 40 и возвращается ни съ чѣмъ, или почти ни съ чѣмъ. Разъ только поймали китайскаго полковника, вербовавшаго солдатъ; у него нашли патентъ, данный ему императоромъ на чинъ полковника, немного оружія и фор-

менной солдатской одежды. Полковника, какъ бунтовщика, передали китайскимъ гражданскимъ властямъ.

Между прочимъ, нашъ отрядъ (за исключеніемъ 6-й роты) конвоировалъ жалованье (серебряною монетою), которое дзянь-дзюнь (генераль-губернаторъ) мукденскій отправилъ къ китайскимъ войскамъ, стоявшимъ на границѣ Монголіи (верстахъ въ 70-ти къ западу отъ Син-мин-тина).

Я до сихъ поръ не понимаю, зачѣмъ мы возили серебро... Говорили, что китайскія войска не расходятся, потому что имъ не заплатили жалованья и что они исполнять приказаніе дзянь-дзюня разойтись, если имъ выдадутъ жалованье... Не знаю, быть можетъ, достигалась и другая цѣль посылкой серебра на границу.

Транспортъ сопровождали до селенія Силитунъ (на самой границѣ Монголіи) 60 конныхъ охотниковъ и полсотни казаковъ подъ начальствомъ подполковника Запольскаго; рота съ 2-мя орудіями, образовавъ опорный пунктъ, оставалась, на всякій случай, въ 15 верстахъ позади, чтобы (какъ сказано было въ запискѣ начальника штаба южно-уссурійскаго отряда на имя подполковника Запольскаго) не пугать китайскія войска...

Въ Силитунѣ китайскій отрядъ дружелюбно встрѣтилъ нашихъ; чиновникъ передалъ командовавшему отрядомъ полковнику Джу-лю деньги; русскіе офицеры хорошо пообѣдали у китайскихъ офицеровъ, обмѣнялись, по китайскому обычаю, подарками; полковникъ Джу-лю выдалъ 100 ружей и послалъ 200 конныхъ солдатъ (не вооруженныхъ) къ дзянь-дзюню въ Мукденъ для сформированія изъ нихъ китайской полицейской стражи ¹⁾. До Син-мин-тина они шли вмѣстѣ съ нашимъ коннымъ отрядомъ.

Возвратившись назадъ въ Син-мин-тинъ, мы получили приглашеніе на обѣдъ къ мѣстному ти-фанъ-гуаню (правитель города и ближайшаго округа), желавшему почтить всѣхъ русскихъ офицеровъ син-мин-тинскаго гарнизона и особенно полковника Аурэніуса ²⁾ и капитана Федорова (исполнявшаго обязанности полиціимейстера города).

¹⁾ Когда нашъ отрядъ возвращался въ началѣ марта въ Лаоянъ черезъ Мукденъ, то въ Мукденѣ въ воротахъ наружной (глиняной) городской стѣны стояли уже карауломъ эти солдаты и отдавали намъ честь... Въ воротахъ каменной стѣны внутренняго города караулы занимались русскими.

²⁾ Командиръ 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и начальникъ одного изъ районовъ.

Полковникъ Аурэніусъ и капитанъ Федоровъ своимъ гуманнымъ и вполне корректнымъ образомъ дѣйствій заслужили признательность населенія и китайскихъ властей, авторитетъ которыхъ они не только не подрывали, но поддерживали, разумѣется, насколько возможно это было сдѣлать при взаимодействіи властей,—русской военной и китайской гражданской, при томъ исключительномъ положеніи, въ какомъ находились русскіе войсковые начальники частей, оставленныхъ на оккупацию, по отношенію къ китайскимъ властямъ...

Ти-фанъ-гуаня можно было бы назвать хлѣбосольнымъ хозяиномъ, если-бы на столъ намъ подавали хоть немного хлѣба и соли... О нашемъ печеномъ хлѣбѣ китайцы не имѣютъ понятія, замѣняя его или варенымъ рисомъ, или въ рѣдкихъ случаяхъ (у зажиточныхъ) печеными (вѣрнѣе вареными) прѣсными лепешками; соль же вовсе не ставятъ отдѣльно на столъ.

Сначала подали закуски—больше сласти; между прочимъ—засахаренный боярышникъ, печенье, напоминающее нашъ «хворостъ» (на постномъ маслѣ), какую-то маринованную ягоду (вкусную), кажется тоже боярышникъ. Потомъ подавали въ маленькихъ чашечкахъ разное, нарѣзанное тоненькими ломтиками жареное мясо: свиное, куриное, утиное и опять свиное. Была тутъ и рыба, вареная въ пузырь (вкусная—ее подавали цѣлымъ большимъ кускомъ, обтянутымъ пузыремъ); угостили насъ и гастрономическимъ блюдомъ китайцевъ—трепангами (морскіе угри). Многія кушанья могли бы быть достаточно вкусными даже на нашъ европейскій вкусъ, если-бы поваръ не приправилъ ихъ вмѣсто соли сахаромъ.

Китайцы хотя и кладутъ въ кушанья соль, но далеко не во всѣ и въ незначительномъ количествѣ; вообще же они предпочитаютъ блюда прѣсные или сладкія; соль же у нихъ замѣняютъ отчасти различного вкуса острыя сои.

Передъ каждымъ изъ гостей стоялъ приборъ: двѣ небольшія чашки, лежали двѣ палочки (употребляемыя китайцами вмѣсто ножей и вилокъ), ложка и двузубая вилка (такими вилками они пользуются, какъ зубочистками, но мы пользовались ими какъ вилками). Когда хозяину подносили 3—4 чашечки съ кушаньями (одновременно ставились такіе же чашечки и съ такими же кушаньями по срединѣ стола передъ гостями), то онъ съ любезной улыбкою своими палочками накладывалъ кушанье въ чашечки своихъ сосѣдей, приглашая знаками остальныхъ

брать себѣ... Слуги безпрестанно подливали въ маленькія чашечки подогрѣтую сулю.

Потчуя насъ и попивая небольшими глотками сулю, развеселившійся ти-фань-гуань кивалъ головой въ тактъ музыки 3-го полка, игравшей на дворѣ ямыня (управленіе ти-фань-гуаня), къ вѣщающему удовольствію собравшихся поглазѣть китайцевъ.

Въ концѣ обѣда подали душистый, ароматическій «китайскій» чай..., но съ весьма плохимъ, кажется, американскимъ сахарнымъ пескомъ. Хозяину, кромѣ того, подали чашку съ теплою водою для полосканія зубовъ.

Тутъ же на обѣдѣ офицеры син-мин-тинскаго гарнизона и нашего отряда уговорились отвѣтить гостепріимному хозяину тѣмъ же, пригласивъ его въ собраніе 3-го полка отвѣдать русской хлѣба-соли.

IV.

Неожиданная встрѣча.

Со времени нашего ухода изъ Ляояна прошло двѣ недѣли и, несмотря на то, что мы вышли на 10 дней, о возвращеніи не было и рѣчи; напротивъ, стали носиться слухи о готовящейся будто бы большой экспедиціи подъ личнымъ начальствомъ начальника южно-манчжурскаго отряда генералъ-лейтенанта Церпицкаго въ Монголію, куда укрылись (какъ я упомянулъ выше) старшій фудутунъ ¹⁾ Мукденской провинціи Эль-де-чанъ и его помощникъ генералъ Шу съ остатками войскъ послѣ пораженія южно-манчжурской арміи въ сентябрѣ прошлаго года.

Подъ вліяніемъ этихъ генераловъ, стоявшихъ въ недалекой Монголіи во главѣ мятежныхъ китайскихъ регулярныхъ войскъ ²⁾, съ приближеніемъ Новаго года, самаго важнаго и наиболѣе продолжительнаго изъ китайскихъ праздниковъ, враждебное намъ настроеніе среди неспокойныхъ элементовъ населенія могло разразиться взрывомъ.

Повидимому, передовыя ихъ войска и сильныя партіи хунхузовъ, соединившись въ виду общей опасности вмѣстѣ и будучи руководимы одною волей и воодушевлены общою ненавистью къ

¹⁾ Командующій войсками.

²⁾ Войска эти за зиму могли и оправиться и укомплектоваться.

иностранцамъ (въ данномъ случаѣ къ намъ, русскимъ), дали уже стойкій отпоръ отряду покойнаго капитана Абазы и отряду подполковника Бѣляцкаго ¹⁾ (рота 4-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка съ двумя орудіями), высланному согласно общему распоряженію генерала Церпицкаго начальникомъ южнаго района генераломъ Флейшеромъ изъ Инкоу по направленію къ деревнѣ Кабандзы.

Высылкой отрядовъ капитана Абазы, подполковника Бѣляцкаго, нашего и другихъ изъ Инкоу, Ляояна и Син-мин-тина, повторяю, достигалось очищеніе и освѣщеніе мѣстности въ долинѣ рѣки Ляохэ и на участкѣ (сѣверномъ) желѣзной дороги Шаньхай-гуань — Син-мин-тинъ; дорога отгораживалась, такимъ образомъ, этапами отъ возможнаго покушенія со стороны Монголіи.

Наконецъ, вышелъ приказъ о движеніи къ границамъ Монголіи четырехъ отрядовъ, въ томъ числѣ изъ Син-мин-тина выступалъ небольшой (демонстративный) отрядъ подполковника Запольскаго.

Наканунѣ выступленія, 19 февраля, къ вечеру, мы, офицеры, собирались идти въ собраніе 3-го полка на ужинъ, устроенный тифань-гуаню, какъ неожиданно входитъ китайскій чиновникъ, возившій съ нами серебро на жалованье китайскимъ войскамъ въ Селитунъ (онъ тамъ зачѣмъ-то оставался послѣ нашего ухода) съ переводчикомъ и сообщаетъ, что съ ними пріѣхалъ генералъ Шу, остановившійся на постояломъ дворѣ... ²⁾ Представьте наше изумленіе! Нашъ храбрый противникъ подъ старымъ Нью-чуангомъ, Ша-хэ и Ляояномъ, правая рука Эль-де-чана, генералъ Шу, противъ котораго завтра выступаетъ нашъ отрядъ — здѣсь въ городѣ!!...

По поводу появленія генерала Шу въ Син-мин-тинѣ чиновникъ и переводчикъ несли какую-то чужь. По ихъ словамъ, находив-

¹⁾ Отрядъ подполковника Бѣляцкаго, наткнувшись на 1.000 ч. вооруженныхъ китайцевъ съ двумя чугунными пушками, разсѣялъ ихъ и забралъ пушки, потерявъ 2-хъ стрѣлковъ убитыми и 8 ранеными, причемъ контуженъ подполковникъ Бѣляцкій и командующій ротой поручикъ Шороховъ.

²⁾ О послѣднемъ обстоятельстве китайцы упоминали съ горькою улыбкой, но самъ генералъ Шу разсуждалъ, должно быть, иначе; остановившись на постояломъ дворѣ и пославъ чиновниковъ увѣдомить русскихъ о своемъ прибытіи, онъ, видимо, рассчитывая на гостепріимство русскихъ военачальниковъ, предпочиталъ сдаться военнопленнымъ, чѣмъ отдаться въ руки мѣстнаго тифань-гуаня, домъ котораго легко могъ сдѣлаться тюрьмой мятежному генералу. (Въ Китаѣ военныя власти подчинены гражданскимъ).

пійся съ русскими въ сношеніяхъ китайскій полковникъ Джу-лю обезоружилъ генерала на границѣ Манчжуріи и Монголіи и когда Шу, уже обезоруженный, подѣзжалъ къ китайскимъ деревнямъ, то въ него стрѣляли изъ нихъ... Говорилось это, разумѣется, больше для нашего удовольствія: вотъ-де какія китайскія деревни—онѣ не хотятъ пускать мятежныхъ генераловъ.

Чтобы насъ окончательно утѣшить, чиновникъ и переводчикъ добавляли, что генерала Шу черезъ дзянь-дзюня мукденскаго требуютъ въ Пекинъ, гдѣ ему, вѣроятно, будетъ «кантами» (голову отрубятъ) за то, что онъ воевалъ съ русскими...

Подполковникъ Запольскій высказалъ желаніе познакомиться съ извѣстнымъ китайскимъ генераломъ. Чиновникъ и переводчикъ ушли и скоро возвратились съ самимъ Шу...

Генералъ Шу еще молодой, сравнительно, человекъ, ему всего 35 лѣтъ; онъ, кажется, Монголъ родомъ (хотя съ манчжурскими чертами лица); воспитывался въ Пекинской (китайской) школѣ, былъ тѣлохранителемъ императора и всего 27 лѣтъ назначенъ на отвѣтственный постъ помощника фудутуна. Въ прошломъ 1900 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ нами, командуя въ дѣлахъ подѣ Асянзаномъ, Шаохэ и Ляояномъ (12, 13, 14 и 15 сентября) 40 лянзами¹⁾, наиболѣе стойкими изъ дѣйствовавшихъ тогда противъ насъ китайскихъ войскъ. Генералъ Шу понималъ военное дѣло. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1900 года своимъ фланговымъ движеніемъ онъ едва не поставилъ южно-манчжурскій отрядъ генералъ-майора Флейшера въ критическое положеніе. Когда мы шли трехдневнымъ боемъ (28, 29 и 30 іюля 1900 года) вдоль линіи желѣзной дороги на Хайченъ, Шу спускался внизъ по берегу рѣки Ляохэ²⁾, направляясь съ 6.000 человекъ на Инкоу (Новый Нью-чуангъ), угрожая, такимъ образомъ, нашему тылу и сообщеніямъ. Только рѣшительное наступленіе южно-манчжурскаго отряда на Хай-чэнъ и взятіе этого города (наступленіе, стоившее нечеловѣческихъ усилій: отъ одного палящаго зноя погибло 5 человекъ, пораженныхъ солнечнымъ ударомъ), дали возможность генералу Флейшеру въ самый

¹⁾ Въ лянзѣ числятся на бумагѣ 500 человекъ, но на самомъ дѣлѣ horribly, если наберется половина...

²⁾ Рѣка Ляохэ протекаетъ западнѣ линіи желѣзной дороги, верстахъ въ 20—30 отъ нея.

день взятія города отправить ночнымъ переходомъ баталіонъ ¹⁾ 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка (баталіонъ подполковника Дубельта) въ Инкоу, гдѣ оставалось не болѣе 500 человѣкъ русскихъ войскъ, обязанныхъ охранять русскій поселокъ съ желѣзнодорожнымъ имуществомъ на много милліоновъ и, отстоящую отъ поселка версты на три, иностранную часть собственно города Инкоу, въ которомъ, между прочимъ, находились русское консульство и отдѣленіе Русско-Китайскаго банка.

Въ дѣлѣ 14 сентября 1900 года, при движеніи Русскихъ отъ Асянзана къ Шахэ, Шу искуснымъ маневромъ отрѣзалъ отъ главныхъ силъ зарвавшійся впередъ отрядъ охранной стражи полковника Мищенко... ²⁾.

Лишь неспособность второстепенныхъ китайскихъ начальниковъ, да предусмотрительность начальника отряда генералъ-лейтенанта Суботича ³⁾ и полковника Артамонова ⁴⁾, выдвинувшихъ усиленнымъ маршемъ изъ обходной колонны генералъ-майора Флейшера на помощь полковнику Мищенко 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ, спасли охранную стражу еще отъ болѣе крупныхъ потерь...

V.

Какъ мы угощали генерала Шу.

Побывъ немного у насъ, генералъ Шу отправился, въ сопровожденіи подполковника Запольскаго, представиться старшему въ городѣ изъ русскихъ начальниковъ, полковнику Аурэніусу.

¹⁾ Кромѣ того, самъ генералъ Флейшеръ съ сотней охранной стражи также въ день взятія Хай-чэна, ночнымъ же переходомъ прошелъ въ Инкоу кратчайшимъ путемъ.

²⁾ Генералъ Шу впоследствии говорилъ: «генералъ Ми (полковникъ Мищенко) былъ бы въ моихъ рукахъ, еслибы мои помощники точно исполняли мои приказанія».

³⁾ Генералъ-лейтенантъ Суботичъ принялъ начальство надъ южно-манчжурскимъ отрядомъ въ первыхъ числахъ сентября 1900 г. (къ этому времени прибыла изъ Одессы 4-я стрѣлковая бригада).

⁴⁾ Начальникъ штаба южно-манчжурскаго отряда.

Полковникъ Аурэніусъ пригласилъ генерала Шу на нашъ ужинъ, которымъ чествовали ти-фань-гуаня...

Одѣтый въ голубой шелковый, подбитый дорогимъ мѣхомъ, халатъ¹⁾, подпоясанный кушакомъ, высокаго роста, статный брюнетъ (какъ всѣ манчжуры), Шу своимъ энергичнымъ, открытымъ лицомъ, свободными, полными чувства собственного достоинства, манерами произвелъ на всѣхъ присутствующихъ благоприятное впечатлѣніе...

Занимая почетное мѣсто по срединѣ стола и чувствуя радушное отношеніе къ себѣ русскихъ, Шу непринужденно разговаривалъ; какъ бы оправдываясь, онъ говорилъ:

— У русскихъ также есть полковники и генералы... если они воюють, то они не виноваты—ихъ посылають²⁾...

Когда кто-то изъ русскихъ, желая сказать ему пріятное, замѣтилъ, что войска, которыми командовалъ генералъ подъ ст. Нью-чуангомъ, Асянзаномъ, Шахъ и Ляояномъ, дрались храбро, то Шу, закрывъ лицо руками, отвѣтилъ:

— Мнѣ стыдно за своихъ офицеровъ и солдатъ.

Далѣе въ разговорѣ онъ добавилъ:

— Чтò я могъ сдѣлать? когда пролетаютъ первыя гранаты,—бѣгутъ генералы; когда начнутъ русскіе стрѣлять изъ ружей,—бѣгутъ офицеры, и когда, наконецъ, русскіе начинаютъ приближаться, то бѣгутъ солдаты...

Потомъ, поднявшись, онъ выпилъ за здоровье русскихъ съ пожеланіемъ, чтобы происшедшія недоразумѣнія не испортили многовѣковой дружбы Китая и Россіи³⁾. Офицеры, въ свою очередь, пили «здоровье» китайцевъ вообще и его, Шу, въ особенности со словами, что:

¹⁾ Одѣяніе его не носило никакихъ знаковъ военного званія и походило скорѣе на монгольское. Переводчикъ генерала Шу, Миша, былъ одѣтъ въ шелковый же, подбитый соболемъ, халатъ, напоминавшій своимъ покроемъ «дипломаты», какіе носили наши барыни лѣтъ 20 тому назадъ. Этотъ Миша порядочно говорилъ по-русски и очень хорошо дѣлалъ маршрутные съемки. Онъ показывалъ съемку пути, пройденнаго генераломъ въ Монголіи... Такая съемка сдѣлала бы честь многимъ изъ нашихъ офицеровъ.

²⁾ Теперь уже извѣстно, что китайское правительство, указывая официально высшимъ гражданскимъ чиновникамъ (дзянь-дзюнямъ) держаться мирныхъ отношеній съ иностранцами (въ Манчжуріи съ русскими), втайнѣ поощряло, даже обязывало войсковыхъ начальниковъ поддерживать боксерское движеніе.

³⁾ Мнѣ неоднократно приходилось слышать точно такія же пожеланія отъ простыхъ китайцевъ; они говорили: «Вашъ Царь, нашъ Царь долго живи мирно; не надо войей есть».

«Мы, русскіе, любимъ драться съ храбрыми врагами,
И любимъ пить за ихъ здоровье, когда они вмѣстѣ съ нами».

Шу и другіе наши гости-китайцы съ довольною улыбкой выслушали переведенныя имъ слова тоста.

Въ числѣ приглашенныхъ, кромѣ ти-фань-гуаня, находились: городской голова—отставной офицеръ-старичекъ съ добродушнымъ лицомъ; его племянникъ—чиновникъ городского управленія, молодой, очень подвижной человѣкъ, лишь годъ тому назадъ выдержавшій какой-то экзаменъ въ Пекинѣ.

За исключеніемъ ти-фань-гуаня¹⁾, который, повидимому, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, сидя между китайскимъ мятежнымъ генераломъ и русскимъ полковникомъ, гости подвыпили, развеселились. Голова все разспрашивалъ названіе кушаній (блюда всѣ были русскія) и разныхъ попадавшихся ему на глаза предметовъ, записывая въ свою записную книжку китайскими знаками русскія слова. Когда же почтенному головѣ удавалось записанное туда ранѣе слово правильно выговорить, когда его понимали, онъ отъ радости начиналъ смѣяться. Его племянникъ такъ же изучалъ²⁾ русскій языкъ и ему, какъ молодому и знающему немного англійскій языкъ, изученіе давалось легче, чѣмъ дядѣ. Ихъ занимало все; молодой безъ церемоніи ходилъ по всѣмъ угламъ и осматривалъ. Подгулявшій дядюшка тоже бродилъ за нимъ съ заткнутою за поясъ салфеткой³⁾. Дядюшка имѣлъ видъ, какимъ я представляю себѣ старосвѣтскаго помѣщика изъ отставныхъ военныхъ, временъ Павла I, когда на какомъ-нибудь семейномъ праздникѣ (именинахъ, крестинахъ) хозяинъ ходилъ между гостями съ посыпаннымъ пудрой тупеemъ⁴⁾ (косой).

¹⁾ Какъ представитель законной китайской власти, онъ не зналъ какъ себя держать съ мятежнымъ Шу на глазахъ русскихъ.

²⁾ Вообще китайцы (чиновники, купцы, подрядчики), насколько мнѣ удалось замѣтить въ Южной Манчжуріи, усиленно занимались изученіемъ русскаго языка. Къ стыду нашему, надо сознаться, я не встрѣчалъ хорошихъ учебниковъ русскаго языка для изученія его китайцами, такихъ, напримѣръ, какіе существуютъ для китайцевъ, желающихъ изучить англійскій языкъ. Единственный учебникъ въ этомъ родѣ, которымъ теперь пользуются китайцы, изданъ въ Тянь-цзинѣ г. Кауфманомъ, если не ошибаюсь, приказчикомъ покойнаго Старцева.

³⁾ Какъ это дѣлаютъ женщины, когда онѣ мѣсятъ тѣсто или стряпаютъ что-либо мучное.

⁴⁾ Во времена Екатерины и Павла I, военные, какъ извѣстно, носили косы.

Обратилъ вниманіе китайцевъ образъ Спасителя; узнавъ, что это русскій «Будда», они со вздумчивымъ выраженіемъ долго разсматривали кроткій ликъ Его. Портреты Государя Императора и Высочайшей Семьи также возбудили въ нихъ живое любопытство. Глядя на портретъ Государя Императора, молодой человѣкъ упомянулъ очень кстати объ извѣстной раздачѣ риса бѣднѣйшимъ жителямъ Пекина по повелѣнію Русскаго Государя... Звуки полковой музыки, игравшей на дворѣ, доставляли имъ большое удовольствіе¹⁾. Еще болѣе оживились наши китайцы, когда раздалось стройное пѣніе прекраснаго хора гг. офицеровъ 3-го полка.

Я наблюдалъ украдкой за выраженіемъ лица Шу. Искренность, радушіе, простодушіе и гостепріимство наши, очевидно, тронули китайскаго генерала. Нѣкоторое безпокойство въ его смѣлыхъ, быстрыхъ глазахъ и нервная возбужденность, замѣтныя вначалѣ, прошли, уступивъ благодушному выраженію.

Много долженъ былъ пережить и перечувствовать за нашимъ ужиномъ этотъ умный, мужественный и любящій свою родину китаецъ, задумавшій въ прошломъ году, какъ и многія горячія головы, разомъ стряхнуть ненавистное иго иностранцевъ... Вотъ онъ среди именно тѣхъ русскихъ, горсти которыхъ въ іюлѣ 1900 г. вырывали городъ за городомъ изъ рукъ многочисленныхъ китайскихъ войскъ,—тѣхъ русскихъ, передъ которыми позднѣе, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же (прошлаго) года, въ страхѣ неудержимо бѣжали его войска... Они, эти русскіе теперь—господа всей Манчжуріи, а онъ, похвалявшійся, быть-можетъ, стереть съ лица родной земли ненавистныхъ «бѣлыхъ дьяволовъ» (такъ китайцы вообще величаютъ иностранцевъ),—онъ недавній скиталецъ по непріютной Монголіи, сидитъ плѣнникомъ у нихъ и не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось... Ему въ одно и то же время и больно, и стыдно, и хорошо...

Я не ошибусь, если скажу, что у Шу на глазахъ навертывались слезы.

¹⁾ Мнѣ много разъ приходилось читать и слышать о немзыкальности китайцевъ; если послушать ихъ хоры музыки въ театрахъ и при религиозныхъ церемоніяхъ (напримѣръ, при погребеніи), то дѣйствительно можно прійти къ такому заключенію; но я часто встрѣчалъ и въ избахъ поселянъ и въ лавкахъ купцовъ-горожанъ духовые и струнные инструменты въ родѣ нашихъ флейтъ, скрипки, гитары, изъ которыхъ любители извлекали хотя несложные, все же не лишенные мелодіи мотивы.

Поддаваясь ли общему настроенію, или, можетъ быть, находясь подъ обаяніемъ недюжиннаго симпатичнаго Шу¹⁾, я самъ впервые сердечно отнесся къ китайцамъ, по-евангельски, какъ къ своимъ ближнимъ; до сихъ же поръ никакъ не могъ, хотя и приневоливая себя, встать съ ними на равную ногу. Какое-то инстинктивное предубѣжденіе отталкивало меня отъ этихъ одѣтыхъ въ кофты и юбки людей, съ ихъ косами и бритыми лицами, дѣлавшими мужчинъ похожими на женщинъ. И не одна только внѣшность отталкивала: очень ужъ чуждъ намъ по духу и крови народъ китайскій...

Нашъ ужинъ неожиданно обратился въ чествованіе одного изъ лучшихъ воиновъ Китая.

Молодежь, со свойственною ей восторженностью, продолжала шумными тостами привѣтствовать генерала. Въ честь дорогого гостя и во славу русскаго хлѣбосольства вино лилось рѣкой, гремѣла музыка и въ перемежку съ офицерскимъ хоромъ заливался разудалыми пѣснями хоръ стрѣлковъ...

Откуда-то появились плясуны, загудѣлъ бубенъ, полились захватскіе звуки «гармоники», выскочилъ на середину комнаты молодой солдатикъ и, взявъ, какъ баба, руки въ «боки», и, то поводя плечами, то шевеля бедрами, засѣменилъ на мѣстѣ со словами: «ихъ-хи-хи-хи-хи, пошли бабы въ три ноги...» Навстрѣчу ему сажилъ въ присядку солдатъ въ красной рубашкѣ, приговаривая: «ой, ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь!...» «Что-ты, что-ты, что-ты, я сама четвертой роты!»... верещалъ тоненькимъ голоскомъ солдатъ за бабу, какъ бы прикипѣвъ къ мѣсту, когда у него ходили и подергивались всѣ суставы...

Видъ русскихъ офицеровъ, толпившихся вмѣстѣ съ китайцами вокругъ плясуновъ-солдатъ, невольно вызывалъ въ памяти слова поэта:

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль казнить, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пирь, такъ пирь горой!

¹⁾ Сосланный впослѣдствіи въ г. Иркутскъ Шу спился тамъ и застрѣлился.

Парадъ въ Мукденѣ.

Въ день коронаціи, 14 мая, мы идемъ по улицамъ Мукдена¹⁾ къ западнымъ воротамъ наружной стѣны, на площадь между кумирнями, въ составѣ 2, 7 и 8 ротъ 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка. Остальныя роты разбросаны по другимъ городамъ; 1-я и 5-я роты со штабомъ подходятъ, между прочимъ, подъ начальствомъ командующаго полкомъ, къ Мукдену, на пути изъ Ляояна.

Миновали людное и невыносимо пыльное предмѣстье; вступаемъ черезъ ворота внутренней стѣны на главную торговую улицу, расцвѣченную, по случаю высокоторжественнаго дня, русскими національными флагами; лавки открыты настежь; толпы народа съ любопытствомъ смотрятъ на солдатъ; по бокамъ бѣгутъ взапуски мальчишки или стараются итти съ солдатами въ «ногу». Роты какъ будто маршируютъ гдѣ-либо по улицамъ Москвы, Калуги или Тулы.

¹⁾ Мукденъ—главный городъ Мукденской провинціи; въ немъ насчитывается до 200.000 жителей; находясь въ пересѣченіи главныхъ путей, ведущихъ въ Манчжурію изъ внутренняго Китая и Кореи, онъ принадлежитъ къ наиболѣе торговымъ и промышленнымъ центрамъ. Городъ этотъ обнесенъ глинобитною стѣною около 17 верстъ въ окружности и, кромѣ того, внутри его существуетъ другая стѣна, построенная изъ кирпича, съ башнями и амбразурами, имѣющая въ окружности болѣе 4¹/₂ верстъ. Внутренняя часть города наиболѣе многолюдна и сосредоточиваетъ въ себѣ главную торговую дѣятельность. Въ городѣ, кромѣ палаты чиновъ, существуютъ особые министерства, во главѣ которыхъ поставленъ дзянь-дзюнь или генералъ-губернаторъ, на правахъ намѣстника; затѣмъ храмы Неба, Земли—Тай-Мяо и т. п.

Я всматриваюсь въ выраженія лицъ китайцевъ, — рѣдко сверкнетъ взоръ изъ-подлобья: лица больше благодушныя. Старики такъ прямо смотрятъ благожелательно... Маленькія же дѣтишки или совсѣмъ голыя, — или въ однихъ штанишкахъ, — если не бѣгутъ за солдатами (какъ это дѣлаютъ ребятишки всѣхъ странъ и народовъ), то сидятъ стайками у домовъ и лопочутъ: «солдата, солдата». Которые похрабрѣе, тѣ прикладываютъ грязныя лапки къ непокрытымъ головамъ (отдаютъ честь) и ужъ послѣ, съ сознаніемъ исполненнаго долга, протягиваютъ руки со словами: «Капитана, давай деньги». Слѣпой-нищій, наигрывавшій на дудкѣ, слышавъ шаги солдатъ, начинаетъ усиленно кланяться, приговаривая: «Капитана ¹⁾, кушай-кушай мѣ-ю (нечего ѣсть), давай деньги». У стѣны, чтобы пропустить солдатъ, прижалась двухколесная каретка, запряженная муломъ; мула держитъ подъ уздцы кучеръ, рядомъ стоитъ провожатый ²⁾. Сидѣвшая внутри дѣвочка лѣтъ 7—10, очевидно изъ хорошаго семейства, при приближеніи солдатъ, порывисто бросилась къ оконцу каретки, — довѣрчиво смотрятъ любопытныя глазки ребенка.

Только груды мусора, да обгорѣлыя стѣны напоминаютъ о бывшемъ народномъ волненіи; въ сентябрѣ прошлаго года китайскія войска, покидая, подъ натискомъ отряда генералъ-лейтенанта Суботича, Мукденъ, сожгли и разграбили лучшую часть этой улицы съ ея магазинами европейскихъ товаровъ. Теперь она, впрочемъ, отстраивается — кругомъ кипитъ работа; во многихъ еще не вполнѣ отдѣланныхъ лавкахъ открыта торговля... По всему видно, — спокойствіе и порядокъ возстановляются: вотъ и блюстители его, — рядомъ стоятъ съ ружьями русскій (полицейскій) ³⁾ солдатъ и китайскій ⁴⁾; форменная темная куртка китайскаго воина перетянута патронташемъ; шаровары забраны въ матерчатые сапоги (очень похожіе на плисовые сапожки, въ какіе кутають ноги наши старушки); на головѣ китайскаго солдата что-то въ родѣ кички или повойника, отчего его лицо

¹⁾ Такъ китайцы зовутъ всѣхъ офицеровъ.

²⁾ Бѣгутъ около кареты, какъ наши старинные скороходы.

³⁾ Часть нижнихъ чиновъ-стрѣлковъ исполняла обязанности полицейскихъ.

⁴⁾ Изъ разрѣшенной русскими дзянь-дзюню милиціи.

походить на бабье... Китаецъ отдастъ намъ честь, дѣлая пріемъ «на-караулъ» по-русски...

Выходимъ черезъ западныя ворота на площадь кумиренъ; отсюда начинается широкая, обсаженная деревьями, императорская дорога въ Пекинъ; она идетъ мимо императорской могилы,—могилы основателя царствующей въ Китаѣ манчжурской династіи. Окружающій могилу паркъ темнѣетъ на горизонтѣ...

Мы попираемъ въ данную минуту самую священную землю китайцевъ, не позволявшихъ ранѣе провести здѣсь желѣзную дорогу (поэтому дорога дѣлаетъ крюкъ верстъ на 20 въ сторону), чтобы не потревожить покой дракона ¹⁾, стерегущаго останки знаменитаго Манчжура.

Сзади насъ Мукденъ—колыбель славы манчжурской династіи; передъ нами открытая дорога въ Пекинъ—столицу срединнаго царства, покинутую въ настоящее время слабымъ потомкомъ великаго завоевателя.

Отрядъ за отрядомъ показываются изъ воротъ русскіе. За нами идетъ баталіонъ 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка; за нимъ—15-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ; потомъ двигается сводно-гвардейская батарея,—рота саперъ; рысать Читинскій полкъ Забайкальскаго казачьяго войска, громыхаетъ 3-я батарея 2-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады.

... Части выстраиваются покоемъ. Появляются паланкины ²⁾ съ китайскими чиновниками, сопровождаемые конными слугами въ разноцвѣтныхъ кофтахъ, остроконечныхъ съ красными кистями шляпахъ. Въ ожиданіи дзянь-дзюня всѣ они направляются на дворъ кумирни...

Несутъ, наконецъ, въ богатомъ паланкинѣ и самого дзянь-дзюня; впереди конвой—человѣкъ сорокъ китайскихъ солдатъ съ ружьями; позади живописная многочисленная свита съ разноцвѣтными шариками ³⁾ на шапкахъ и толпа слугъ; всѣ—конные; шествіе спѣшнымъ шагомъ пересѣкаетъ площадь... Ска-

¹⁾ Послѣ, когда когти у дракона немного пообрѣзали, дорогу провели между могилой и городомъ.

²⁾ Паланкинъ—крытыя носилки, въ которыхъ при торжественномъ случаѣ носятъ важныхъ китайскихъ чиновниковъ.

³⁾ У китайцевъ военные и гражданскіе чины различаются по цвѣтнымъ стекляннымъ шарикамъ на шапкахъ.

четь трубачъ-махальный, давая знать, что ѣдетъ начальникъ южно-манчжурскаго отряда генералъ-лейтенантъ Церпицкій...

— Смирно, артиллерія и казаки шашки вонъ, по полкамъ — слушай, на-караулъ!

Командуетъ старшій изъ командировъ частей, казачій полковникъ Котовъ.

Начальникъ отряда скорымъ маршъ-маршемъ проносится по фронту, здороваясь съ войсками... На бѣломъ кителѣ генерала эффектно выдѣляются кресты и орденская лента... «Шанго, шанго» (хорошо, хорошо) слышится изъ толпы китайцевъ-зрителей; ихъ не можетъ не поражать контрастъ между русскимъ генераломъ, обѣзжающимъ на всемъ скаку войска и — неподвижнымъ дзянь-дзюнемъ, котораго какъ раскормленнаго ¹⁾ индюка носить въ клѣткѣ.

Громкимъ «здравія желаемъ» отвѣчаютъ на привѣтствіе боевые ряды молодцовъ-стрѣлковъ, казаковъ и артиллеристовъ.

Здѣсь стоятъ части, всѣ побывавшія въ огнѣ; большинство ротъ, сотенъ и обѣ батареи десятками насчитываютъ въ рядахъ «георгіевскихъ кавалеровъ», не досчитываясь въ то же время многихъ, которые, залитъ своею кровью вспыхнувшій было пожаръ народныхъ страстей, лежатъ теперь въ сырой землѣ или мучаются по госпиталямъ...

«На молитву... гг. офицеры къ аналою!..» слышится призывъ. Посрединѣ площади отрядный священникъ, отецъ протоіерей Викторъ Тимошенко, осанисто начинаетъ службу. «Господу помолимся, возглашаетъ онъ...» Приближается дзянь-дзюнь со свитой. Полковникъ Громбчевскій докладываетъ начальнику отряда... Генералъ Церпицкій привѣтливо, но коротко здоровается съ генералъ-губернаторомъ Южной Манчжуріи и съ главными изъ его приближенныхъ, предоставляя занимать гостей полковнику Громбчевскому — русскому совѣтнику при китайскомъ дзянь-дзюнѣ.

Обязанности полковника обширны и требуютъ много такта при постоянномъ взаимодействіи, нерѣдко и противодѣйствіи, двухъ властей — русской и китайской; ему приходится играть роль буфера...

¹⁾ По китайскимъ понятіямъ, чѣмъ чиновникъ выше по должности, тѣмъ онъ долженъ быть, какъ наши до-петровскіе бояре, толще, неподвижнѣе, тучнѣе... важнѣе...

Крупная и цвѣтущая здоровьемъ фигура полковника показываетъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо въ своемъ, по временамъ, тѣсномъ положеніи; полковникъ разговариваетъ со старшими мукденскими бонзами ¹⁾; бонзы, бросаясь въ глаза ярко-желтыми шелковыми одѣянiями, подошли вмѣстѣ съ дзянь-дзюнемъ. Правитель Южной Манчжурiи ²⁾ (Мукденской провинціи) пожилой, тучный средняго роста мужчина съ умнымъ лицомъ; выраженіе глазъ трудно разобрать: онъ предусмотрительно держитъ ихъ полужакрытыми.

На немъ поверхъ длиннаго темно-синяго шелковаго халата надѣта парадная кофта (надѣвается въ торжественныхъ случаяхъ); на кофтѣ, на груди и на спинѣ вышиты голубымъ шелкомъ, какъ признакъ одѣянiя мандарина, драконы—символъ могущества Китая; на шеѣ у мандарина цѣпь изъ цвѣтныхъ камней, напоминающая не то бусы, не то четки. Дзянь-дзюнь держитъ себя непринужденно, съ большимъ достоинствомъ, стараясь привѣтливо улыбаться, когда кто-либо изъ русскихъ обращается къ нему.

Мало-по-малу все вниманіе китайскаго сановника и окружающихъ его чиновниковъ сосредоточивается на богослуженіи,—особенно участливо всматривались старики бонзы,—ихъ, видимо, интересовало все: и чинъ служенiя вообще, и возгласы священника, осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, священные предметы на аналоѣ: евангеліе, крестъ, чаша со святою водою.

Почтительное къ обрядамъ чуждой религіи выраженіе не покидало ихъ лицъ до конца службы. Одинъ увлекся до того, что вплотную сбоку подошелъ къ отцу протоіерею...

Замѣтивъ неумѣстную близость бонзы къ совершающему богослуженіе священнику, начальникъ штаба полковникъ Постовскій поручилъ кому-то изъ свиты отвлечь его отъ аналоя...

Китаецъ-чиновникъ, повидимому, не желая обижать замѣчаніемъ свое духовное лицо, не попросилъ его прямо отойти, а, заговоривъ съ нимъ, началъ медленно отходить... Бонза отошелъ было, но потомъ снова вернулся на свое мѣсто...

¹⁾ Бонза — буддiйскiй священникъ.

²⁾ Вся Манчжурiя съ ея площадью въ 750.000 кв. верстъ и 17-милліоннымъ населеніемъ раздѣлена въ административномъ отношеніи на три провинціи: Хэй-лунчанскую, Гиринскую и Мукденскую; въ послѣдней 7.000.000 жителей.

При провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и все-россійскому православному воинству, послѣдовали одинъ за другимъ три оглушительные взрыва фугасовъ... Земля дрогнула и три воронкообразные столба земли высоко поднялись въ воздухъ; по этому сигналу началась салютационная пальба изъ пушекъ батареи на парадѣ и со стѣнъ города...

Молебень кончился; войска взяли «на-караулъ». Начальникъ отряда поздравляетъ съ высокаторжественнымъ днемъ, и громкое «ура» сливается со звуками народнаго гимна. Едва смолкла музыка полковъ, бывшихъ на парадѣ, какъ снова гдѣ-то вдали раздалось: Боже, Царя храни! То подходятъ изъ Ляояна ¹⁾ двѣ роты 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка съ командующимъ полкомъ генераль-майоромъ Хоруженковымъ во главѣ.

Роты, по приказанію начальника отряда, направляются съ похода прямо на парадъ. Войска строятся къ церемоніальному маршу... Равняясь по «стрункѣ», рота за ротой проходятъ молодцами сибирскіе стрѣлки; части идутъ держа ружья «на плечо». «На руку!»—приказываетъ начальникъ отряда равняющимся съ нимъ ротамъ; сверкаетъ стальною щетиной штыковъ фронтъ...

«Ура», командуютъ офицеры...—Ружья на перевѣсъ. Съ крикомъ «ура» стѣной стремятся роты впередъ... Дзянь-дзюнь принужденно выдавливаетъ улыбку, суживая и безъ того небольшіе глаза при видѣ проходящихъ и пробѣгающихъ «бѣлыхъ дьяволовъ» ²⁾.

Дѣйствительно «дьяволы»: ихъ въ Южной Манчжуріи всего какихъ-нибудь 7.000—10.000 человекъ, а у него, дзянь-дзюня, въ одномъ Мукденѣ 200.000 жителей, во всей же Мукденской провинціи наберется до 8 милліоновъ потомковъ храбрыхъ манчжуръ, и, однако, онъ, дзянь-дзюнь, чувствуетъ, что ничего не въ состояніи сдѣлать съ этими союзниками... дьявола... И лошади какія у нихъ крупныя, однамастныя... всѣ какъ на подборъ, и тоже, какъ люди, равняются; проходитъ сводно-гвардейская батарея; ея рыжеватыхъ съ бѣлыми отмѣтинами на лбу лошадей

¹⁾ Ляоянь—въ 60 верстахъ къ югу отъ Мукдена. Въ Ляоянѣ зимой стояли штабъ полка и нѣсколько ротъ; остальные роты занимали гарнизонами города: Хойчэнь и Старый Нью-чуангъ; въ данный моментъ полкъ, въ виду экспедиціи на сѣверъ, стягивался въ Мукденъ.

²⁾ Такъ китайцы чествуютъ вообще европейцевъ.

смѣняють сытыя воронья 3-й батареи (подполковника Маллера) 2-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады.

Рысью приближается Читинскій полкъ забайкальскаго казачьяго войска. Пущенные въ карьеръ, казаки вихремъ уносятся въ облакахъ пыли.

Съ пѣснями и музыкой войска расходятся по квартирамъ; въ городскихъ воротахъ наружной (глиняной) стѣны выстроился для отданія чести русскимъ знаменамъ китайскій караулъ ¹⁾; растерянно недоумѣвающе смотрятъ на проходящихъ русскихъ китайскіе солдаты, держа ружья «на-караулъ» по-русски, но съ разставленными врозь ногами...

Дзянь-дзюню караулъ отдаетъ честь по-своему: придерживая обѣими руками ружья наискось груди, солдаты припадаютъ на одно колѣно...

Генераль-губернаторъ Мукдена со старшими чиновниками ѣдетъ на обѣдъ къ генералу Церпицкому, куда приглашены также командиры отдѣльных частей и всѣ штабъ-офицеры. На обѣдѣ дзянь-дзюнь провозгласилъ тостъ за Русскаго Государя Императора, на что начальникъ отряда генераль-лейтенантъ Церпицкій отвѣтилъ тостомъ за богдыхана.

¹⁾ Ворота внутренней каменной стѣны охранялись русскими караулами.

Пріѣздъ хора Славянской.

Въ срединѣ ноября 1901 года городъ Мукденъ навѣстили неожиданные, но желанные гости. Капелла г-жи Славянской, посѣтивъ наши дальніе города: Владивостокъ, Дальній и Портъ-Артуръ, побывавъ въ Тянь-цзинѣ и Пекинѣ, прогостила у насъ въ Мукденѣ четыре дня.

Въ Мукденѣ, въ ноябрѣ стояли гарнизономъ 1^{1/2} стрѣлковъ полка, Нерчинскій казачій, батарея, штабъ южно-манчжурскаго отряда, госпиталь и нѣкоторые хозяйственные учрежденія.

Чтобы понять значеніе пріѣзда хора г-жи Славянской для русскихъ войскъ въ Мукденѣ, необходимо хоть слегка ознакомиться съ тогдашнимъ ихъ бытомъ.

Возвратившись въ августѣ мѣсяцѣ 1901 года изъ трехмѣсячной тяжелой экспедиціи въ горахъ Лунгана¹⁾ противъ Ліутандзыра, этого вождя народнаго ополченія, послѣдняго оплота манчжуръ, разбитаго и разсѣяннаго горстями стрѣлковъ, казаковъ и артиллеристовъ²⁾, войска немедленно принялись за мирныя занятія: авторъ этихъ строкъ представлялъ роту на инспекторскій смотръ начальника южно-манчжурскаго отряда³⁾ на чет-

¹⁾ Заповѣдныя лѣса императорской охоты на границахъ Кореи.

²⁾ Противъ 10 — 15 тысячъ полчищъ Ліутандзыра, засѣвшихъ въ малопрístupныхъ горахъ, въ обоихъ русскихъ отрядахъ (сѣверномъ — генерала барона Каульбарса и южномъ — генерала Церпицкаго) не насчитывалось 5—6 тысячъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, потому что Ліутандзыра постепенно окружали.

³⁾ Генераль-майора Флейшера.

вертый день по возвращеніи изъ похода и черезъ мѣсяцъ — на смотръ стрѣльбы по Высочайшему повелѣнію ¹⁾. Само собой понятно, къ этимъ смотрамъ хоть какъ-нибудь да надо было подготовиться. Въ то же время войска собственноручно устраивали себѣ помѣщенія на зиму; дѣятельно исправлялись прорѣхи въ обмундированіи и въ обуви; шли занятія съ молодыми солдатами (прибывшими по 50 человѣкъ въ роту).

Послѣ напряженія, вызваннаго годомъ войны, послѣднюю экспедиціей и послѣдующею лихорадочною работой, естественно, должна была почувствоваться необходимость встряхнуть себя, все равно чѣмъ-нибудь. Наступилъ, слѣдовательно, такой психологическій моментъ въ жизни офицеровъ, когда они, вырвавшись на зады арміи, дѣлаются постоянными посѣтителями обычныхъ спутниковъ тыла, разнаго рода увеселительныхъ заведеній.

Понятно, поэтому, до какой степени участливо отнеслось къ капеллѣ г-жи Славянской небольшое русское общество въ Мукденѣ. На станцію за хоромъ были посланы лошади. Начальникъ южно-манчжурскаго отряда генералъ-маіоръ Флейшеръ одобрилъ предложеніе временно-командующаго 1-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ Его Величества полкомъ полковника Лечицкаго считать хоръ и г-жу Славянскую гостями полка ²⁾. Предсѣдатель распорядительнаго комитета по устройству гарнизоннаго собранія полковникъ Латернеръ ³⁾ предоставилъ въ распоряженіе г-жи Славянской залъ собранія.

Два концерта въ собраніи дали полные сборы; оба раза залъ былъ переполненъ. 1 и 3 отдѣленіе программы состояло изъ пѣнія, 2-е же изъ музыки, исполненной «великорусскимъ оркестромъ балалаечниковъ». Хоръ, по обыкновенію, былъ одѣтъ въ разноцвѣтныя, боярскія одежды XVI и XVII вѣка; попарно, чинно и тихо выходятъ на сцену дѣти, потомъ взрослые и за ними въ жемчужномъ кокошникѣ, въ богатой тѣлогрѣѣ, въ штофномъ, отороченномъ мѣхомъ и обшитомъ золотымъ позументомъ сарафанѣ, слегка прикрытая фатой, выражаясь по старинному, выступаетъ павой, напоминая собою статную старо-

¹⁾ Командированнаго по Высочайшему повелѣнію для инспектированія стрѣльбы генерала Кабакова.

²⁾ Хоръ размѣстили и довольствовались въ 1-мъ полку.

³⁾ Товарищъ военнаго прокурора.

русскую боярыню-красавицу — сама Надежда Дмитриевна Славянская.

Изъ разнообразнаго и чудно выполняемаго репертуара особенно понравилась публикѣ бурлацкая пѣсня: «Эй ухнемъ!» Пропаданіе звуковъ до крайняго *pianissimo* было удивительно хорошо исполнено. Когда слушаете эту пѣсню, такъ и рисуются передъ вами родныя картины, такъ и всплываетъ въ волнахъ музыкальных звуковъ караванъ судовъ на матушкѣ Волгѣ; медленно ползутъ по ея широкой водной поверхности полнобокія бѣляны, мокшаны, неуклюжія расшивы; берегомъ, по бечевнику, загружая въ пескѣ, продираясь по пролѣскамъ, карабкаясь по утесамъ, тянутъ лямку подъ заунывную пѣсню бурлаки... Караванъ удаляется все дальше и дальше; пѣсня постепенно замираетъ, теряясь въ безконечномъ просторѣ лугового берега... Пѣсня умолкла въ отдаленіи — мертвая тишина... Вдругъ взрывъ рукоплесканій затаившихъ дыханіе слушателей...

Выдѣлялась также по своей задушевности и замѣчательной нюансировкѣ пѣсня «Вотъ мчится тройка удалая по Волгѣ матушкѣ зимой»... Грусть захватываетъ слушателя: на глазахъ у него навертываются слезы... Звуки пѣсни льются, а ему, какъ очарованному, чудится широкая пелена снѣжной равнины зимней Волги: тяжело нависли свинцовыя тучи, короткій зимній день клонится къ вечеру, падаетъ хлопьями снѣжокъ... На дорогѣ стоитъ тройка, слегка пошевеливая бубенцами... Около дуги, что-то поправляя, возится ямщикъ; тронутый привѣтливымъ словомъ сѣдока, онъ разговорился: грусть-тоска безысходная змѣей подколодною сосетъ ретиво сердце добра молодца — есть у него синеокая зазнобушка съ толстою русою косою, да не въ добрый часъ, знать, спознались они...

Еще въ душѣ многихъ изъ присутствовавшихъ дрожали и звенѣли струны, задѣтыя звуками родныхъ напѣвовъ, пробуждая давно забытыя воспоминанія, вызывая милые, далекіе образы... какъ слышалось тренканье и бренчанье балалаекъ. Искусными пальцами хора Славянской, изъ столь, повидимому, неблагодарнаго инструмента, какова балалайка, извлекались красивые и вполне музыкальные аккорды... сначала медленно, плавно, потомъ темпъ учащается... и залихватскій «камаринскій» мужикъ развернулъ на распашку свою разудалую русскую душу...

За рѣдкое удовольствіе слышать русскую пѣсню въ высокохудожественномъ исполненіи, особенно на чужбинѣ, общество офицеровъ 1 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка поднесло Н. Д. Славянской золотой браслетъ и букетъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ серебра китайскимъ ювелиромъ.

Послѣ концерта хору (взрослымъ и дѣтямъ) былъ предложенъ ужинъ въ собраніи, дѣтямъ же (ихъ было въ хорѣ до 15 человѣкъ), кромѣ того, конфекты и подарки.

На оба концерта явилось много китайцевъ, между прочимъ — и одинъ изъ здѣшнихъ антрепренеровъ китайскихъ театровъ съ актрисами-китайками; онъ предложилъ г-жѣ Славянской дать концертъ въ китайскомъ театрѣ съ уплатою опредѣленной суммы впередъ. И вотъ тамъ, гдѣ съ небольшимъ годъ тому назадъ раздавались, быть можетъ, призывы «боксеровъ» къ истребленію европейцевъ, и, во всякомъ случаѣ, недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свистали пули и гудѣли гранаты, — тамъ многимъ, вѣроятно, очевидцамъ этихъ ужасовъ представилось другое зрѣлище — передъ китайскою публикой ¹⁾ русскій хоръ, состоящій наполовину изъ дѣтей и управляемый женщиной, пѣлъ русскія пѣсни, больше грустныя, иногда веселыя, но всегда человѣчныя по содержанію. Программа концерта состояла изъ трехъ отдѣленій: двухъ вокальныхъ и одного музыкальнаго (на бала-лайкахъ). Въ антрактахъ, между появленіями русскаго хора, на этой же сценѣ (какъ всѣ китайскія — открытой) китайская труппа, также съ участіемъ дѣтей, подъ китайскую музыку, разыгрывала какую-то эпическую піесу съ пѣньемъ, плясками и акробатическими упражненіями. Здѣсь русское искусство по доброй волѣ протягивало руку китайскому, признавая въ немъ равное право на существованіе.

Дзянь-дзюнь (генералъ-губернаторъ Южной Манчжуріи), самъ присутствовавшій на первомъ концертѣ въ военномъ собраніи, узнавъ о русскомъ концертѣ въ китайскомъ театрѣ, пожаловалъ г-жѣ Славянской серебряную медаль ²⁾ (въ родѣ нашихъ

¹⁾ Среди которой были: городской голова, городской врачъ, министръ отъ Монголіи и монгольскіе ламы, какъ бы опровергая своимъ присутствіемъ въ китайскомъ театрѣ на русскомъ концертѣ установившееся мнѣніе о косности китайцевъ.

²⁾ Дзянь-дзюнь, пользуясь правами вице-короля, имѣетъ право жаловать ордена невысокихъ степеней.

за трудолюбіе и искусство), прислалъ ей въ подарокъ нѣсколько кусковъ шелку, а дѣтямъ хора—50 долларовъ на конфекты. Когда г-жа Славянская поѣхала съ прощальнымъ визитомъ къ дзянь-дзюню, то его старушка-мать, принявъ г-жу Славянскую радушно и привѣтливо (причемъ потрепала по щекѣ—высшій видъ китайской ласки), подарила ей со своей стороны разныя китайскія изящныя бездѣлушки на память, какъ она выразилась, о китайскихъ женщинахъ.

Затѣмъ, по желанію командующаго 1-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ Его Величества полкомъ полковника Лечицкаго, данъ былъ за удешевленную цѣну концертъ для нижнихъ чиновъ полка въ приспособленномъ для этой цѣли въ обширномъ преддверіи императорскаго дворца.

Въ воскресенье капелла, по желанію г-жи Славянской, пѣла, безвозмездно, обѣдно въ отрядной церкви. Съ растроганными чувствами молилась, подъ умирительное, давно неслыханное, стройное пѣніе, небольшая кучка Русскихъ людей, заброшенныхъ судьбою въ глубь Южной Манчжуріи, невольно переносясь при звукахъ Херувимской Бортнянскаго изъ скромной походной церкви въ великолѣпные храмы далекой Россіи съ ихъ старинными иконами въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, усыпанныхъ драгоценными камнями, гдѣ мерцаютъ огоньки лампадъ цвѣтного хрусталя и ярко горятъ свѣчи паникадилъ...

Въ русскомъ театрѣ въ Артурѣ.

— Приходите,—говорятъ знакомые,—сегодня къ намъ въ ложу.

— Благодарю,—что идетъ?

— Вотъ афишка...

Читаю: «атлетическія, акробатическія упражненія знаменитаго гимнаста... жонглеры, клоуны...»

Давно забытымъ милымъ дѣтствомъ пахнуло отъ этой афишки. «Жонглеры, клоуны, чревоушители, шпагоглотатели... и живыхъ голубей ѣдятъ», припомнились мнѣ широкоушительныя афишки на масленичныхъ балаганахъ...

Въ такомъ, можно-сказать, отроческомъ настроеніи явился я на представленіе.

Въ Артурѣ я недавно и то проѣздомъ, въ здѣшнемъ же театрѣ ¹⁾ въ первый разъ... Осматриваюсь: партеръ биткомъ набитъ избранною артурскою публикой; ложи также всѣ заняты; рядомъ съ нами, въ ложѣ сидятъ четыре молодые еврейки; потомъ выдѣляются чистенькими мундирчиками со свѣтлыми пуговицами воспитанники Портъ-Артурской военной школы, затѣмъ опять ложа съ молодыми еврейками... Только что хотѣлъ спросить знакомую даму, почему такъ много евреекъ,—вѣдь, евреямъ жить здѣсь запрещено,—какъ поднялся занавѣсъ.

Гимнастъ продѣлываетъ головокружительныя упражненія, вертается на вытянутыхъ рукахъ вокругъ трапеціи; выходы, вѣрнѣе выходки, клоуновъ смѣшатъ публику. Однимъ словомъ,

¹⁾ Собственно въ Артурѣ ни труппы (въ то, по крайней мѣрѣ, время), ни постоянного театра не было—его замѣняло приспособленное для этой цѣли помѣщеніе при матросской чайной, въ которомъ играли наѣзжавшіе по временамъ артисты.

все идетъ своимъ чередомъ. Но вотъ это-то и не совсѣмъ обыкновенное: гимнасту поставили на голову полѣно и начали колоть... ничего себѣ, полѣно треснуло, голова осталась цѣла ¹⁾), публика бурными аплодисментами наградила обладателя прочной головы, оставшись, вѣроятно, довольною тѣмъ, что, наконецъ, увидѣла человѣка, у котораго можно на головѣ не только «колѣ тесать», но даже колоть дрова...

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ опять въ Артуръ; читаю на улицѣ афишу: «Сегодня, въ понедѣльникъ, такого-то числа, въ театрѣ, при матросской чайной, капеллой г-жи Славянской будетъ исполнено... Начало ровно въ 8¹/₂ часовъ». Рядомъ другая афиша другого цвѣта; въ ней сказано: «Сегодня, въ понедѣльникъ, такого-то числа, въ театрѣ при матросской чайной имѣетъ быть представленіе труппою балета послѣднее, прощальное, блестящее... Начало ровно въ 9 часовъ вечера». Что же это, думаю, неужели на концертъ г-жи Славянской лишь полчаса, а на балетъ все остальное время вечера?

Иду въ матросскую чайную; тамъ въ одной клѣткѣ изъ двухъ кассъ мирно продаются билеты на балетъ и концертъ. Остроумно: возьмешь билетъ на балетъ,—неловко не взять билета на концертъ... а взявъ билетъ въ концертъ, не грѣхъ взять и на балетъ. Взялъ два билета.

«— Что это вы такъ мало уступили времени г-жѣ Славянской, всего полчаса?»—спрашиваю я самого директора балетной труппы.

«— Ошибка въ афишѣ,—мы завтра...»

Наступило это «завтра». Прихожу въ театр-чайную. Публики полно.

— Вчера также было достаточно публики, хотя меньше, чѣмъ сегодня,—обращаюсь я къ своему сосѣду по стульямъ.

«— Что же, Славянская стѣдитъ... русскія пѣсни... къ тому же она пѣла съ хоромъ церкви... Я, впрочемъ, въ концертѣ здѣсь не былъ...» заключаетъ цѣнитель русскихъ пѣсень (врядъ ли бывший и у обѣдни)—мой сосѣдъ, старичекъ лѣтъ подлѣ 60, прищуривая свои, покрытые мутноватымъ блескомъ, глазки, при видѣ одѣтыхъ въ трико трехъ нѣмокъ, дрыгающихъ на сценѣ непомерно длинными ногами, которыми онѣ стараются выдѣлывать пѣ...

¹⁾ Разумѣется, или полѣно, или голова съ машинкой, но дѣло въ желаніи извѣстнымъ образомъ произвести эффектъ.

Онъ захлебывается отъ наслажденія... Ему уже мерещатся учрежденія, гдѣ золотая молодежь, мышиные жеребчики и убѣленные сѣдинами старцы, разные столбы и опоры семействъ, наслаждаются букетами японскихъ, бѣлыхъ и преимущественно палестинскихъ розъ съ лепестками, довольно помятыми во время артистическихъ турнэ ихъ обладательницъ по портамъ Восточнаго Океана...

Балетное отдѣленіе кончилось; нѣмки скрылись, на ихъ мѣстѣ—полуодѣтая женщина; это—«Нинишъ»¹⁾. Она пляшетъ канканъ, высоко задирая ноги и показывая бѣлье...

Затѣмъ на сцену появляются панталоны, штаны и кальсоны; позволяю себѣ обратить на нихъ вниманіе читателей, потому что они послѣ канкана играли въ пьесѣ выдающуюся роль и заслужили одобреніе публики: сначала вышелъ въ красныхъ панталонахъ шалопай—графъ, старинный пріятель Нинишъ; шалопай прячется въ кабинетъ²⁾ отъ отца дѣвушки, оскорбленной его ухаживаніемъ; отецъ запримѣтилъ красныя панталоны и преслѣдуетъ ихъ; Нинишъ (теперь тоже графиня), желая выручить своего бывшего поклонника, предлагаетъ ему свои купальныя кальсоны; начинается переодѣванье въ кабинетъ; кончики снятыхъ красныхъ панталонъ виднѣются изъ-подъ нея; по ихъ адресу въ публикѣ слышатся одобрительные возгласы, изъ кабины выходитъ графъ въ кальсонахъ графини; кальсоны вызываютъ аплодисменты; но шалопай—графъ несмотря на одобреніе публики находитъ, что въ нихъ далеко не уйдешь, и похищаетъ изъ другой кабины черныя штаны, принадлежащіе купальщику Грегуару³⁾, эти штаны встрѣчены еще болѣе дружными аплодисментами, чѣмъ панталоны съ кальсонами; наконецъ бурю восторговъ вызвали суконные брюки графа (мужа графини Нинишъ), когда гарсоны въ гостинницѣ, обыскивая въ нихъ карманы и отнимая другъ у другъ, разорвали ихъ по-поламъ и т. д.—Однимъ словомъ вся мораль въ «Нинишъ» состояла, можно сказать, въ подниманіи юбокъ и сниманіи кальсонъ.....

¹⁾ Нинишъ—куртизанка, героиня оперетки того же имени.

²⁾ Кабина—подвижная на колесахъ будка для раздѣванья.

³⁾ Купальщикъ Грегуаръ играетъ здѣсь при дамахъ такую же роль, какъ проводники-татары въ Крыму—при поѣздкахъ съ дамами въ горы...

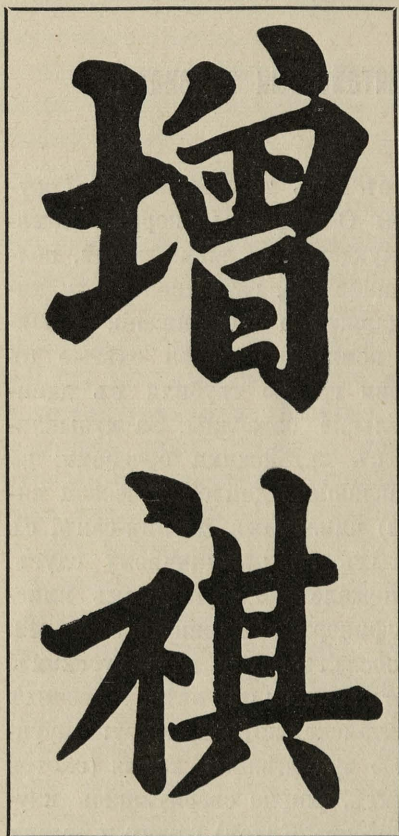
Награжденіе русскихъ китайскими орденами.

Въ 10 час. утра 23 апрѣля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, передъ помѣщеніемъ военнаго комиссара при мукденскомъ дзянь-дзюнь, полковника генеральнаго штаба Квѣцинскаго, раздались звуки китайской музыки, шумно возвѣщавшей о приближеніи какой-то процессіи. Вскорѣ на дворъ комиссара вошли одѣтые въ красное китайскіе музыканты; они громко трубили въ длинныя мѣдныя трубы и били въ большіе барабаны. За музыкантами несли красный балдахинъ съ китайскими орденами; за балдахиномъ ѣхалъ верхомъ управляющій дипломатической китайской канцеляріей (въ Мукденѣ) чиновникъ Ли-пин-санъ, съ помощникомъ и толпою разодѣтыхъ по праздничному слугъ. Всѣхъ орденовъ въ этотъ разъ пожаловано китайскимъ императоромъ русскимъ генераламъ, офицерамъ и чиновникамъ 42. Сорокъ двѣ китайскихъ звѣзды послалъ сынъ неба русскимъ! Вообще звѣзды эти мало чѣмъ отличаются отъ звѣздъ прочихъ народовъ. Въ частности же въ китайской звѣздѣ, вокругъ крупнаго рубина или иного какого-либо драгоцѣннаго камня (смотря по степени и классу ордена) лежитъ, мирно свернувшись клубочкомъ, драконъ (символъ могущества Китая), отчего и орденъ носитъ названіе «Орденъ дракона». Драконъ окруженъ іероглифами и средней величины жемчужинами или бирюзой или другими болѣе или менѣе цѣнными камнями, опять-таки смотря по степени ордена. Звѣзды ¹⁾ высшихъ степеней—золотыя; низшихъ—серебряныя. Ордена эти установлены китайскимъ правительствомъ собственно для европейцевъ; китайскимъ же мандаринамъ, офицерамъ и чиновникамъ жалуются разныхъ цвѣ-

¹⁾ Орденъ высшей степени состоитъ изъ двухъ частей: орденъ въ родѣ нашихъ крестовъ (только не съ четырьмя, а пятью концами), который носится на лентѣ на подобіе нашихъ, и—собственно звѣзды, носимой на груди.

товъ... стеклянные шарикъ и перья (вороньи и павлиньи), которые вставляются въ трубочку, прикрѣпляемую сзади головного убора подъ стекляннымъ шарикомъ.

Вскорѣ, вслѣдъ за орденами, прибылъ къ комиссару и самъ дзянь-дзюнь мукденскій съ фу-иномъ ¹⁾, въ сопровожденіи кон-

Визитная карточка дзянь-дзюня.

воя вооруженныхъ китайскихъ солдатъ и большой свиты чиновниковъ разнаго цвѣта шариковъ и перьевъ. Дзянь-дзюнь, фу-инъ и свита были въ парадныхъ одѣяніяхъ—цвѣтныхъ шелковыхъ курмахъ (кофтахъ) съ вышитыми разноцвѣтными шелками на спинѣ и груди журавлями и фазанами (у гражданскихъ чиновъ),—единорогами и львами (у военныхъ).

Дзянь-дзюнь пріѣхалъ поздравить комиссара съ высоко-торжественнымъ днемъ тезоименитства Государыни Императрицы и вмѣстѣ съ тѣмъ передать ордена.

Китайцамъ было предложено шампанское. Первый бокалъ дзянь-дзюнь поднялъ въ честь нашей Государыни Императрицы, на что полковникъ Квѣдинскій отвѣтилъ здравицей за китайскаго императора.

— Раздавая ордена русскимъ генераламъ, офицерамъ и чиновникамъ, такъ или иначе принимавшимъ участіе въ усмирении мятежнаго боксерскаго движенія, китайское правительство, несомнѣнно, было вынуждено къ этому обстоятельствами, но, «*faisant bonne mine au mauvais jeu*», оно видимо желало при этомъ выделить тѣхъ русскихъ дѣятелей въ Южной Манч-

¹⁾ Фу-инъ—помощникъ дзянь-дзюня, градоначальникъ города Мукдена и губернаторъ провинціи, вѣдающій по преимуществу китайскимъ населеніемъ, тогда какъ дѣла манчжуръ подвѣдомственны дзянь-дзюню.

журіи, которые заявили себя справедливостью и безпристрастіемъ къ китайцамъ. Такъ, награждая высшими орденами вице-адмирала Алексѣева, генераль-лейтенанта Суботича, генераль-лейтенанта Церпицкаго, генераль-маіора Флейшера ¹⁾ и др., какъ главныхъ представителей русской власти, китайское правительство пожаловало въ то же время ордена цѣлому составу вр. полевого русскаго суда въ Южной Манчжуріи (полковнику Долгинскому, полковнику Латернеръ и др.), заслужившему особое довѣріе китайцевъ своей безпристрастной дѣятельностью по установленію правовыхъ отношеній между русскими войсками и туземнымъ населеніемъ. Столько же, если не больше, чѣмъ суду, пришлось потрудиться въ этомъ направленіи военнымъ комиссарамъ при дзянь-дзюнѣ, сначала полковнику Громбчевскому, а потомъ полковнику генеральнаго штаба Квѣцинскому. Обоимъ комиссарамъ пожалованы ордена «двойного дракона» 2-й степени 2-го класса—звѣзда съ серебряннымъ сіяніемъ и золотой серединой. Золотая середина ордена какъ бы указывала символически на цѣль назначенія комиссара быть золотой серединой между русскими и китайцами; и оба комиссара съ большимъ тактомъ и умѣніемъ стремились къ этой цѣли, принимая на себя, какъ буфера, неизбежные толчки при взаимно-дѣйствіи, а часто, особенно въ первое время занятія Манчжуріи, и противодѣйствіи русской военной и китайской гражданской власти. Не забыло китайское правительство отмѣтить наградой незамѣтныхъ и скромныхъ, но очень полезныхъ по своей дѣятельности, тружениковъ: русскаго полиціимейстера г. Мукдена, подпоручика Чакирова и военного врача Крюкова ²⁾. Первый снискалъ уваженіе и любовь туземнаго населенія своимъ гуманнымъ и настойчивымъ образомъ дѣйствій при поддержаніи порядка въ городѣ и устраненіи недоразумѣній, легко возникавшихъ вначалѣ между русскими солдатами и жителями-китайцами.

Второй, завѣдуя небольшимъ лазаретомъ для китайцевъ, сумѣлъ удачнымъ лѣченіемъ и мягкимъ обращеніемъ съ паціентами побѣдить ихъ нерасположеніе къ европейскимъ врачамъ.

¹⁾ Генераль-маіоръ Флейшеръ былъ начальникомъ южно-манчжурскаго отряда въ данный моментъ, а генераль Суботичъ и Церпицкій занимали эту должность ранѣе.

²⁾ Оба 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Въ гостяхъ у мукденскаго да-ламы.

Благодаря любезности военного комиссара при мукденскомъ дзянь-дзюнь, я получилъ (8-го мая 1902 года) изъ китайской дипломатической канцеляріи въ Мукденъ пригласительный билетъ, дававшій мнѣ право присутствовать на монгольскомъ богослуженіи и религиозныхъ церемоніяхъ въ кумирняхъ у Западныхъ воротъ, по случаю большого праздника¹⁾ у монголь.

Такой же пригласительный билетъ прислалъ мнѣ²⁾ дзянь-дзюнь утромъ 9-го мая, въ день праздника.

Будучи въ этотъ день дежурнымъ по стрѣльбѣ, я пріѣхалъ къ кумирнямъ только въ 1-мъ часу дня³⁾, когда изъ воротъ дальней кумирни на площадь, всю залитую народомъ, выходило шествіе, очень похожее на наши крестные ходы.

¹⁾ Праздновался день рожденія божественнаго Фо, душа котораго по ученію монголо-буддистовъ продолжаетъ пребывать на землѣ, въ какомъ-либо святомъ, переходя по смерти этого святого въ мальчика, который дѣлается послѣ этого тоже святымъ. Избраннаго мальчика-монгола узнаютъ способомъ, извѣстнымъ только ламамъ (священникамъ).

²⁾ Несмотря на мой небольшой сравнительно чинъ капитана, дзянь-дзюнь нашелъ необходимымъ оказать мнѣ эту любезность, какъ смотрителю императорскаго мукденскаго дворца, въ которомъ помѣщалась для охраны моя рота—2-я рота 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка.

³⁾ Я опоздалъ немного, богослуженіе въ главной кумирнѣ только что кончилось.

Впереди на длинныхъ древкахъ двигались какъ бы наши хоругви, только безъ изображеній, а съ однѣми священными надписями. Хоругви красныя, письма на нихъ черныя. За ними тоже на длинныхъ древкахъ высились, двигаясь, символы власти: мечъ, копье, благословляющая рука Будды и др., которые, какъ и хоругви, несли одѣтые въ красные и травяного цвѣта халаты хоругвеносцы. Они шли двумя рядами, между ними шли музыканты въ красныхъ курмахъ (кафтанахъ), музыканты били въ гонги, трубили въ трубы; они какъ бы замѣняли нашихъ пѣвчихъ въ такихъ же случаяхъ. За музыкантами слѣдовало одѣтое въ желтое одѣяніе низшее ламайское духовенство съ бритыми начисто, непокрытыми головами; за духовенствомъ усердные прихожане тащили небольшую каретку, въ ней сидѣло двое мальчиковъ манчжуровъ, лѣтъ по 9-ти, въ желтыхъ курмахъ и бритые (будущіе ламы); мальчики поддерживали небольшую статую Будды.

Шествіе подвинулось немного впередъ и остановилось... Китайскія власти и высшее духовенство (помощникъ да-ламы со старшими ламами) занимали мѣсто передъ кумирней по сторонамъ площадки, предназначенной для исполненія религіозныхъ танцевъ.

Пробравшись при помощи китайскихъ солдатъ сквозь густую толпу народа на площадку, я долженъ былъ сначала пожать руки, по крайней мѣрѣ, 20-ти знакомымъ и незнакомымъ мнѣ китайскимъ чиновникамъ и офицерамъ, стоявшимъ стѣной по одну сторону площадки, и потомъ уже засвидѣтельствовать свое почтеніе дзянь-дзюню, фу-ину и фу-ду-туну¹⁾. Дзянь-дзюнь и его помощники были въ парадномъ платьѣ: въ шляпахъ съ красными шариками и павлиными перьями, въ цвѣтныхъ шелковыхъ курмахъ и такихъ же халатахъ. На кафтанахъ (курмахъ) у дзянь-дзюня и высшихъ гражданскихъ чиновниковъ вышиты птицы, какъ я уже упоминалъ ранѣе, у военныхъ (у фу-ду-туна и др.)—звѣри: носороги, львы.

Сверхъ того, у дзянь-дзюня и высшихъ чиновниковъ на шеѣ висѣли не то четки²⁾, не то бусы изъ крупныхъ гране-

¹⁾ Достойно вниманія, что самъ дзянь-дзюнь—манчжуръ; фу-инъ—китаецъ и фу-ду-тунъ—монголъ.

²⁾ За эти четки-цѣпи китайскіе сановники держатся въ знакъ покорности при представленіи богдыхану.

ныхъ и круглыхъ цвѣтныхъ камней. Дзянь-дзюнь со свитой сидѣли у дверей кумирни подѣ навѣсомъ; тутъ же сидѣли приглашенные русскіе, имѣющіе постоянное сношеніе съ китайской администраціей: оставшійся за начальника гарнизона ¹⁾ города Мукдена генераль-майоръ Мищенко, военный комиссаръ полковникъ Квѣцинскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Колоколовъ ²⁾ съ супругой, штабсъ-капитанъ Блонскій (секретарь и переводчикъ китайскаго языка при комиссарѣ) тоже съ супругой и еще нѣсколько офицеровъ. За сидѣвшими стояли накрытые чистыми скатертями столы съ винами и фруктами—европейское угощеніе буддійскаго духовенства для русскихъ.

На противоположной отъ дзянь-дзюня сторонѣ площадки, на низкихъ диванахъ-подушкахъ, расположилось, по-восточному поджавъ подѣ себя ноги, высшее духовенство; лѣвѣе въ углу площадки, на возвышеніи подѣ краснымъ балдахиномъ-зонтикомъ, сидѣлъ, также поджавъ подѣ себя ноги калачикомъ, помощникъ главнаго ламы.

Онъ былъ одѣтъ въ шелковыя желтыя ризы, иначе его одежду я не могу назвать, такъ она похожа на ризы нашего духовенства; къ тому же одѣяніе ламы было перетянуто накрестъ ораремъ, какъ это дѣлаютъ наши діаконы, во время проскомидіи. На головѣ у ламы была конусообразная шапка, формой напоминающая митры римскихъ первосвященниковъ, или, еще вѣрнѣе, все одѣяніе очень напоминало одежды еврейскихъ первосвященниковъ Анны и Каіафы, какъ ихъ изображаютъ на рисункахъ въ священной исторіи. Самъ старшій лама (да-лама, въ іерархическомъ отношеніи равный нашимъ архіереямъ) въ данный моментъ въ церемоніи не участвовалъ: онъ сидѣлъ рядомъ съ дзянь-дзюнемъ, занимая гостей.

Когда я входилъ на площадку, то на ней танцевала пара мальчиковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ и такихъ же на всю голову надѣтыхъ маскахъ съ ярко красными глазами и ртомъ искаженнаго человѣческаго лица. Мальчики представляли подземныхъ духовъ (гномовъ); за гномами по звуку колокольчика изъ кумирни выходили, скорѣе выбѣгали, попарно замаски-

¹⁾ Постоянный начальникъ гарнизона города Мукдена былъ начальникъ южно-манчжурскаго отряда генераль-майоръ Флейшеръ.

²⁾ Бывшій нашъ негласный консулъ въ Южной Манчжуріи.

рованные молодые ламы или послушники, готовящіеся быть ламами, въ костюмахъ и маскахъ-личинахъ. Они представляли добрыхъ ¹⁾ и злыхъ духовъ, статуями которыхъ въ ростъ чело-вѣка полны кумирни въ Китаѣ. У большинства духовъ головы несуществующихъ животныхъ; на злыхъ надѣты желтые матерчатые съ плюмажемъ шлемы, похожіе на шлемы средневѣковыхъ рыцарей. Каждая пара, протанцовавъ, уступала мѣсто другой.

Повидимому, хореографическое искусство не чуждо китайцамъ. Здѣсь, въ религіозной церемоніи, движенія танцоровъ пластичны, въ тактъ музыки, и если не граціозны на нашъ взглядъ, то все же не рѣжутъ глазъ своей каррикатурностью, какъ это часто бываетъ на сценахъ частныхъ китайскихъ театровъ ²⁾.

Шелковые костюмы богаты, со множествомъ блестокъ; на-примѣръ, одежда духа-покровителя звѣздъ такъ и горѣла драгоцѣнными камнями (разумѣется, поддѣльными).

Въ общемъ все это походило на представленіе порядочной балетной труппы. По окончаніи танцевъ духи выстроились рядами: добрые поближе къ духовенству, а злые возлѣ офицеровъ и чиновниковъ.

Затѣмъ опять начало составляться шествіе для слѣдованія торжественнымъ ходомъ вокругъ кумиренъ.

Процессія тронулась подъ звуки музыки въ прежнемъ порядкѣ въ сопровожденіи многочисленной толпы народа.

Дзянь-дзюнь и русскіе гости, простившись съ ламами, уѣхали. Я же и еще двое русскихъ ³⁾ пошли съ буддійскимъ архіереемъ за ходомъ. Съ этимъ почтеннымъ и умнымъ ламой я познакомился еще ранѣе; теперь онъ усиленно просилъ зайти къ нему пообѣдать, оставилъ даже шествіе, чтобы проводить насъ къ себѣ на квартиру (тутъ же при кумирняхъ).

¹⁾ Одѣяніе добрыхъ духовъ отчасти похоже на одѣяніе библейскихъ воиновъ и ангеловъ.

²⁾ Хотя и на частныхъ сценахъ встрѣчается вполнѣ европейское исполненіе балетныхъ танцевъ (конечно, мѣстныхъ).

³⁾ Отрядный комендантъ, капитанъ Гоганидзе, и нѣкто г. Громовъ, уральскій казакъ-купецъ, дѣлавшій походы въ Туркестанъ еще во времена Черныева, Кауфмана и Скобелева. Теперь г. Громовъ ѣздилъ съ какими-то негласными, но важными порученіями къ князьямъ сосѣднихъ съ Манчжуріей монгольскихъ областей.

Передъ фанзой (домомъ), гдѣ обитаетъ буддійскій владыка, весь дворикъ покрытъ былъ цвѣтами¹⁾, посаженными въ грунтъ и въ вазонахъ. Въ вазонахъ же, выставленныхъ изъ оранжереи, стояли въ цвѣту или съ наливающимися уже плодами такъ любимыя китайцами карликовыя²⁾ плодовые деревья: персики, померанцы, гранаты. Между деревьями и цвѣтами стояло четыре акваріума съ плавающими въ нихъ золотыми рыбками.

Сдавъ насъ маленькому, лѣтъ 70-ти старичку, лама поспѣшилъ занять свое мѣсто въ религиозномъ шествіи.

Старичекъ оказался монголомъ³⁾, чѣмъ-то въ родѣ министра отъ Монголіи при мукденскомъ дзянь-дзюнѣ, которому подчинены сосѣднія съ Манчжуріей монгольскія области. Онъ повелъ насъ въ покои ламы.

Устройство этого буддійскаго архіерейскаго дома таково: направо отъ прихожей, въ большой комнатѣ живутъ обыкновенныя ламы; налѣво—первая комната служитъ столовой главнаго ламы; далѣе, слѣдующая небольшая чистенькая, уютная комната, въ одно и то же время и спальня и кабинетъ его; на правой отъ входа сторонѣ этой комнаты большое зеркало-трюмо маскируетъ дверь въ тайничекъ. Вдоль стѣны, противъ двери изъ столовой, тянется широкій канъ⁴⁾, на немъ лежали свернутые къ головамъ матрацы-постели главнаго ламы и, должно быть, его помощника, стоялъ лакированный на низенькихъ ножкахъ чайный столикъ; около него лежали два коврика изъ волчьихъ шкуръ.

¹⁾ Буддійскіе ламы—большіе любители цвѣтовъ; за каждой церковной огорою на площадкѣ, образуемой кумирней, и примыкающими къ ней подъ прямымъ угломъ жилищами ламъ, непременно растутъ четыре или шесть, посаженныхъ симметрично, хвойныхъ деревьевъ и разбитъ цвѣтникъ; рѣдкіе экземпляры цвѣтовъ ламы сохраняютъ зимой въ оранжереяхъ.

²⁾ Китайскіе садовники культивируютъ ихъ не въ грунтъ на грядкахъ, а въ вазонахъ.

³⁾ Какъ главный лама, такъ и многое множество ламъ въ этихъ кумирняхъ также монголы. Какъ извѣстно, всѣ монголы и часть китайцевъ—буддисты (большинство китайцевъ послѣдователи Конфуція). Нашъ любезный министр-монголъ маленькимъ мальчикомъ былъ взятъ въ числѣ другихъ дѣтей именитыхъ монголовъ ко двору богдыхана, получилъ воспитаніе въ желательномъ для китайцевъ направленіи и возвратился на родину покорнымъ слугою ихъ.

⁴⁾ Канъ—неввысокія глиняныя нары, согрѣваемые трубами, проходящими внутри кана, какъ въ печкѣ; устья—подтопки этихъ трубъ выходятъ или въ прихожую или прямо на дворъ.

Во всю стѣну надъ изголовьемъ кана висѣла таблица, покрытая золотыми китайскими іероглифами (священными буддійскими изреченіями); на полочкахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ, помѣщались небольшія китайскія вазы изъ нефрита и изъ другихъ какихъ-то камней, стояло много разныхъ часовъ, висѣло нѣсколько фотографій, въ томъ числѣ бывшего начальника южно-манчжурскаго отряда, генералъ-лейтенанта Церпицкаго, и группа казаковъ-артиллеристовъ Забайкальской казачьей батареи съ ихъ командиромъ, полковникомъ Янушевымъ, въ серединѣ. Эти казаки—забайкальскіе буряты, когда ихъ батарея ¹⁾ стояла въ Мугденѣ, приходили сюда служить свой молебень, снялись и подарили фотографическую карточку на память своему духовному владыкѣ—старшему ламѣ.

Пока накрывали ²⁾ на столъ, намъ предложили осмотрѣть верхній этажъ фанзы—домовую, такъ сказать, кумирню главнаго ламы. Тамъ было тихо, свѣтло, окна-двери (*portes-fenêtres*) открыты настежь на галерею, подъ кровлей ворковали голуби, рѣяли кругомъ ласточки...

Провожавшій насъ архіерейскій служка (старикъ-министръ не пошелъ наверхъ,—ему трудно было взбираться по лѣстницѣ) обратилъ наше вниманіе на прекрасный видъ зеленѣющаго вдали парка вокругъ императорскихъ могилъ. За нами взопли наверхъ три богатыхъ монгола съ женами-китайками и дѣтьми; мужчины привѣтливо поздоровались; нарядно одѣтые толстые карапузики-ребятишки сначала осторожно смотрѣли на насъ издали (мало ли что можетъ случиться?!), потомъ, побуждаемые отцами, а больше дѣтскимъ любопытствомъ, подошли ближе и здороваясь довѣрчиво совали намъ въ руки свои не совсѣмъ чистыя лапки.

Обмѣнявшись привѣтствіями, монголы и мы, нисколько не стѣсняя другъ друга, вмѣстѣ осматривали моленную, останавливаясь то передъ однимъ, то передъ другимъ предметомъ, какъ это дѣлается у насъ, когда послѣ службы въ монастыряхъ богомольцы осматриваютъ монастырскія достопримѣчательности.

На алтарѣ, похожемъ на открытый католическій, — небольшая (въ полроста человѣка) бронзовая съ золотыми (или,

¹⁾ Почти половина 1-й батареи Забайкальскаго казачьяго войска состояла изъ казаковъ-бурятъ, исповѣдающихъ буддизмъ.

²⁾ Хотя слово «накрывать» не выражаетъ соотвѣтствующаго понятія, потому что на чисто-китайскихъ обѣдахъ скатертей не полагается.

можетъ быть, золочеными) кистями рукъ статуя Будды; передъ ней, въ бронзовомъ сосудѣ—искусственный, очень изящно сдѣланный цвѣтокъ лотоса ¹⁾, потомъ 7 подсвѣчниковъ съ красными свѣчами. Эти подсвѣчники въ общемъ похожи на библейскій еврейскій семисвѣчникъ ²⁾. Тутъ же теплилась неугасимая лампада, настоящая лампада, только заправленная не деревяннымъ, а бобовымъ масломъ; курились толщиною въ толстую спичку длинныя травянистыя свѣчи ³⁾... Стояли чаши съ чистой водою, лежали стопками маленькіе хлѣбцы, какъ у насъ просфоры...

По бокамъ алтаря, на стѣнахъ нарисованы лики буддійскихъ святыхъ съ сіяніями вокругъ головъ...

Въ другомъ мѣстѣ, на стѣнѣ, изображенъ рядъ ветхозавѣтныхъ старцевъ со свитками въ рукахъ...

Спустившись внизъ, мы застали тамъ да-ламу уже разоблачившимся. Теперь онъ былъ одѣтъ въ жалованный ему китайскимъ императоромъ богатый шелковый халатъ съ вышитыми золотомъ и серебряною битью драконами.

Да-лама, министръ, мы и человѣкъ пять ламъ усѣлись на табуретахъ вокругъ круглаго стола ⁴⁾ обѣдать.

Обѣдъ былъ обильный и чисто китайскій, какъ по сервировкѣ, такъ и по кушаньямъ, съ небольшимъ только добавленіемъ поддѣльныхъ европейскихъ (японскаго и шанхайскаго издѣлія) винъ. Каждую перемѣну блюдъ подавали сразу въ нѣсколькихъ небольшихъ чашечкахъ, ставя ихъ по срединѣ стола; изъ этихъ чашечекъ мы ложками и вилками (намъ подали), а хозяева палочками брали кушанья въ свои чашечки ⁵⁾. По обыкновенію, сначала подали сладкое: засахаренные и обли-

¹⁾ Изъ него, по ученію буддистовъ, явился Будда.

²⁾ Какъ его изображаютъ на рисункахъ въ священной исторіи.

³⁾ Такія свѣчи втыкаютъ въ горшочекъ съ пескомъ или прямо кладутъ на дно ящика: онѣ дѣлаются не то изъ коры дерева, не то изъ бумаги съ примѣсью травы.

⁴⁾ Если исключить наши кровати, которыя китайцы замѣняютъ канами (наши лежанки), то китайская мебель мало чѣмъ отличается отъ европейской, по крайней мѣрѣ столы (обѣденные и письменные), стулья, кресла и табуреты, хотя все это не заимствованное, а чисто китайское. Такую мебель лѣтъ 20—30 тому назадъ можно было встрѣтить почти во всякомъ болѣе или менѣе зажиточномъ домѣ въ Россіи.

⁵⁾ Пустыя чашечки ставятся передъ каждымъ изъ сидящихъ за столомъ; онѣ замѣняютъ наши тарелки.

тые медомъ орѣхи, нарѣзанную кусочками красную изъ боярышника пастилу, груши, тоже кусочками; послѣ сладкаго мы попробовали не безъ осторожности супа-похлебки изъ древесныхъ грибовъ, изъ любопытства проглотили по нѣсколько кусочковъ трепанговъ (трепанги—самое гастрономическое китайское блюдо); не безъ удовольствія съѣли по чашечкѣ супу изъ куриныхъ мозговъ, потомъ по чашечкѣ ухи изъ плавниковъ акулы и, наконецъ, какъ слѣдуетъ закусили разнымъ жаренымъ и варенымъ мясомъ: утинымъ, куринымъ и, преимущественно, свинымъ, при чемъ мясо подавалось нарѣзанное ломтиками.

Въ срединѣ обѣда весь столъ оказался заставленнымъ чашечками; полуопорожненныя же, не помѣщавшіяся уже на нашемъ столѣ, прислуга переставляла на другой столъ, но такъ, чтобы было видно хлѣбосольство хозяина.

Съ середины обѣда мы рѣшительно отказывались ѣсть что-либо.

На упрашиваніе хозяина чрезъ переводчика мы отвѣчали, что сердце наше хотѣло бы все это съѣсть, но ротъ не можетъ (галантная фраза въ чисто китайскомъ обѣденномъ вкусѣ), на что хозяинъ отвѣтилъ по-русски ¹⁾: «ничего, все равно...», при чемъ совершенно неожиданно для насъ добавилъ такое слово, которое своевременно и умѣстно только значительно позже обѣда и не въ комнатѣ... Мы поспѣшили объяснить ламѣ, что это слово: «думать можно, но сказать нельзя», особенно за обѣдомъ, да еще такимъ хорошимъ, какимъ онъ насъ угощалъ. Лама доволенъ; мы тоже довольны и сыты по-горло, даже больше... По крайней мѣрѣ, я чувствовалъ, что, если съѣмъ еще чего-нибудь, то это будетъ лишнее и замѣтно для постороннихъ... Дѣло въ томъ, что китайскія кушанья, хотя вообще вкусны, но готовить ихъ на мой взглядъ недостаточно опрятно и не для русскаго желудка.

Прощаясь, я просилъ хлѣбосольнаго ²⁾ да-ламу навѣстить меня и отвѣдать нашей, русскаго, хлѣба-соли.

¹⁾ Хозяинъ-лама, несмотря на свои 65 лѣтъ, запаса самоучителемъ русскаго языка г. Кауфмана (весьма плохой и, за неимѣніемъ лучшаго, очень распространенный въ Манчжуріи самоучитель) и учился русскому языку.

²⁾ Хотя хлѣба и соли, въ нашемъ смыслѣ слова, китайцы не употребляютъ; вмѣсто нашего печенаго хлѣба они ѣдятъ варенныя и печеныя лепешки, а соль замѣняютъ разнаго рода соями, куда мокають кусочки мяса; соль же хотя кладется въ кушанья, но въ очень маломъ количествѣ. Намъ, впрочемъ, подавали хлѣбъ и соль, нарочно для насъ купленные.

Китайскій театръ.

Четвертаго іюня, поздно вечеромъ состоящій при дзянь-дзюнь переводчикъ Миша¹⁾), подростокъ лѣтъ 17-ти, мой старинный знакомый по г. Син-мин-туну²⁾), принесъ мнѣ отъ дзянь-дзюня пригласительный билетъ назавтра въ театръ при буддійскихъ монгольскихъ кумирняхъ³⁾), что у Западныхъ воротъ наружной (глиняной) городской стѣны. Передавая билетъ—красную вершка въ два шириною и вершка четыре длинной полоску бумаги съ напечатанными на ней черною тушью китайскими іероглифами, Миша показаль на двѣ вертикальныя надписи и сказалъ: «это — дзянь-дзюнь, это — фу-инъ рядомъ; они дѣлають вамъ руки вотъ-такъ». Тутъ Миша сложилъ руки ладонь къ ладони и поднялъ ихъ къ лицу, сдѣлавъ, такимъ образомъ, одинъ изъ почетныхъ знаковъ привѣтствія...

Я послалъ Мишу передать мою благодарность дзянь-дзюню и фу-ину и сказать, что я такъ же дѣлаю руками, привѣтствуя

¹⁾ Такъ называли его русскіе.

²⁾ Въ февралѣ 1901 года этотъ «Миша» сопровождалъ извѣстнаго, воевавшего съ нами, генерала Шу, который сдался нашему отряду тогда въ г. Син-мин-тинѣ; «Миша» съ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ, сносно говорилъ по-русски и, повидимому, не лишенъ нѣкотораго европейскаго военнаго образованія; такъ, напримѣръ, онъ хорошо умѣлъ дѣлать маршрутную съемку.

³⁾ Въ этихъ кумирняхъ, какъ уже упоминалось, имѣетъ пребываніе да-лама (главный лама) монгольскихъ областей, граничащихъ съ Манчжуріей; эти области въ нѣкоторомъ отношеніи подчинены мукденскому дзянь-дзюню.

ихъ, и еще почтительнѣе... потомъ хотѣлъ дать ему рубль за труды, но Миша, обидившись, сказалъ: «нѣтъ, пожайлуста, не надо, я — не какъ бойка» ¹⁾. На другой день часу въ первомъ дня я побѣхалъ къ кумирнямъ, по дорогѣ обогналъ, между прочимъ, какого-то важнаго китайскаго чиновника, тоже ѣхавшаго въ театръ. Мандаринъ ѣхалъ торжественно; впереди иноходью (полушагомъ, полубѣгомъ) шелъ слуга съ большимъ краснымъ зонтикомъ; за нимъ скорымъ же шагомъ слуги несли самого чиновника въ красномъ паланкинѣ съ зеленымъ верхомъ и посеребренной металлической шишкой; за паланкиномъ слѣдовалъ, судя по шарiku на шляпѣ, младшій чиновникъ съ тремя слугами, всѣ верхомъ.

Когда я пріѣхалъ на дворъ кумирни, тамъ уже было много паланкиновъ, каретокъ-фудутунокъ ²⁾; толпились слуги въ остро-конечныхъ широкополыхъ шляпахъ съ густыми красными кистями, покрывающими всю шляпу; виднѣлись китайскіе солдаты, вооруженные ружьями съ баіонетами (тесаками-штыками)—стража дзянь-дзюня. Въ театрѣ, въ партерѣ за длинными столами сидѣли: за переднимъ столомъ—генералъ Мищенко ³⁾ съ адъютантами, отрядной врачъ, интендантъ, стояли пустые стулья для неприбывшихъ еще начальника южно-манчжурскаго отряда генералъ-майора Флейшера и военнаго комиссара при дзянь-дзюнь полковника Квѣцинскаго; слѣва, наконецъ, противъ обрѣза стола сидѣлъ фу-инъ, справа къ концу стола дзянь-дзюнь и рядомъ съ нимъ монгольскій князь У-дай; за вторымъ столомъ помѣстились: отрядной комендантъ капитанъ Гоганидзе, г. Громовъ и мѣстные манчжурско-китайскіе сановники: фу-дунъ, военный министръ, министръ церемоній и др. ⁴⁾.

¹⁾ Мальчикъ—прислуга въ гостинницѣ или частномъ домѣ. Миша обидѣлся, потому что онъ что-то въ родѣ личнаго секретаря-переводчика при дзянь-дзюнь, хотя и не имѣющій чина; ко мнѣ онъ пришелъ запросто, какъ старый знакомый, пришелъ «безъ китайскихъ церемоній» ночью (тѣмъ болѣе, что отъ дома дзянь-дзюня до моей квартиры во дворцѣ, какъ говорится, рукою подать), не въ качествѣ слуги, а какъ почетный посланецъ дзянь-дзюня.

²⁾ Небольшая двухколесная крытая каретка.

³⁾ Командовавшій сводной казачьей бригадой въ Южной Манчжуріи.

⁴⁾ При дзянь-дзюнь, какъ при вице-королѣ, кромѣ помощника его фу-ина и фу-ду-гуна, справителями служатъ провинціальныя министры: юстиціи, работъ, военный, церемоній и др.

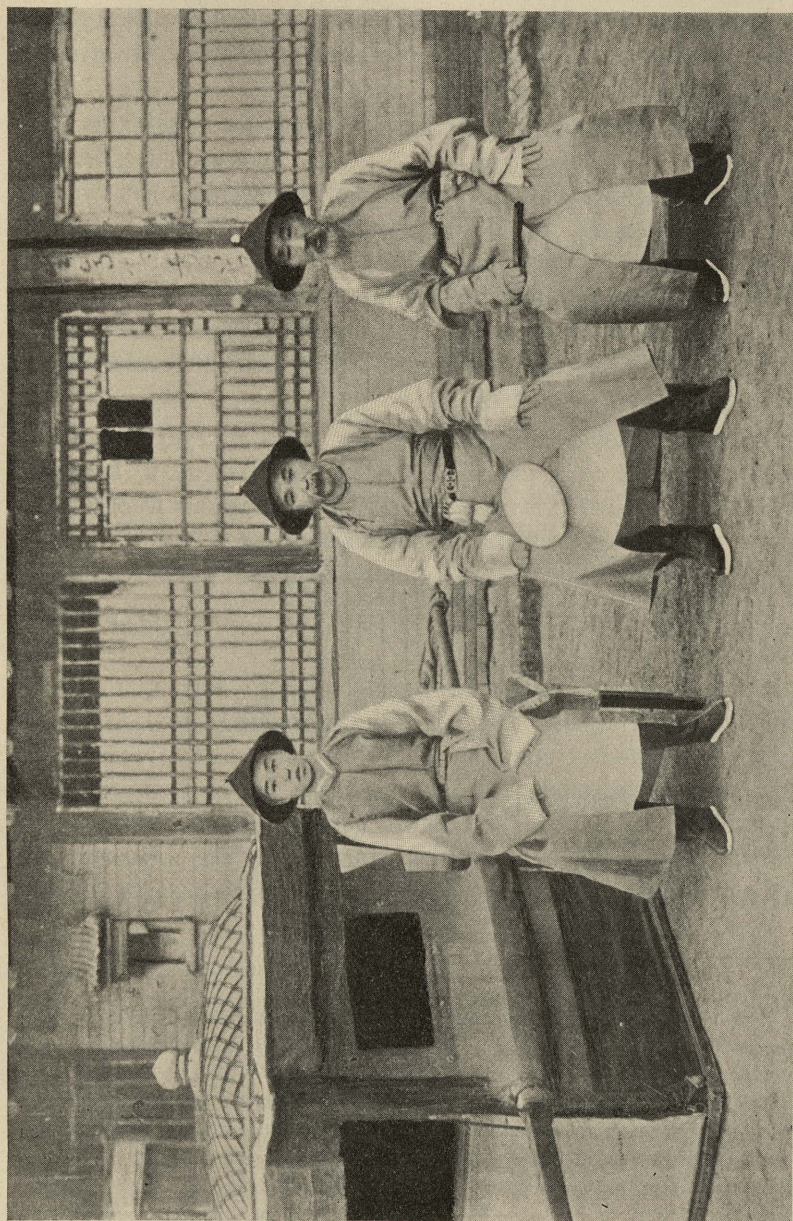
Поздоровавшись сначала съ хозяиномъ—дзянь-дзюнемъ, любезно меня привѣтствовавшимъ, и затѣмъ съ гостями: русскими и китайцами, я сѣлъ на приготовленный для меня стулъ рядомъ съ военнымъ министромъ. Большинство китайскихъ театровъ, видѣнныхъ мною ранѣе, производили непріятное впечатлѣніе своимъ грязносерымъ видомъ обстановки: сцены, партера и ложъ; этотъ¹⁾ же блестящій чистотой и выдѣлялся, такъ сказать, китайскимъ изяществомъ; столбы, балки, переборки ложъ—все было выкрашено масляными красками яркихъ цвѣтовъ; передъ сценой (открытой, безъ занавѣси) съ потолка спускались разноцвѣтные китайскіе фонарики, стеклянные и слюдяные. Края сцены и ложъ были уставлены вазонами съ живыми цвѣтами, но главный цвѣтникъ былъ въ ложѣ 2-го яруса противъ сцены, гдѣ сидѣло много прехорошенькихъ китайконокъ²⁾, разодѣтыхъ въ свои живописные національные костюмы съ оригинальными прическами волосъ, изящно убранныхъ золотыми и серебряными украшениями и искусственными яркими цвѣтами³⁾. Между цвѣтными платьями молодыхъ женщинъ скромно темнѣли одѣянія пожилыхъ. На рукахъ у матерей (а можетъ быть нянекъ) сидѣли ребятишки (совсѣмъ маленькіе), одѣтые въ платьица все больше пунцоваго цвѣта; дѣтки отъ 3 до 5-ти лѣтъ стояли около матерей; подростки помѣщались отдѣльно въ сосѣдней ложѣ. Среди дѣтей, дѣвочекъ можно было отличить по волосамъ, заплетеннымъ просто въ двѣ косички, да по длиннымъ штанишкамъ; мальчиковъ—по бритымъ наголо головенкамъ съ тремя оставленными въ разныхъ мѣстахъ пучками волосъ, туго заплетенныхъ въ косички и перевязанныхъ красными ленточками. Женщины съ сдержаннымъ, дѣти съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли во все глаза на насъ, русскихъ; наше вниманіе также часто отвлекалось отъ сцены красивой ложей.

Вдругъ дзянь-дзюнь и министры что-то заволновались, надѣли шляпы (парадные, какъ и весь костюмъ) и пошли къ вы-

¹⁾ Онъ называется императорскимъ и находится въ вѣдѣніи дзянь-дзюня.

²⁾ Тутъ была жена и дочери дзянь-дзюня, фу-ина и вообще лицъ избраннаго китайскаго общества въ г. Мукденѣ.

³⁾ Помпоны и искусственные цвѣты—необходимое головное украшеніе китайконокъ, къ какому бы классу или возрасту онѣ ни принадлежали.

Слѣва: 1) племянникъ дзянь-дзюня, 2) (въ срединѣ) дзянь-дзюнь и 3) фу-ду-гунъ — командующій войсками.

ходу: приѣхалъ комиссаръ—полковникъ Квѣцинскій съ русскими дамами—съ своей супругой, съ супругами: генерала Мищенко, командира 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка, полковника Хвастунова, отряднаго врача, статскаго совѣтника Суботина и др.

Дзянь-дзюнь, фу-инъ и министры, любезно встрѣтивъ русскихъ дамъ, проводили ихъ въ ложу къ своимъ семействамъ. Между тѣмъ, дѣйствія шли своимъ чередомъ; такъ какъ занавѣса нѣтъ, а сцена, по понятіямъ китайцевъ, пустой не должна оставаться, то еще во время хода какой-либо пьесы выходило двое глашатаевъ съ подушкой, на которой лежала красная афиша; глашатаи преклоняли на краю сцены колѣна предъ публикой и громко объявляли, что слѣдующее дѣйствіе будетъ состоятъ въ томъ-то и томъ-то.

Въ такомъ порядкѣ пьесы смѣняли одна другую безъ перерыва ¹⁾ съ утра до вечера; мѣнялась, разумѣется, и публика, знавшая изъ красныхъ театралныхъ съ золотыми іероглифами афишъ пьесы, назначенныя на извѣстный день.

Такія афиши расклеиваются на улицахъ заблаговременно до начала періода ²⁾ представленій въ томъ или другомъ театрѣ.

Не зная хорошо китайскаго литературнаго языка, я не могъ разобрать сути нѣкоторыхъ, преимущественно историческихъ пьесъ, обращающихъ вниманіе ходульностью своихъ героевъ; въ нихъ воины, мандарины и другія высокопоставленныя лица поступаютъ и говорятъ, не какъ обыкновенные люди: герои китайскихъ историческихъ пьесъ держатъ голову высоко, ходятъ тигровымъ шагомъ ³⁾, жестикулируютъ на особый манеръ,

¹⁾ Иногда, впрочемъ, выбѣгали на сцену въ промежуткахъ между двумя пьесами полуголые гимнасты и забавляли публику акробатическими прыжками.

²⁾ Театралныя представленія идутъ обыкновенно въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, періодически приостанавливаясь. Временами они привораживаются къ религіознымъ празднествамъ (почти при каждой кумирѣ есть помостъ для театралныхъ представленій).

³⁾ При такомъ шагѣ человекъ, поднявъ сначала высоко согнутую въ колѣнѣ ногу и выпрямляя ее потомъ, выбрасываетъ не впередъ, а немного въ сторону, какъ хорошій рысакъ, но не крупной рыси.

говорятъ речитативомъ и, притомъ, фистулой или орутъ «благимъ матомъ»; вслѣдствіе этого, китайскія историческія піесы, разумѣется, должны казаться на нашъ взглядъ карикатурными и если судить о китайскомъ театрѣ только по нимъ и присоединить къ этому впечатлѣніе отъ странной для европейскаго уха оглушительной китайской музыки, то представленіе получается не въ пользу китайскаго театра и какъ бы подтверждаетъ распространенное путешественниками ходячее мнѣніе о карикатурности его, хотя это далеко не такъ, особенно въ бытовыхъ піесахъ ¹⁾, гдѣ искусство актеровъ художественно вѣрно отражаетъ общественную жизнь, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ.

Правда, и въ этихъ піесахъ есть свои чисто-китайскія театральныя особенности, но онѣ обусловливаются особенностями всего китайскаго быта, такъ отличнаго отъ быта европейскихъ народовъ.

Если просмотрѣть разныя піесы въ разныхъ театрахъ одного города или, все равно, въ театрахъ разныхъ городовъ, то получится впечатлѣніе, какъ будто бы одна и та же труппа переходитъ или переѣзжаетъ изъ одного театра въ другой по разнымъ городамъ и даетъ свои представленія: до того бросается въ глаза сходство не только въ исполненіи ролей, не въ однихъ и тѣхъ же къ тому же піесахъ, опредѣленными персонажами, но и самихъ исполнителей, какъ будто сдѣланныхъ по одному шаблону.

На самомъ дѣлѣ оно такъ и есть: вся китайская жизнь вылита по одному шаблону—по ученію Конфуція, въ которомъ тщательно и подробно указано, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ какъ надо каждому человѣку поступать и чувствовать... О «китайскихъ церемоніяхъ» не даромъ говорится... онѣ опредѣляютъ у китайца не только движенія тѣла, но и души... китаецъ не закричитъ ни съ радости, ни съ горя; не побѣ-

¹⁾ Для пониманія которыхъ впрочемъ необходимо болѣе или менѣе основательное знакомство съ дѣйствительной китайской жизнью и хоть небольшое знаніе китайскаго разговорнаго языка, для чего надо прожить нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ, а недостаточно только пробѣжать вдоль или поперекъ его, какъ это дѣлаетъ большинство путешественниковъ, распространяющихъ послѣ много неосновательныхъ мнѣній о Китаѣ, какъ, напримѣръ, о немзыкальности китайцевъ, о карикатурности ихъ театра, чего при ближайшемъ знакомствѣ не оказывается.

жить ¹⁾ онъ также сломя голову при видѣ опасности вообще; прежде чѣмъ проявить какое-либо душевное движеніе онъ поставается припомнить, какъ надо поступить въ такомъ случаѣ по преподаннымъ ему съ дѣтства правиламъ.

Поэтому, хотя китайскому артисту легче, чѣмъ его европейскимъ собратьямъ, показать ²⁾ шаблонную, такъ сказать, жизнь своихъ героевъ, но зато ему гораздо труднѣе выразить индивидуальныя черты характера, проявленіе которыхъ заключено въ точно опредѣленныя рамки этой жизни; вдобавокъ, китайскимъ актерамъ приходится считаться съ несовершенствомъ сцены ³⁾,

¹⁾ 15-го сентября 1900 года, въ день взятія южно-манчжурскимъ отрядомъ г. Ляояна, подъ вечеръ, когда только что кончился бой и войска расположились бивакомъ около пригородовъ (къ городскимъ воротамъ были выставлены караулы, чтобы не пускать туда солдатъ), я съ товарищами-офицерами, въ сопровожденіи небольшого конвоя, пошелъ осматривать городъ, который, какъ мы знали, не былъ покинутъ жителями, но они сидѣли, запершись по домамъ,—на улицахъ мертвая тишина: ни одной живой души, а вмѣсто того кое-гдѣ валяются трупы жителей, убитыхъ шальными пулями; вдругъ откуда-то изъ переулка вывернулся хорошо одѣтый китаецъ. Китаецъ, выйдя изъ переулка и увидѣвъ насъ, поблѣднѣлъ какъ полотно, но не прибавилъ шагу, а шелъ все время, ни разу не оглянувшись, немного впереди насъ, пока не постучался и не скрылся въ дверь одного дома. Вотъ другой случай: той же осенью пришлось мнѣ съ 10 казаками ѣхать между полотномъ желѣзной дороги и мандаринской (грунтовой) дорогой, около ст. Суетунъ; въѣхавъ рысью на площадь одной деревни, мы увидѣли у колодца женщину китаянку съ ведрами; замѣтивъ въ свою очередь насъ, китаянка страшно перепугалась—и хотя, правда, перестала вытаскивать воду изъ колодца и даже оставила ведра, но пошла все-таки шагомъ, а не побѣжала.

²⁾ И, надо отдать имъ справедливость, изображаютъ удивительно еѣ вѣрно. Въ одной изъ пьесъ простофія мужъ (купецъ), получившій отъ своей супруги головное украшеніе при помощи двоюроднаго брата ея, особенно выдѣлялся своимъ противнымъ, ноющимъ голосомъ, до того противнымъ, что у меня осталось сильное впечатлѣніе, какъ отъ чего-то особенно неприятнаго и гадкаго. Каково же было мое удивленіе, когда въ слѣдующіе дни этотъ голосъ началъ преслѣдовать меня на улицахъ Мукдена; оказалось, что такъ кричать торговцы, продающіе какіе-то съѣстные припасы, и голосъ, которымъ говорили обманутый мужъ, былъ поразительно похожъ на голосъ ихъ.

³⁾ Повторю: въ китайскихъ театрахъ сцена открытая; нѣтъ ни занавѣси, ни кулисъ, ни декорацій; соотвѣтствующую обстановку для дѣйствующихъ лицъ публикѣ предоставляется дополнять своей фантазіей; случается, что передъ началомъ того или другого акта на край сцены выходитъ актеръ и объявляетъ, что дѣйствіе происходитъ, напримѣръ, въ лѣсу, ночью или въ бурю, хотя окружающая обстановка не имѣетъ ни малѣйшаго намека ни на лѣсъ, ни на бурю.

съ нѣкоторыми устарѣлыми приѣмами грима; напимѣръ, комики гримируются, какъ наши клоуны, чѣмъ, разумѣется, ослабляется, а не усиливается впечатлѣніе отъ превосходной игры ихъ.

Амплуа китайскихъ артистовъ (мужчинъ) имѣетъ много общаго съ нашими: у нихъ есть и благородные отцы семействъ, и резонеры, и первые любовники, и комики... женскіе персонажи не такъ разнообразны ¹⁾. Почти во всѣхъ видѣнныхъ мною бытовыхъ пьесахъ выводились на сцену только двѣ женщины, порочная и добродѣтельная; первая съ блудливымъ огонькомъ въ глазахъ, съ плутоватой улыбкой на ярко окрашенныхъ губахъ и съ легкимъ отпечаткомъ пошлости, какую кладетъ на лицо женщинъ не совсѣмъ чистая ихъ жизнь, играетъ обыкновенно роль невѣрной молодой жены при старомъ мужѣ; вторая, близкая родственница мужа или жены, также молодая, но съ пріятнымъ лицомъ, пріятными манерами и скромно одѣтая, пытается внести миръ въ семейную жизнь супруговъ. Примирителями между супругами являются иногда и мужчины—родственники, какъ это было видно изъ одной пьесы описываемаго мною спектакля.

Къ молодой женѣ на сцену явился откуда-то издалека бывший долго въ отсутствіи (можетъ быть, годъ, можетъ быть, два) мужъ—купецъ, лѣтъ 45—50-ти, жирный, обрюзглый и вообще по наружному виду довольно гадкій, а для молодой женщины, въ особенности, противный субъектъ.

Онъ жаловался стонущимъ, разслабленнымъ голосомъ (такъ не шедшимъ къ его тучной фигурѣ) на то, что въ послѣдніе дни его пути лилъ постоянно дождь, и что вездѣ вода, вода... Надо замѣтить, что китайцы не любятъ дождя ²⁾ (боясь промокнуть) и, если нечаянно попадаютъ подъ него, то приходятъ въ самый жалкій видъ.

Купецъ былъ, дѣйствительно, жалокъ и, повторяю, противенъ—прозябшій, мокрый и съ двумя большими висюлками подъ носомъ ³⁾... Жена слушала сѣтованія мужа безъ особаго

¹⁾ Или, быть можетъ, мнѣ не приходилось видѣть пьесъ съ большимъ числомъ женскихъ ролей; необходимо добавить, что хотя въ описываемомъ случаѣ женскія роли исполнялись дѣйствительно женщинами, но обыкновенно онѣ въ Китаѣ исполняются мужчинами и, кстати сказать, превосходно.

²⁾ Такъ, въ дождь они не работаютъ и даже не воюютъ.

³⁾ Такъ какъ купецъ представлялъ комическое лицо, то, по склонности китайскаго грима къ утрировкѣ въ комическихъ сюжетахъ, у купца подъ носомъ были грубо нарисованы висюлки, какія бываютъ часто у маленькихъ уличныхъ дѣтей.

сочувствія, не выражая и радости свиданія, которую вѣрная китайская жена должна была бы проявить при благополучномъ возвращеніи супруга изъ далекихъ странъ.

Напротивъ, когда мужъ, желая приласкать жену, нерѣшительно протянувъ къ ней руку, то она довольно рѣшительно ткнула своимъ маленькимъ крѣпкимъ кулачкомъ въ его толстое, дряблое лицо...

Началась ссора—купецъ своимъ неизмѣнно¹⁾ плаксивымъ (но уже возбужденнымъ) голосомъ упрекалъ жену въ томъ, что она въ будній день одѣта по-праздничному: вѣдь она не ждала его, вѣдь она не могла знать о его прибытіи... Жена оправдывалась крикливымъ голосомъ вопреки пристойности и обычной китайской сдержанности; она говорила, что собиралась итти въ гости; лицо ея съ оттѣнкомъ распушенности²⁾ продолжало выражать нескрываемое недовольство неожиданнымъ пріѣздомъ мужа, помѣшавшимъ чему-то для нея пріятному... Вошла собака³⁾ (переодѣтый человѣкъ) и, обойдя сцену, вышла, провожаемая сочувственнымъ взглядомъ жены и подозрительнымъ—мужа, который промолвилъ при этомъ «собака» и ткнулъ ее посохомъ... Ссора кончилась тѣмъ, что жена бросилась на мужа, повалила его на полъ и начала бить, потомъ выщипывать ему бороду, злорадно разсматривая на свѣтъ выдернутые волосы; разслабленный мужъ барахтался подъ женой, издавая жалобное хрюканье, какъ прирѣзываемая ожирѣвшая свинья.

¹⁾ У китайцевъ вообще, у мужчинъ же и взрослыхъ въ особенности, лица мало подвижны; по Конфуцію настоящій китаецъ долженъ принимать удары судьбы (хотя бы даже и руками своей жены) безстрастно; вотъ почему мы ни разу не приходилось наблюдать ни въ обыденной китайской жизни, ни на сценѣ театра, какъ на лицахъ обыкновенныхъ китайцевъ, такъ и на лицахъ актеровъ, проявленія какихъ-либо рѣзкихъ переходовъ чувствъ (рѣдкія исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ женщины). Китаецъ волнуется медленно, обнаруживая свое волненіе прежде всего и только голосомъ (разумѣется, если онъ говоритъ въ это время).

²⁾ Китайскія женщины вообще женственны и держатъ себя скромно, но нерѣдко можно встрѣтить между ними лица съ чувственнымъ и даже нахальнымъ выраженіемъ глазъ.

³⁾ Полагаю, что это былъ переряженный собакой любовникъ, явившійся въ сумерки на свиданіе въ домъ своей возлюбленной, куда входъ мужчинъ въ отсутствіи мужа могъ возбудить подозрѣніе сосѣдей. Говорю такъ еще потому, что китайцы, мало заботясь о декоративной сторонѣ сцены, не стали бы вводить сюда собаку, какъ простой аксессуаръ (бутафорскую вещь).

Наконецъ, семейная сцена кончилась: жена устала колотить мужа, встала и ушла, за ней уплелся и мужъ, кряхтя и стелая... Жена, впрочемъ, скоро возвратилась... на сцену явился «cousin»¹⁾ (двоюродный братъ ея) и, разумѣется, военный, судя по костюму, матросъ съ весломъ и въ лихо заломленной набекрень широкополой шляпѣ. Очевидно по соображеніямъ кокетства «cousin»'а встрѣтили сухо. Кузина посадила его на скамейку, а сама сѣла поодаль, въ сторонѣ. Cousin такимъ приемомъ не смутился, онъ былъ ловокъ, смѣлъ, краснорѣчивъ, а главное—молодъ и красивъ; зная все это за собой и не сомнѣваясь въ близкой побѣдѣ, онъ держалъ себя такъ, какъ держатъ себя, возвратившись къ тому же изъ похода, всѣ военные кузены съ влюбленными въ нихъ кузинами. Побѣда видимо начинала клониться на его сторону, — кузина сдавалась; она придвинула свою скамеечку къ скамейкѣ браваго моряка и сѣла на нее, положивъ ногу на ногу такъ, чтобы показать свой маленькій башмачекъ²⁾).

Въ рѣшительную минуту объясненія на сцену снова вышелъ супругъ; онъ сначала постоялъ, молча посмотрѣлъ и скромно сѣлъ поодаль, не рискуя быть... опять побитымъ. Замѣтивъ супруга, cousin привсталъ, почтительно привѣтствовалъ его и съ отчетливыми движеніями ловкаго китайскаго военного пригласилъ занять соотвѣтствующее ему почетное мѣсто; на дряблой, желтоватой фizioноміи супруга отразилось нѣкоторое удовольствіе...

Кузень теперь не обращалъ никакого вниманія на кузину; онъ участливо спрашивалъ главу дома, гдѣ онъ былъ и хорошо ли ѣлъ³⁾. Супругъ сначала отвѣчалъ нехотя, потомъ по-немногу разговорился; судя по жестамъ, онъ жаловался на

¹⁾ Прошу обратить вниманіе читателей и особенно читательницъ, что «cousin» въ Китаѣ чаще, чѣмъ въ Европѣ, играетъ на домашнихъ сценахъ роль «друга дома», потому что по китайскимъ законамъ женщины могутъ видѣться только съ родственниками-мужчинами.

²⁾ У насъ женщины показываютъ «ножку», выставляя ботинокъ изъ-подъ платья. Въ Китаѣ этого сдѣлать нельзя, потому что тамъ женщины ходятъ въ длинныхъ шароварахъ, и, слѣдовательно, чтобы похвастаться своею маленькою ножкою, женщина должна сѣсть, положивъ ногу на ногу; тогда будетъ видно, какая у нея ступня. Для сниманія въ фотографіяхъ это обыкновенная поза женщинъ.

³⁾ Одна изъ галантныхъ китайскихъ фразъ.

жену... Cousin, какъ строгій охранитель семейнаго начала по Конфуцію, рѣшительно всталъ на сторону оскорбленнаго супруга и, какъ родственникъ, потребовалъ, чтобы жена покорилась мужу... Та сначала возмутилась и огорчилась, но когда кузень махнулъ раза два шашкой надъ ея головой, она уступила, упавъ передъ мужемъ на колѣни...

Надо было видѣть обманутаго мужа въ этой сценѣ, чтобы имѣть понятіе о дѣйствительно артистической игрѣ китайскихъ актеровъ вообще и о ихъ чудесной мимикѣ въ особенности. Мужъ не проронилъ ни единого слова все время, пока молодой родственникъ училъ его жену покорности и вѣрности.

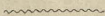
Онъ молча, съ злорадствомъ, смотрѣлъ на униженіе строптивой жены; на лицѣ его, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ волновавшія его гадкія чувства стараго мужа, который не въ силахъ справиться съ молодой женой ни нравственно, ни физически... а съ удовольствіемъ видитъ, какъ это исполняетъ за него другой.

Послѣ изъявленія покорности женой послѣдовало примиреніе, оказавшееся, какъ и надо было ожидать со стороны супруга, наружнымъ, потому что, какъ только старый мужъ проявилъ кое-какія поползновенія къ ласкамъ, то она, схвативъ попавшуюся подъ руку шашку кузена,хватила ею по голой жирной шеѣ постылаго супруга... Супругъ завылъ отъ боли; рана по счастью оказалась легкой, ее тутъ же перевязали, при чемъ кузень, воспользовавшись суматохой, успѣлъ шепнуть нѣсколько словъ молодой женщинѣ: должно быть, что надо прежде успокоить мужа, а затѣмъ все пойдетъ по-старому. Жена снова упала на колѣни, попросила у мужа прощенія и даже приласкала его... Мужъ растаялъ; все подвигалось къ благополучной развязкѣ; я такъ и думалъ, что вотъ-вотъ они встанутъ и запоютъ, какъ поется въ одной опереткѣ: «мы втроемъ заживемъ...»

По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно было заключить по выраженію лицъ «съ большимъ себѣ на умѣ» двоюроднаго брата и на все готовой ради чувственности двоюродной сестрицы; да и выраженіе гнусной физіономіи супруга показывало, что онъ не будетъ препятствовать семейному счастью втроемъ, лишь бы «это было прилично и не такъ ужъ публично», да чтобы и ему перепалъ кусочекъ пирога съ общаго стола...

Какъ вдругъ, на сценѣ появились глашатаи съ красными афишами, извѣщавшіе о перемѣнѣ пьесы, а на столы¹⁾ передъ гостями начали подавать китайскій обѣдъ — угощеніе присутствовавшимъ на спектакль гостепріимнаго хозяина, дзянь-дзюня.

Послѣ обѣда русскіе, поблагодаривъ дзянь-дзюня и фу-ина, постепенно оставляли театр²⁾. Дзянь-дзюнь съ фу-иномъ надѣвали шляпы³⁾ и провожали каждого изъ нихъ, несмотря на чинъ, одинаково до выхода изъ театра. Когда дзянь-дзюнь пошелъ провожать меня, то я попросилъ его (черезъ переводчика) не беспокоиться, что у насъ при проходахъ такъ далеко не заходятъ... тѣмъ болѣе, что чинъ у меня маленькій, а чинъ дзянь-дзюня — «шибко большой»... Китаецъ не безъ удовольствія выслушалъ мои слова.

¹⁾ Мы сидѣли за столами. Въ китайскихъ театрахъ, какъ въ партерѣ, такъ и въ ложахъ стоятъ столы; публика во время представленія пьетъ чай, ѣстъ леденцы, пастилу, фрукты, «грызетъ» орѣхи. Иногда подаютъ и кушанья.

²⁾ Хотя спектакль, по китайскому обыкновенію, продолжался до ночи.

³⁾ Согласно этикета: встрѣчаютъ и провожаютъ въ шляпахъ и вообще въ парадномъ одѣяніи, которое (курмы и шляпы) снимается, когда всѣ приглашенные прибыли, а надѣвается снова, когда гости собираются домой.

Обѣдъ у военного комиссара въ честь китайскаго военнаго министра.

20-го мая я получилъ отъ военного комиссара при мукденскомъ дзянь-дзюнь приглашеніе на парадный обѣдъ. Комиссаръ чествовалъ отъѣзжавшаго изъ Мукдена обратно въ Пекинъ китайскаго военнаго министра. Министръ пробылъ въ Мукденѣ около двухъ мѣсяцевъ, разбирая дѣла монголь областей, сосѣднихъ съ Манчжуріей. Къ нему былъ вызванъ главный ванъ (князь) этихъ областей съ монгольскими старшинами. Официальнымъ поводомъ вызова послужили какія-то обыкновенныя дѣла, требовавшія рѣшенія высшихъ китайскихъ властей, по частнымъ же слухамъ,—министръ доискивался причины самоубійства бывшаго главнаго вана (князя). Одни говорили, что онъ повѣсился, другіе—отравился; достоверно же было извѣстно только то, что онъ умеръ не своей смертью... и что послѣ этого монголы пальцемъ не шевельнули для помощи китайцамъ, когда русскіе входили въ южную Манчжурію ¹⁾).

Въ 6-мъ часу вечера 21-го мая въ квартиру комиссара начали прибывать, большею частью въ паланкинахъ, высшіе мукденскіе китайскіе чиновники и министры ²⁾. Вскорѣ показа-

¹⁾ Ходили слухи, что бывшій ванъ (князь) обѣщалъ выставить китайцамъ на помощь 50 тысячъ конныхъ монголь въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ Манчжурію...

²⁾ Дзянь-дзюнь мукденскій имѣетъ своихъ (мѣстныхъ) министровъ: церемоній, юстиціи и военнаго по примѣру вице-королей южнаго Китая.

лась присвоенная лично военному министру стража ¹⁾ въ ярко красныхъ кафтанахъ, изъ-подъ которыхъ отъ талии до колѣнъ спускались красныя же съ желтой оторочкой лопасти, образуя видъ греческой мужской юбки, въ рукахъ у стражи блестѣли на длинныхъ древкахъ сѣкиры и какіе-то трезубцы...

Старинное вооруженіе и живописная одежда такъ и просились на полотно исторической картины.

Военнаго министра и дзянь-дзюня принесли въ закрытыхъ богато убранныхъ паланкинахъ съ металлическими шарами наверху.

Когда гости посидѣли немного въ гостиной,—хозяйка пригласила насъ сначала къ закускѣ, потомъ къ столу, посадивъ военнаго министра по правую, а дзянь-дзюня по лѣвую сторону рядомъ съ собой; провинціальныя министры сѣли по сторонамъ комиссара, а чиновники между другими приглашенными. Министръ Ю-дэ—невысокаго роста, плотный, лѣтъ подъ 50, здоровый мужчина съ сѣдой короткой косичкой, умными темными, на выкатѣ, глазами, быстрый взглядъ которыхъ онъ то и дѣло предусмотрительно прикрывалъ толстыми, припухлыми вѣками. Хотя, по его словамъ, министръ первый разъ присутствовалъ на европейскомъ обѣдѣ, онъ мало терялся въ новой для него обстановкѣ, находчиво посматривая на своего сосѣда: когда подавали блюдо и надо было начинать ѣсть, пользуясь европейскимъ приборомъ: ножомъ, вилокъ и ложкой, переводчикъ Б. въ полголоса по-китайски давалъ необходимыя свѣдѣнія и затѣмъ показывалъ примѣръ, какъ дѣйствовать... Министръ довольно удачно подражалъ пріемамъ своего учителя, прикрывая нѣкоторое чувство неловкости соответствующей случаю комической серьезностью.

Мѣстныя мукденскія власти: дзянь-дзюнь, фу-инъ, фу-дунъ и министры не только умѣли, какъ побывавшіе не разъ на русскихъ обѣдахъ, обращаться съ ножомъ и вилокъ, но они знали также назначеніе носового платка, плевальницъ и для доказательства гостепріимства хозяина «душа у нихъ съ Богомъ не бесѣдовала» ²⁾. Въ серединѣ обѣда Ю-дэ всталъ изъ-за

¹⁾ Дзянь-дзюню также, какъ и другимъ сановникамъ имперіи, присвоена особая почетная стража—тѣлохранители.

²⁾ Въ просторѣчьи русскій народъ говоритъ: «у него душа съ Богомъ бесѣдуетъ» про тѣхъ, кто страдаетъ отрыжкой, китайцы же послѣ ѣды стараются нарочно рыгать, чтобы показать, какъ они сытно наѣлись.

стола и снялъ свою парадную шелковую съ вышивками на спинѣ и груди курму (кофту); его примѣру послѣдовали и остальные китайцы (шляпы они сняли еще раньше); вѣроятно, по ихъ этикету такъ положено: снимать въ извѣстное время за обѣдомъ парадную одежду. Теперь они остались въ шелковыхъ, плотно охватывавшихъ тѣло цвѣтныхъ халатахъ ¹⁾, подпоясанныхъ широкими матерчатыми поясами съ металлическими, украшенными цвѣтными камнями, пряжками; сбоку, на поясахъ почти у всѣхъ висѣли въ футлярахъ золотые часы, вѣера и у нѣкоторыхъ—очки...

Здѣсь я въ первый разъ могъ хорошо разсматривать трехъ главныхъ представителей китайской администраціи въ Мукденѣ: Дзянь-дзюнь,—выше средняго роста, плотный мужчина 45-ти лѣтъ, брюнеть, какъ всѣ манчжуры, съ темнокариыми глазами и почти правильными чертами умнаго симпатичнаго лица. Его помощникъ—Фу-инъ, съ небольшимъ 40 лѣтъ, средняго роста, худощавый китаецъ, съ длинными характерными усами ²⁾, съ узкимъ разрѣзомъ глазъ и пріятными мягкими чертами умнаго также лица. Фу-ду-тунъ—высокій, худощавый, крѣпкій старикъ, лѣтъ подъ 60, съ типичнымъ монгольскимъ лицомъ, небольшими сѣдыми усами, рѣдкой сѣдой бородой ³⁾ и умнымъ, твердымъ взглядомъ.

Несмотря на различіе національностей ⁴⁾, эти три высшихъ китайскихъ чиновника были видимо настолько проникнуты объединяющимъ духомъ китайской культуры, что производили впечатлѣніе стойкихъ и убѣжденных ея представителей, которые, какъ умные люди, если и готовы перенять кое-что у европейцевъ, то лишь съ цѣлью, чтобы еще лучше укрѣпить коренные устои китайской жизни.

Подъ конецъ обѣда военный министръ всталъ и сказалъ: «я желаю, чтобы старинная дружба между русскимъ и китайскимъ государствами длилась долго, долго, и пью за здоровье русскаго Государя!». Присутствующіе закричали «ура», и русская му-

¹⁾ Военный министръ былъ въ халатѣ дикаго цвѣта; дзянь-дзюнь въ темно-красномъ.

²⁾ У дзянь-дзюня усы подстрижены, а борода также, какъ и Фу-ина обрита.

³⁾ Какъ ихъ рисуютъ на чайныхъ этикеткахъ.

⁴⁾ Дзянь-дзюнь — манчжуръ; Фу-инъ — китаецъ и фу-ду-тунъ—монголь; достойно вниманія, что ихъ родственники занимаютъ такіе же высокіе посты въ Шанхай-Гуанѣ, Цицикарѣ и Гиринѣ.

зыка ¹⁾ заиграла гимнъ. Когда «ура» кончилось, а музыка еще продолжала играть, то министръ, не выжидая окончанія ея, хотѣлъ было продолжать говорить, но дзянь-дзюнь подалъ ему знакъ и что-то тихо сказалъ, должно быть, предупреждая, что необходимо прежде дослѣшать гимнъ. По окончаніи гимна, который китайцы, какъ русскіе, слушали стоя, министръ благодарилъ комиссара за поддержку въ установленіи добрыхъ отношеній между русскими и китайскими властями.

На рѣчь министра военный комиссаръ отвѣтилъ тостомъ въ честь китайскаго императора. Потомъ министръ пилъ за здоровье генералъ-адъютанта вице-адмирала Алексѣева и генералъ-маіора Флейшера; полковникъ Квѣцинскій провозгласилъ здравицу министру и дзянь-дзюню...

Начался обыкновенный въ такихъ случаяхъ застольный обмѣнъ добрыми пожеланіями; одинъ изъ русскихъ офицеровъ, обращаясь къ министру, сказалъ: «вы выразили желаніе, чтобы между русскими и китайцами существовала постоянная дружба, но дружба есть чувство, а въ чувствѣ главную роль играетъ сердце, которое болѣе отзывчиво у женщинъ, поэтому я предлагаю выпить за здоровье женщинъ, какъ китайскихъ, такъ и русскихъ, и за представительницу ихъ здѣсь, нашу гостепріимную хозяйку». Послѣ этого пили еще отдѣльно за здоровье семей министра, дзянь-дзюня и др. Китайцы развеселились, душой общества оказался военный министръ: онъ такъ и сыпалъ ²⁾ остротами, рѣзами, цитатами, перебрасываясь ими съ дзянь-дзюнемъ, фу-иномъ и провинціальными министрами.

Пользуясь случаемъ, министръ не преминулъ пріобрѣсть кое-какія полезныя свѣдѣнія изъ русскаго языка. Когда ему предлагали пить вино, то говорили по-русски: «прошу выпить», сейчасъ же переводя это выраженіе на китайскій языкъ; министръ, попросивъ повторить фразу по-русски, усвоилъ ее и тутъ же, очень кстати, примѣнилъ свое знаніе, обратившись съ приподнятою рюмкой и русскими словами: «прошу выпить» къ мѣстному военному министру, который одинъ почему-то сидѣлъ понуря голову; всѣ разсмѣялись. Вообще, оживленіе не покидало собравшееся за столомъ общество, несмотря на то, что

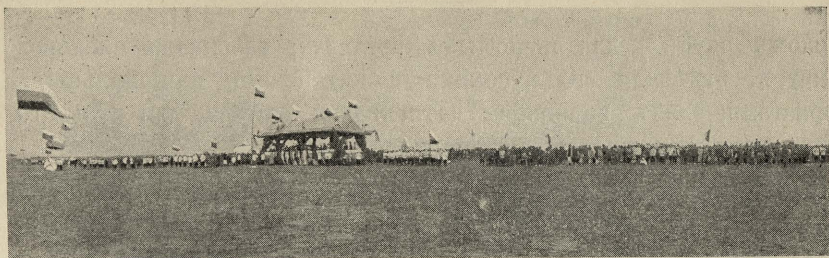
¹⁾ Музыка 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка.

²⁾ Говорю со словъ понимающаго литературный китайскій языкъ шт.-кап. Блонскаго.

китайскіе сановники ни на какомъ языкѣ, кромѣ китайскаго, не говорили и разговоръ все время шелъ при помощи переводчиковъ, что, разумѣется, стѣсняло.

Благодаря радушію и такту хозяевъ, гости-китайцы, видимо, чувствовали себя хорошо и если смотрѣли немного косо на насъ, русскихъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ ними за столомъ, то это, по моему мнѣнію, происходило не отъ непріязненныхъ чувствъ, а отъ естественнаго устройства ихъ глазъ...

Наконецъ, министр Ю-дэ поднялся и поблагодарилъ въ чисто китайскомъ вкусѣ хозяина за русское угощеніе. Министръ сказалъ приблизительно слѣдующее: «я такъ хорошо ѣлъ, какъ никогда, за что очень благодарю; я постараюсь сохранить пріятное впечатлѣніе о хорошей ѣдѣ вплоть до Пекина ¹⁾ и, когда приѣду домой, — расскажу всѣмъ роднымъ и знакомымъ, какъ я хорошо ѣлъ въ Мукденѣ у русскаго комиссара». Въ заключеніе военный министръ просилъ полковника Квѣцинскаго по-прежнему хорошо относиться къ дзянь-дзюню и мукденскимъ китайскимъ властямъ.

Скачки подъ Мукденомъ 21-го сентября 1902 г.

Скачки.

Скачки состоялись 20 и 21 сентября 1902 года, около города Мукдена, на заповѣдномъ полѣ, близъ императорской могилы ¹⁾.

Когда производились предварительныя изысканія желѣзнодорожнаго пути, то инженеры находили удобнѣе и естественнѣе (иначе пришлось сдѣлать крюкъ ²⁾) провести дорогу подлѣ города между сѣверо-западнымъ угломъ внѣшней (глиняной) стѣны его и паркомъ, окружающимъ императорскую могилу, но китайцы отвѣтили тогда гордо, что этого сдѣлать нельзя, потому что встревожится прахъ великаго Манчжура и взволнуется стерегущій могилу драконъ, когти котораго, по вѣрованію ихъ, разрастаясь, протягиваются въ этомъ мѣстѣ подъ землей по направленію къ городу, какъ бы на защиту его...

И вотъ теперь земля дрожитъ отъ топота копытъ русской конницы... и чего не дѣлаетъ время, особенно нужда (которая, по пословицѣ, заставляетъ и пѣть, и плясать, и скакать...)— вмѣстѣ съ забайкальскими казаками принимали участіе въ скачкахъ китайскіе наѣзники...

20 сентября, еще задолго до начала скачекъ, потянулся сюда изъ пригородовъ народъ, привлеченный слухами о нихъ и подготовительными работами: строили бесѣдку-павильонъ въ китай-

¹⁾ Основатели нынѣ царствующей въ Китаѣ манчжурской династіи—Тай-дзуна.

²⁾ Въ первое время дорога отъ станціи Сустунъ отклонялась къ западу и по дугѣ обходила Мукденъ почти на 20-верстномъ отъ него разстояніи.

скомъ вкусѣ ¹⁾ для почетныхъ зрителей; разбивали скаковой кругъ, отмѣчали его русскими и китайскими національными флагами; близъ павильона натягивался шатеръ для русскаго буфета и устраивалась китайская чайная...

Насколько глазъ хваталъ, окружая скаковой кругъ, синѣли ²⁾ густыя толпы народа; то и дѣло подѣзжали каретки-фудутунки ³⁾ съ китайскими чиновниками; впереди такой каретки ѣдетъ обыкновенно вершникъ, иногда два, смотря по важности чиновника; каретку везетъ одинъ мулъ и рядомъ съ нимъ бѣжитъ другой,—не на пристяжкѣ, а просто привязанный къ оглоблѣ, для почета хозяина; мула, который везетъ, держитъ подъ уздцы скороходъ, быстрымъ шагомъ поспѣвающий за нимъ... Каретку сопровождаютъ 3—5 верховыхъ слугъ въ широкополыхъ шляпахъ съ красными кистями; чиновники шариковъ разныхъ цвѣтовъ съ павлиньими и вороньими перьями, лисьими хвостами ⁴⁾ садятся въ ожиданіи дзянь-дзюня у столиковъ близъ павильона: слуги подаютъ имъ трубки, чай изъ китайской чайной...

Пріѣхалъ военный комиссаръ, полковникъ Квѣцинскій. Китайцы-чиновники, здороваясь, обступили его. Подѣзжаютъ русскіе офицеры, дамы... Павильонъ наполняется публикой... То блеснетъ погонъ офицера, то мелькнетъ изящная дамская шляпка, то упитанное счастливое лицо китайскаго чиновника въ желтой или вишневаго цвѣта кофтѣ съ длинною черною косой. Впечатлѣніе отъ картины получается не заурадное... Пріѣхавшій изъ Петербурга художникъ Кравченко набрасываетъ эскизъ; фотографы-любители (офицеры) готовятъ свои аппараты...

«Смирно, шапки вонъ!» раздается команда: руководитель скачекъ, командиръ сводно-конной бригады генералъ-майоръ Мищенко, здоровается съ Нерчинскимъ полкомъ Забайкальскаго казачьяго войска...

Музыка заиграла встрѣчный маршъ: ѣдетъ начальникъ южно-манчжурскаго отряда генералъ-майоръ Флейшеръ; несутъ дзянь-

¹⁾ Съ загнутыми хвостами драконовъ на концахъ крыши.

²⁾ У китайцевъ цвѣтъ одежды—преимущественно синій.

³⁾ Двухколесныя, красиво сдѣланныя, но удобныя только для китайцевъ, потому что въ нихъ сидѣть надо какъ на полу, который къ тому же постоянно трясется.

⁴⁾ Трубочки съ такими перьями и хвостами (служатъ также для отличія чиновъ, какъ и шарикъ) придѣлываются подъ шариками на задней сторонѣ шапки.

1) Начальник южно-манчжурского отряда, генералъ-маіоръ Флейшеръ. 2) Мукденскій дзянь-дзюнь-цангъ-чи. 3) Командующій сводно-конной бригадой генералъ-маіоръ Мищенко. 4) Фу-инъ. 5) Начальникъ штаба южно-манчжурскаго отряда полковникъ генеральнаго штаба Глинскій. 6) Военный комиссаръ при мукденскомъ дзянь-дзюнь генеральнаго штаба полковникъ Квѣцинскій. 7) Командиръ 1-го Восточно-сибирскаго стрѣльцова Его Величества полка полковникъ Хвастуновъ. 8) Командиръ Перчинскаго полка забайкальскаго кавачьяго войска полковникъ Котовъ. 9) Командиръ 3-й батареи 2-й Восточно-сибирской артиллерійской бригады подполковникъ Маллеръ.

дзюня въ паланкинѣ; впереди скорымъ шагомъ идетъ почетная стража въ красно-оранжевыхъ курмахъ съ желтыми оторочками, стражники держатъ на плечахъ блестящія алебарды, сѣкиры и какіе-то требузцы... За паланкиномъ идутъ десятка три регулярныхъ китайскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ темныя суконныя куртки, такія-же шаровары, матерчатые сапоги и широкія соломенныя шляпы съ черными шелковыми лентами по тульѣ.

Паланкинъ останавливается; солдаты, поблескивая штыками-баіонетами своихъ ружей-магазинокъ, молодцовато выстраиваются для встрѣчи; подскочившій слуга подставляетъ къ паланкину переносную скамейку-подножку; дзянь-дзюнь вылѣзаетъ, надѣваетъ ожерелье-четки¹⁾ и, какъ-бы согнувшись и протягивая руку впередъ, здоровается съ начальникомъ отряда, который привѣтливо приглашаетъ гостей (дзянь-дзюня и его помощника фу-ина) въ павильонъ...

Скачки начались въ 3-мъ часу пополудни; первымъ номеромъ была офицерская обязательная двухверстная скачка съ четырьмя препятствіями²⁾; скакали всѣ офицеры Нерчинскаго полка³⁾. Затѣмъ скакали нижніе чины (лучшіе наѣздники) конныхъ частей⁴⁾ мукденскаго гарнизона и, наконецъ,—китайцы.

Китайцы скакали попросту, безъ затѣй: канавы и валики не перескакивали, а обскакивали, и вообще въ полномъ смыслѣ слова скачка ихъ была безъ препятствій, то-есть они не стѣсняли себя ни искусствомъ ѣзды, ни какими-либо правилами, хотя китайцы любятъ лошадей и понимаютъ верховую ѣзду, но какъ и все—по своему; такъ, они любятъ иноходцевъ, и наѣздники ихъ пробѣжали на иноходцахъ недурно.

Первые пришедшіе къ сигнальному столбу казаки, охотники-стрѣлки и артиллеристы получили призовые часы; начальникъ отряда любезно предложилъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ дзянь-дзюню раздавать русскимъ солдатамъ призы; въ свою очередь дзянь-дзюнь просилъ генерала Флейшера сдѣлать то же для китайскихъ наѣздниковъ, которые, прежде чѣмъ принять по-

¹⁾ Длинная цѣпь изъ цвѣтныхъ камней, похожая и на ожерелье, и на четки; за такое ожерелье, надѣтое на шею, держатся китайскіе сановники при представленіи богдыхану въ знакъ рабской покорности.

²⁾ Валикъ, канава, живая изгородь и еще валъ.

³⁾ Первый призъ взялъ эсаулъ Маковкинъ.

⁴⁾ Нерчинскій Забайкальскій казачій полкъ, 3-я батарея 2-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады и конно-охотничья команда 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка.

дарокъ изъ рукъ генерала, падали сначала на колѣни и кланялись до земли русскому и китайскому тай-жинамъ (великимъ людямъ), представляя своими приниженными фигурами рѣзкій контрастъ съ молодцоватой выправкой бравыхъ солдатъ и казаковъ, смѣло, съ сознаниемъ своего достоинства подходившихъ къ эстрадѣ за полученіемъ призовъ...

На другой день, 21 сентября, скачки, происходившія при такой же обстановкѣ, какъ и наканунѣ, въ присутствіи начальника отряда и дзянь-дзюня, закончились джигитовкой Забайкальскихъ казаковъ. Когда казаки продѣлывали обыкновенные приемы джигитовки: спрыгиваніе съ сѣдла и выпрыгиваніе обратно въ сѣдло на всемъ скаку, подниманіе разныхъ предметовъ съ земли также на всемъ скаку,—«тин-шанго, хинъ-хау»¹⁾—слышалось добродушное выраженіе одобренія изъ толпы китайцевъ, но по мѣрѣ того, какъ эквилибристика казаковъ дѣлалась головоломнѣе, возгласы одобренія начали постепенно замолкать, пока совсѣмъ не стихли; на лицахъ китайскихъ чиновниковъ и офицеровъ отпечаталось выраженіе чувства какой-то неловкости при видѣ происходившаго: вотъ скачутъ рядомъ два казака, между ними стоитъ одною ногой въ сѣдлѣ одного, другой—въ сѣдлѣ другого, третій казакъ съ развѣвающимся сотеннымъ значкомъ; несутся два казака—одинъ преслѣдуетъ другого; преслѣдуемый, поворотясь въ полоборота, отстрѣливается на скаку отъ погони... Вотъ еще мчится во весь опоръ пара... задній съ пашкой наголо настигаетъ передняго—вдругъ этотъ, мгновенно пересѣвъ на сѣдлѣ спиной къ головѣ своей лошади лицомъ къ преслѣдователю, выхватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ ему въ упоръ... Искорки замельками отъ этого выстрѣла въ глазахъ стоявшихъ рядомъ со мной китайскихъ офицеровъ... Я посмотрѣлъ на дзянь-дзюня и фу-ина; умный и болѣе сдержанный манчжуръ дзянь-дзюнь смотрѣлъ добродушно на проявленіе лихости и отваги казаковъ, какъ на неизбѣжное зло, но китаецъ фу-инъ съ трудомъ выдавливалъ на своихъ безкровныхъ губахъ дѣланную улыбку, видимо находясь, какъ и всѣ окружающіе китайцы, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ зрѣлища.

Такимъ образомъ джигитовка лихихъ Нерчинцевъ по своему ошеломляющему воздѣйствію на духъ зрителей китайцевъ была безъ сомнѣнія равносильна выигранному надъ ними сраженію.

¹⁾ «Очень хорошо».

Первый внутренний дворъ мукденскаго дворца: налѣво зданіе тронной залы, прямо—кладовая.

Мукденскій дворецъ.

Мукденскій дворецъ служилъ жилищемъ еще манчжурскимъ князьямъ. Манчжурскій князь Тайдзунъ (современникъ нашего царя Алексѣя Михайловича), основатель нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи, покоривъ Китай, перенесъ столицу въ Пекинъ¹⁾. Первые императоры Тайдзунской династіи разъ въ десять лѣтъ прѣзжали въ Мукденъ и далѣе въ городъ Линкай на поклоненіе могиламъ предковъ²⁾, но съ теченіемъ времени посѣщенія эти становились все рѣже и рѣже, пока, лѣтъ девяносто тому назадъ, совсѣмъ не прекратились. Съ этихъ поръ началось запустѣніе дворца—теперь, по крайней мѣрѣ, треть построекъ лежитъ въ развалинахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію дворца, считаю не лишнимъ хоть немного познакомить читателей съ несложной китайской архитектурой, образцомъ которой онъ вполне можетъ служить, отличаясь отъ обыкновенныхъ зданій только отчасти

¹⁾ Пэй-тинъ (Пекинъ) значитъ сѣверная столица.

²⁾ Тѣло самого Тайдзуна, привезенное изъ Пекина, похоронено верстахъ въ пяти отъ Мукдена; императорскую могилу окружаютъ много красивыхъ построекъ и правильно разбитый, чисто содержимый, прекрасный вѣковой паркъ. Въ Линкаѣ (городъ верстахъ въ 150-ти къ востоку отъ Мукдена) похоронены прахъ родителей Великаго Манчжура.

фасадомъ, украшеніями, цвѣтомъ крыши и, разумѣется, размѣрами. Планъ расположенія храмовъ, частныхъ домовъ, промышленныхъ заведеній, разныхъ торговыхъ складовъ и другихъ строго одинаковъ: занимая, сравнительно, небольшое пространство по фасаду, расположеніе построекъ уходитъ отъ улицы далеко въ глубь дворовъ. Передъ воротами, саженьхъ въ трехъ, если позволяетъ мѣсто, ставится обыкновенно каменная, отдѣльно стоящая, стѣнка-щитъ ¹⁾, сажени въ три въ длину и полторы въ вышину. Ворота ведутъ въ первый дворикъ, обставленный строеніями, — прямо противъ воротъ — жилое помѣщеніе; по бокамъ — хозяйственныя постройки (службы); первый дворикъ черезъ сѣни жилого помѣщенія сообщается со вторымъ внутреннимъ, также обставленнымъ зданіями; въ свою очередь, черезъ второе жилое помѣщеніе можно пройти на третій дворикъ, и т. д. Такихъ двориковъ намъ случалось насчитывать за одной оградой до семи; разница между ними только та, что дворикъ передъ помѣщеніемъ, гдѣ живутъ обыкновенно хозяева ²⁾, заставленъ лѣтомъ цвѣтами и карликовыми плодовыми деревьями въ вазонахъ; тутъ же въ зелени стоятъ акваріумы съ золотыми рыбками, висятъ клѣтки съ пѣвчими птицами, а иногда съ большими зелеными кузнечиками ³⁾ (стрекозами); у чиновниковъ и богатыхъ людей на послѣднемъ дворикѣ можно встрѣтить часто небольшую домовую кумирню, и, наконецъ, — садъ, вѣрнѣе три-пять большихъ деревьевъ.

Двери жилыхъ помѣщеній ⁴⁾ обыкновенно очень легкія — нижняя половина изъ тонкихъ филенокъ, на переплетѣ верхней — наклеена бумага. Окна... но оконъ въ нашемъ смыслѣ слова у китайцевъ нѣтъ; вся передняя стѣна, иногда и задняя, состоитъ изъ легкаго переплета большихъ двойныхъ рамъ; наружныя рамы открываются наружу и вверхъ, внутреннія — внутрь и тоже вверхъ; на рамы наклеивается особая для

¹⁾ Для того, чтобы воспрепятствовать скорому вліянію злого духа. Въ деревняхъ такія стѣнки дѣлаются изъ глины.

²⁾ Родственники и прислуга занимаютъ другія помѣщенія.

³⁾ Эти толстые зеленые кузнечики лѣтомъ услаждаютъ китайцамъ слухъ своимъ стрекотаніемъ, а осенью любители устраиваютъ бои кузнечиковъ, какъ у насъ бои пѣтуховъ или въ Испаніи — быковъ.

⁴⁾ Дверныя отверстія лавокъ забираются на ночь толстыми досками. Размѣръ ихъ въ высоту — отъ потолка до полу, и въ ширину — отъ столба до столба.

этой цѣли приготовляемая плотная и достаточно крѣпкая бумага, пропускающая довольно свѣта, но не для чтенія и письма, напримѣръ. Вотъ причина (да еще убійственная пыль на улицахъ въ жаркое время года), почему въ Китаѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, больныхъ глазами и слѣпыхъ. Отсутствие стеколъ¹⁾ большая также помѣха любопытству женщинъ видѣть, что дѣлается на дворѣ или на улицѣ. Онѣ, впрочемъ, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, попросту протыкаютъ пальцемъ дырочку въ оконной бумагѣ и смотрятъ... потомъ дырочки эти заклеиваются. Такимъ образомъ по количеству маленькихъ заплатокъ на бумагѣ можно судить о степени любопытства хозяекъ дома.

Деревянныхъ половъ въ фанзахъ (домахъ) нѣтъ: у зажиточныхъ — они кирпичные, крытые циновками; у того, кто побѣднѣе, — земляные, плотно убитые. Потолки — бумажные; бумага приклеивается къ сдѣланному изъ стеблей гаоляна²⁾ переплету, который въ свою очередь прикрѣпленъ къ балкамъ. Печи замѣняются канами³⁾; каны — это глиняныя нары, примыкающія къ стѣнамъ во всю ихъ длину; подъ канами проходятъ, нагрѣвая ихъ, трубы отъ очага въ кухнѣ — прихожей.

Благодаря такому устройству отопленія въ китайскихъ фанзахъ сырости почти нѣтъ, несмотря на то, что большинство жилыхъ помѣщеній строится безъ фундамента. Главную часть постройки составляетъ крыша, поддерживаемая столбами, которые или закапываются неглубоко въ землю или, въ рѣдкихъ случаяхъ, ставятся на камни⁴⁾; промежутки между столбами заполняются плохо обожженнымъ кирпичемъ; кладка рѣдко на известкѣ, а больше на глинѣ. По свойственной имъ манерѣ дѣ-

¹⁾ Теперь, впрочемъ, не только въ городахъ, но и въ деревняхъ китайцы начинаютъ употреблять стекла, вклеивая ихъ по срединѣ рамъ.

²⁾ Гаолянъ — хлѣбное растеніе, видъ кукурузы.

³⁾ Каны отапливаются стеблями гаоляна; теплота отъ такой точки развивается небольшая, но вполне достаточная для согрѣванія спящихъ на канахъ людей; кромѣ сна, каны служатъ почти постояннымъ мѣстопребываніемъ женщинамъ, которыя сидятъ на нихъ, поджавъ подъ себя ноги «калачикомъ». Въ послѣднее время, съ развитіемъ добычи каменнаго угля, китайцы начинаютъ отапливать имъ дома, но въ виду того, что уголь даетъ слишкомъ большую теплоту, отъ которой деревянные части кана загораются, они мѣшаютъ уголь съ глиной.

⁴⁾ Которые, надо замѣтить, не образуютъ сплошного фундамента.

Восточныя ворота Мукденскаго дворца.

латъ многое «шиворотъ-навыворотъ» ¹⁾ китайцы начинаютъ строить зданіе не снизу, а сверху. Связавъ осто́въ крыши, они поднимаютъ его на столбахъ, какъ на подпоркахъ; подводятъ еще нѣсколько столбовъ; потомъ, чтобы предохранить постройку

¹⁾ На нашъ, разумѣется, взглядъ.

отъ опрокидыванія, соединяють ихъ вверху балками и поперечинами, кроютъ черепицей крышу и затѣмъ уже забирають стѣны.

При окончательной отдѣлкѣ зданія много замысловатости и нерѣдко вкуса кладутъ китайскіе строители на украшеніе концовъ балокъ и поперечинъ, выглядывающихъ изъ-подъ вывернутыхъ кверху карнизовъ крышъ. Столбы такъ же покрыты рѣзьбой, изображающей драконовъ, змѣй и вьющіяся растенія. Но отсутствіе одушевляющей идеи въ этихъ прицѣпленныхъ одинъ къ другому безъ связи рисунковъ, хотя и не лишенныхъ нѣкоторой художественности и изящества въ частностяхъ, въ общемъ дѣлаетъ ихъ безжизненными и вялыми. За исключеніемъ небольшого числа дворцовъ и башенъ¹⁾, почти всѣ дома въ одинъ этажъ.

Ни величественнаго зданія²⁾, ни шпица, ни купола, не поднимается надъ китайскимъ городомъ, чтобы оживить монотонный видъ; только изрѣдка зеленого или желтаго цвѣта крыши дворца или царской кумирни ярко блещутъ на темно-сѣромъ фонѣ черепицы кровель. Рисунки на чайныхъ этикетахъ даютъ довольно вѣрное понятіе о внѣшнемъ видѣ китайскихъ зданій съ ихъ причудливо-странными крышами, которыя, будучи сами по себѣ очень тяжелыми³⁾, кажутся легкими, благодаря вывернутымъ кверху угламъ карнизовъ: это—характерная особенность китайской архитектуры.

Одинъ англійскій изслѣдователь⁴⁾ жизни китайцевъ остроумно находитъ причину господствующаго у нихъ нынѣ стили

¹⁾ Строятся на мѣстахъ историческихъ событій и надъ могилами или въ память великихъ людей.

²⁾ Въ своей «Исторіи индійской и восточной архитектуры» m-g Fergusson предполагаетъ основаніемъ такого состоянія китайской архитектуры то обстоятельство, что китайцы никогда не имѣли ни духовенства съ преобладающимъ значеніемъ въ странѣ, ни могущественнаго наслѣдственнаго дворянства. «Присутствіе этихъ созидających классовъ, — говоритъ онъ, — важно потому, что священное искусство архитектуры требуетъ великаго вдохновенія, и никогда оно такъ властно не раскрывается, какъ подъ вліяніемъ сильной и величественно пышной іерархіи... Частныя несогласія и междоусобныя войны были данными, малоизвѣстными китайцамъ, и отсюда—мало укрѣпленныхъ мѣстъ и прочныхъ, пригодныхъ къ серьезной оборонѣ зданій, которыя количествомъ и устройствомъ отмѣчаютъ характеръ вліятельнаго класса въ странѣ».

³⁾ Крыши въ городахъ силою черепичныя, прочныя.

⁴⁾ Robert Douglas.

въ остаткѣ вліянія татарскихъ народовъ, привыкшихъ жить въ шатрахъ.

Говорятъ, что когда Чингисъ-ханъ наводнилъ въ XIII вѣкѣ

Старинныя священные вазы.

страну своими полчищами, то предводители его велѣли передѣлать въ городахъ занятія ими зданія такъ, чтобы они хоть отчасти напоминали имъ шатры ихъ родины—крыши подперли

столбами, а промежутки между ними забрали, разваливъ предварительно стѣны, войлоками¹⁾, матеріями... И вотъ этотъ-то остатокъ татарскаго вліянія, окаменѣвъ, какъ и многое другое въ Китаѣ, остается неизмѣннымъ въ теченіе 600 лѣтъ.

Главный факторъ, препятствующій развитію китайской архитектуры, какъ впрочемъ и всякому развитію въ Китаѣ,—это консерватизмъ націи, основанный преимущественно на ученіи Конфуція, по которому все въ этой странѣ совершается по точно, до мелочей, установленному и десятками вѣковъ освященному порядку; многочисленныя учрежденія со многими тысячами мандариновъ и чиновниковъ, шариковъ разныхъ цвѣтовъ²⁾, поддерживаютъ этотъ порядокъ. Такъ, указаніемъ благопріятнаго расположенія построекъ и времени начала работъ по строго опредѣленному плану завѣдуютъ особыя учрежденія³⁾, находящіяся подъ покровительствомъ духа «фынь-шуя».

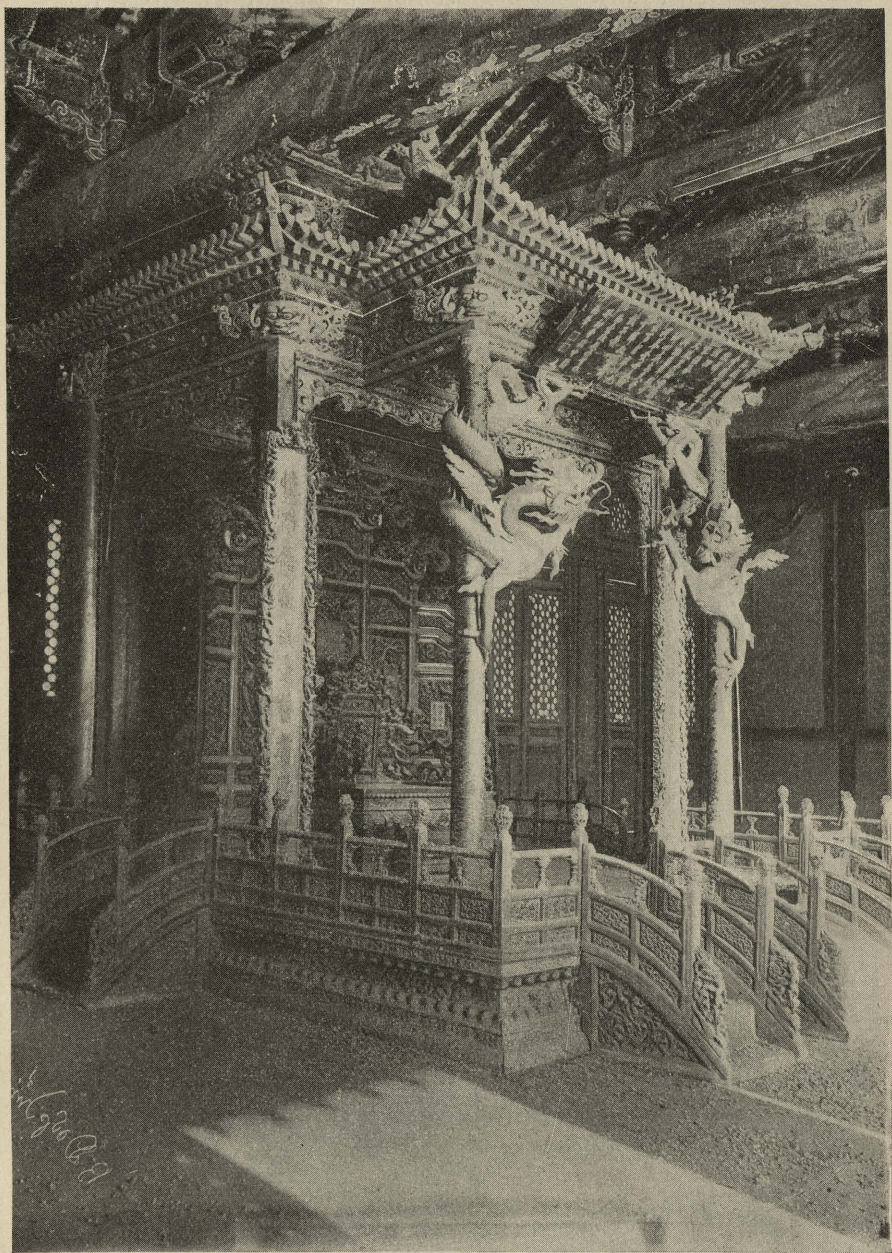
Этотъ «фынь-шуй» есть то, что кладетъ первый камень прекновенія на дорогѣ ко всякому усовершенствованію въ Китаѣ. Предполагается ли строить желѣзную дорогу,—сразу готово возраженіе: возмутится-де духъ «фынь-шуя» нарушеніемъ покоя похороненныхъ по близости предковъ⁴⁾; собираются ли европейцы провести телеграфную линію,—говорятъ, что тѣнь, бросаемаемая проволоками на дома, можетъ оскорбить «фынь-шуя» своимъ сосѣдствомъ и навести несчастіе на живущихъ въ этихъ домахъ.

По мнѣнію простого народа, «фынь-шуй» дѣйствительно существуетъ и во все вникаетъ; что же касается мандариновъ, которые, кстати сказать, не такъ грубо невѣжественны, какъ о нихъ думаютъ въ Европѣ, то они, когда государственные интересы того требуютъ, или полученная отъ европейцевъ сумма денегъ достаточно умѣряетъ ихъ консерватизмъ, находятъ, что такія дѣла, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ или проведеніе

¹⁾ Еще и теперь кое-гдѣ въ городахъ попадаются вмѣсто дверей подвѣшанные войлоки.

²⁾ Ими завѣдуютъ чиновники, обязанности которыхъ отчасти напоминаютъ обязанности нашихъ губернскихъ архитекторовъ.

³⁾ А могилы ихъ разбросаны повсюду: среди полей, близъ городскихъ стѣнъ, около жилищъ и даже на крышахъ домовъ стоятъ иногда гроба съ покойниками (видѣлъ лично въ г. Син-мин-тинѣ).

Императорскій тронъ.

телеграфа, фынъ-шую не подвѣдомственны, потому что у Конфуція о такихъ дѣлахъ ничего не сказано¹⁾, и страхъ ихъ передъ этимъ все проникающихъ духомъ исчезаетъ, какъ утренняя мгла передъ солнцемъ.

Слова «фынъ-шуй» буквально значатъ «вѣтеръ-вода». Насколько допускаетъ запутанность китайскихъ идей по этому предмету, можно съ извѣстной вѣроятностью предположить, что «фынъ-шуй» есть символическое представленіе естественныхъ наукъ и... суевѣрій. Чиновники-толкователи «фынъ-шуя» объясняютъ, что какъ—по словамъ астрологовъ—нѣкоторыя соединенія планетъ могутъ быть благопріятны и не благопріятны людямъ, такъ и сочетанія тѣхъ или другихъ возвышенностей или впадинъ, вообще неровностей, а также водъ и растительности на землѣ могутъ приносить счастье или несчастье живущимъ на ней, потому что на поверхности земли находятся въ непрестанномъ движеніи два теченія, представляющія мужской и женскій принципы природы: одинъ называется «лазореый драконъ», другой—«бѣлый тигръ».

Неровности земли помогаютъ толкователямъ «фынъ-шуя» угадывать посредствомъ магнетическаго циркуля мѣстонахожденія этихъ скрытыхъ силъ природы и сообразно съ этимъ располагать благопріятнымъ образомъ для людей ихъ жилища. Они, напримѣръ, находятъ, что полукругъ изъ деревьевъ, посаженныхъ позади дома, способствуетъ счастливому для его обитателей направленію силъ «лазореваго дракона» и «бѣлаго тигра»; въ безлѣсныхъ же мѣстностяхъ земляной валъ, облегачущій полукругомъ задній фасъ построекъ, достигаетъ той же цѣли.

Сквозь туманъ суевѣрій и предразсудковъ виднѣются, однако, проблески разума у толкователей «фынъ-шуя»; въ всякаго сомнѣнія, что мѣста, избираемые ими для поселеній, указываютъ на знакомство ихъ съ климатическими условіями страны. Много лѣтъ тому назадъ, когда англичане впервые селились въ Гонконгъ, смертность среди англійскихъ солдатъ, жившихъ въ ба-

¹⁾ У Конфуція же о подобныхъ случаяхъ сказано: всякое полезное для жизни знаніе можно заимствовать у сосѣдей, но какое именно знаніе полезно, это уже зависитъ вполне отъ усмотрѣнія мандариновъ, которые также и толкователи Конфуція,—собственно конфуціанскаго духовенства нѣтъ, буддійское многочисленно.

И. Е. ИВАНОВЪ.

Императорскій павильонъ рядомъ съ дворцомъ, въ которомъ императоръ принималъ поздравленіе по случаю новаго года. Передъ павильономъ снята случайно зашедшая сюда процессія съ дракономъ; въ теченіе цѣлаго мѣсяца китайскаго новаго года такіа процессіи ходятъ по городу днемъ и ночью.

ракахъ на мѣстности, лишенной всякой растительности, была страшная. Когда же по совѣту одного колоніальнаго врача, который прожилъ ранѣе долго въ Китаѣ, обсадили бараки бамбукомъ, то дѣйствіе отъ этой посадки было изумительное: смертность уменьшилась больше чѣмъ на половину. Туземцы потомъ утверждали, что англійскій врачъ былъ не кто иной, какъ тайный великій толкователь «фынъ-шуй», настолько совѣтъ, данный имъ относительно посадки, соответствовалъ правиламъ о расположеніи построекъ и предохраненія ихъ отъ неблагоприятнаго вліянія упомянутыхъ теченій «дракона» и «тигра».

Вотъ другой случай. Когда строили новый англійскій кварталъ въ Кантонѣ, то китайцы предсказывали всякія напасти тѣмъ, кто тамъ будетъ жить; дѣйствительно, никакія европейскія средства: ни карболка, ни смолы, ни кислоты не могли спасти поселившихся тамъ англичанъ отъ нашествія бѣлыхъ муравьевъ, тучами наводнившихъ жилища. Триумфъ китайцевъ былъ полный, когда англійскій консулъ, построившій себѣ также домъ въ новомъ кварталѣ, былъ принужденъ муравьями покинуть его, чтобы жить въ двухъ миляхъ оттуда подъ защитою тѣни деревьевъ вокругъ пагоды.

Русскимъ также приходилось имѣть дѣло съ «фынъ-шумъ». Штабсъ-капитанъ Блонскій, бывшій секретарь-переводчикъ у военнаго комиссара при мукденскомъ дзянь-дзюнь, рассказывалъ, какъ примѣръ своего знакомства съ духомъ — покровителемъ китайскаго домостроительства, такой случай. Понадобилось починить сѣверныя ворота¹⁾ мукденской каменной городской стѣны. Военный комиссаръ обратился по этому поводу съ просьбою чрезъ дипломатическую канцелярію въ Мукденъ къ дзянь-дзюню. Довольно долго искали учрежденія, которое завѣдуетъ городскими стѣнами. Наконецъ учрежденіе нашли и запросили; оно отвѣтило, что ворота, дѣйствительно, надо починить, и матеріалъ есть... но только необходимо подождать, пока «фынъ-шуй-сянь-шинъ» не выберетъ благоприятный для начала день. «Фынъ-шуй-сянь-шинъ» буквально значитъ «учитель отъ воды и вѣтра», предсказывающій дурную и хорошую

¹⁾ Ворота и башня надъ ними отъ ветхости начали осыпаться, грозя со всѣмъ обвалиться, между тѣмъ на нихъ стояли русскія орудія вѣстной артиллеріи и находился карауль.

Башня «Феникса».

погоду. Короче—колдунъ-прорицатель, лицо официально признаваемое.

Вотъ извольте-ка ждать, пока «фынь-шуй-сянь-шинъ» не погадаетъ о благопріятномъ для начала работъ днѣ, а не принять во вниманіе его мнѣнія нельзя—возмутится духъ китайскій.

Хотя надо сказать правду, въ Мукденѣ толкователи «фынь-шуй» оказались непредусмотрительными: ворота слѣдовало чинить не по указанію русскихъ, а противъ русскихъ и задолго до ихъ прихода. Впрочемъ, вѣроятно, предсказаніе политическихъ событій касается астрологовъ, а не ихъ.

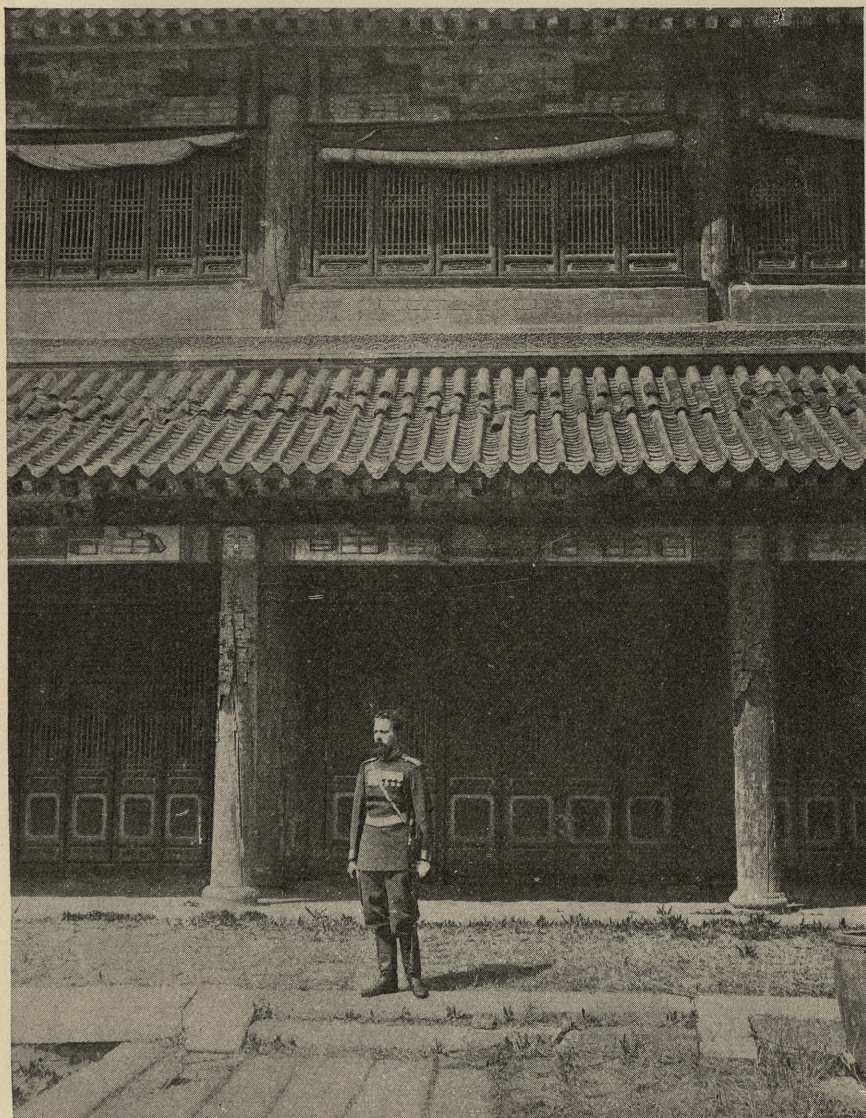
Такъ или иначе, ворота и башни города стояли совершенно не поправленными, когда русскіе, въ 1900 году, подходили къ Мукдену. Въ 5 часовъ вечера, 18-го сентября 1900 года, передовой отрядъ¹⁾ южно-манчжурскаго отряда, имѣя впереди въ летучемъ разѣздѣ 8-ю Донскую сотню охранной стражи эсаула Денисова, вошелъ въ горѣвшій городъ Мукденъ.

Конница и батарея заняли императорскій дворецъ. Въ 10 часовъ вечера этого же 18-го сентября, начальникъ южно-манчжурскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Суботичъ, получилъ на бивакѣ главныхъ силъ у селенія Байтапу²⁾ прошеніе на англійскомъ языкѣ отъ мукденскихъ купцовъ-буддистовъ и конфуціантъ и жителей-христіанъ о скорѣйшемъ вступленіи главныхъ силъ въ Мукденъ для возстановленія тамъ порядка³⁾.

¹⁾ Передовой отрядъ подъ командой полковника Мищенко состоялъ изъ двухъ сотенъ (Кубанской и Донской) охранной стражи Восточно-Китайской желѣзной дороги, полесотни 5-й сотни Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска, двухъ ротъ пѣшей стражи и Забайкальской казачьей батареи.

²⁾ Селеніе верстахъ въ 9-ти—11-ти къ югу отъ Мукдена.

³⁾ Вотъ картина, представившаяся глазамъ первыхъ русскихъ, вошедшихъ въ Мукденъ: всѣ казенныя зданія, банки, ломбарды, дома мандариновъ были разграблены и разгромлены; магазины, кварталы христіанъ, дома зажиточныхъ китайцевъ—все было въ огнѣ... всюду на улицахъ валялись поломанные вещи, мебель, разбитые ящики, разбросанный товаръ, убитыя лошади, трупы людей; и все это было сдѣлано не наступающими русскими, а китайскими же убѣжавшими войсками; русскіе еще должны были гасить пожаръ, гнать грабителей, охранять древности манчжурскихъ богдыхановъ и защищать мирныхъ жителей. Китайскія войска вели себя такъ возмутительно по отношенію къ мирному населенію не только въ эти послѣдніе дни, когда бѣжали ихъ начальники, а всѣ три мѣсяца войны вездѣ слышались на нихъ жалобы и проклятія...

Главное здание библиотеки.

19-го сентября, на улицахъ южнаго предмѣстья Мукдена, которое, благодаря налету казаковъ, оттѣснившихъ шайки китайскихъ мародеръ-солдатъ, почти не пострадало ни отъ пожаровъ, ни отъ грабежей, толпились жители съ бѣлыми, въ знакъ покорности, флажками въ рукахъ; лавки открыты настежь, ни испуга, ни горя не выражается на лицахъ китайцевъ; въ толпѣ замѣтны женщины, на рукахъ отцовъ—дѣти, показывающія пальцами надвигающіяся русскія войска; надъ домами развѣваются русскіе національные флаги (и гдѣ китайцы успѣли ихъ только достать?); гремитъ русская военная музыка — встрѣчаютъ торжественно главныя силы южно-манчжурскаго отряда съ генералъ-лейтенантомъ Суботичемъ во главѣ...

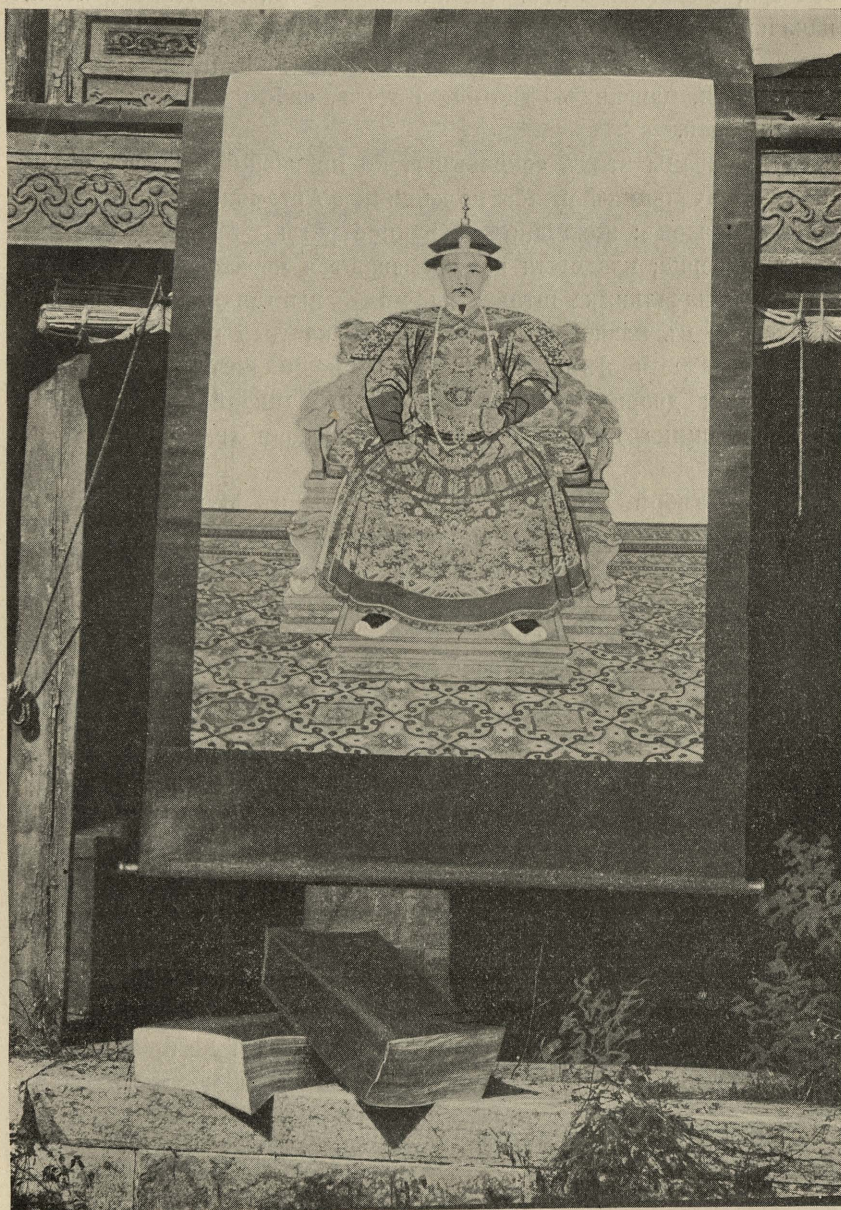
Такъ была взята столица Манчжуріи, святыня манчжурскаго народа, когда-то гроза Китая, теперь—одно изъ главныхъ гнѣздъ боксеровъ и другихъ ненавистниковъ европейцевъ. По улицамъ пошли русскіе дозоры и патрули; у фронта дворца, недоступнаго прежде европейцамъ, развѣвалось русское знамя, и генералъ-лейтенантъ Суботичъ, который два года тому назадъ не былъ допущенъ, какъ почетный гость, во внутренніе покои дворца, теперь явился главою этой замкнутой и гордой столицы.

20-го сентября, на площади дворца, передъ императорскимъ павильономъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія верховному вождю русской арміи, Государю Императору. Гарнизонѣмъ въ Мукденѣ былъ оставленъ 11-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, а командиръ его, полковникъ Домбровский¹⁾, назначенъ комендантомъ и военнымъ губернаторомъ Мукдена. Карауломъ во дворцѣ встала 5-я рота 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Для осмотра дворцовыхъ кладовыхъ и приведенія въ ясность и нѣкоторый порядокъ²⁾ вещей, укладки ихъ въ шкафы и опечатанія какъ шкафовъ, такъ и входныхъ дверей печатями, начальникъ отряда назначилъ комиссію съ участіемъ представителей государственнаго контроля, предписавъ ей, по окончаніи

¹⁾ Помощникомъ его былъ назначенъ генеральнаго штаба подполковникъ Десино.

²⁾ Потому что часть кладовыхъ была приведена въ безпорядокъ и разграблена, хотя правда немного, боксерами.

Одинъ изъ первыхъ императоровъ царствующей династїи на тронѣ
въ парадномъ одѣяніи.

осмотра, составить актъ. Окончивъ занятія, комиссія донесла начальнику отряда, что имущество, хранящееся во дворцѣ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ громадной библіотеки, домашней утвари, царскихъ одѣяній, сѣделъ, сабель и другихъ цѣнныхъ вещей.

Для охраны этихъ сокровищъ, по приказанію генерала Суботича, начальникъ штаба полковникъ Артамоновъ установилъ такой порядокъ: командиръ охранной роты считается смотрителемъ дворца; кладовыя запечатываются печатями смотрителя дворца и начальника штаба; къ нимъ выставляются часовые. Допускъ¹⁾ въ кладовыя разрѣшается каждый разъ начальникомъ отряда и въ присутствіи комиссіи изъ трехъ лицъ: смотрителя дворца, адъютанта штаба и китайскаго офицера или чиновника по назначенію дзянь-дзюня (генералъ-губернатора).

Въ сентябрѣ 1901 года, гарнизономъ въ Мукденѣ, вмѣсто ушедшаго 11-го полка, расположился 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ; дворецъ заняла 2-я рота²⁾ этого полка, а командиръ ея, капитанъ Ивановъ, былъ назначенъ смотрителемъ дворца.

Дворцовыя постройки расположены немного южнѣе центра императорской части города, занимая громадный квадратъ съ четырехугольнымъ выступомъ къ югу, гдѣ³⁾ помѣщаются жилища дворцовой администраціи. Сѣверную часть дворцоваго квадрата составляетъ четырехугольная, вымощенная плитами плацъ-парадная площадь передъ императорскимъ павильономъ съ малымъ трономъ императора. Позади павильона, въ продолговатомъ низкомъ зданіи, хранятся императорскіе зонтики⁴⁾ и другіе символы власти, носимые на длинныхъ древкахъ, какъ-то: вырѣзанные изъ дерева и позолоченные копыя, мечи, фигуры въ видѣ шаровъ, благословляющая рука Будды и др. По сторонамъ площади стоятъ кіоски, куда въ ожиданіи ли пріема императоромъ, или при другихъ церемоніяхъ, собираются граждан-

¹⁾ Для осмотра, напимѣръ, пріѣзжавшими въ Мукденъ русскими и иностранцами; допускались и китайцы для справокъ въ библіотеки.

²⁾ 2-я рота занимала дворецъ вплоть до сдачи его китайцамъ.

³⁾ Во время занятія дворца русскими эти помѣщенія были приспособлены подъ жилища солдатъ.

⁴⁾ Въ торжественныхъ случаяхъ зонтики носятъ не только передъ императоромъ, но и передъ мандаринами.

Одинъ изъ императоровъ царствующей династіи.
 Сверху: командиръ 2-й роты 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго
 Его Величества полка капитанъ Ивановъ и три старшихъ унтеръ-
 офицера, георгіевскихъ кавалера: первый слѣва Николай Калущій,
 второй Зинатуль Хабатулинъ и третій Михаилъ Окраинчукъ.

скіе и военные чины: граждане—въ кіоски правой стороны; военные—въ лѣвые; и кто чиномъ выше, тотъ ближе къ трону.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ принесенія поздравленія мѣстными министрами, высшими офицерами и чиновниками дзянь-дзюню въ китайскій царскій день. 17-го іюля 1900 года, рано утромъ я получилъ экстренную записку отъ командира полка съ приказаніемъ допустить во дворецъ дзянь-дзюня «для церемоніи принесенія поздравленій по случаю дня рожденія китайскаго императора», какъ значилось въ запискѣ.

Когда я въ шестомъ часу утра вышелъ на плацъ передъ императорскимъ павильономъ, то засталъ уже группу разодѣтыхъ парадно китайскихъ чиновниковъ около кіосковъ. Чиновники продолжали прибывать, размѣщаясь по нимъ сообразно цвѣту шариковъ на шляпахъ; съ красными шариками мандарины, какъ старѣйшіе, помѣстились во второмъ кіоскѣ съ правой стороны ¹⁾, ближайшій къ павильону заняла почетная стража императорскихъ тѣлохранителей ²⁾. Послѣднихъ въ Мукденѣ сто человѣкъ; всѣ они—природные манчжуры; право служить въ тѣлохранителяхъ—наслѣдственно. Курмы (кофты) и халаты на тѣлохранителяхъ были такіе же, какъ на чиновникахъ; сверхъ того, на нихъ были надѣты голубыя шелковыя, затканныя серебромъ оплечья ³⁾; конусообразныя шляпы ихъ, въ отличіе отъ шляпъ чиновниковъ ⁴⁾, были обложены толстымъ слоемъ красной (мотками) шерсти и заканчивались не однимъ стекляннымъ шарикомъ ⁵⁾, а нѣсколькими металлическими, насаженными одинъ на другой.

Показался несомый носильщиками паланкинъ дзянь-дзюня ⁶⁾, впереди шли алебардщики въ живописныхъ старинныхъ костюмахъ; позади—солдаты, вооруженные магазинными ружьями и

¹⁾ Въ этотъ разъ занималась только одна правая половина кіосковъ.

²⁾ Въ родѣ нашихъ дворцовыхъ гренадеръ.

³⁾ Такія же оплечья были надѣты на дзянь-дзюнь, фу-инѣ и фу-ду-тунѣ.

⁴⁾ Шляпы лѣтомъ и шапки зимой и покрой одежды одинаковы у чиновниковъ и у офицеровъ; различаются они, главнымъ образомъ, по вышивкамъ на курмахъ: у гражданскихъ птицы, у военныхъ—звѣри вышиваются на передней и задней части парадной кофты-курмы.

⁵⁾ Такія же шляпы были на дзянь-дзюнь, фу-инѣ и фу-ду-тунѣ.

⁶⁾ Фу-ина принесли также въ паланкинѣ, но, не знаю, случайно или по положенію, значительно позднѣе и съ такимъ конвоемъ, какъ дзянь-дзюня, только въ меньшемъ количествѣ.

одѣтые въ форму полуевропейскаго покроя ¹⁾. Министры и чиновники привѣтствовали дзянь-дзюня по этикету присѣданіемъ ²⁾, встрѣтивъ его передъ кіосками, гдѣ они до того сидѣли на крытыхъ краснымъ сукномъ скамейкахъ вокругъ столиковъ, на которыхъ былъ приготовленъ чай...

Посидѣвъ ³⁾ немного во второмъ кіоскѣ (въ первомъ помѣщались, какъ я уже упомянулъ, императорскіе тѣлохранители—манчжуры), дзянь-дзюнь, выйдя оттуда вмѣстѣ съ фу-иномъ и фу-ду-туномъ, всталъ съ ними у подножія террасы передъ императорскимъ павильономъ. Позади дзянь-дзюня, шагахъ въ четырехъ, выстроились въ рядъ министры и высшіе чиновники; по бокамъ, около каменныхъ львовъ, стерегущихъ входъ въ павильонъ,—встали рядомъ по три человѣка изъ почетной стражи; средніе изъ нихъ, когда всѣ заняли установленныя по церемоніалу мѣста, что-то громкимъ голосомъ запѣли,—дзянь-дзюнь, а за нимъ всѣ присутствующіе чиновники опустили на колѣни на подостланныя плоскія подушки и начали кланяться до земли; молились не больше пяти минутъ; затѣмъ дзянь-дзюнь съ фу-иномъ и фу-ду-туномъ возвратились, сопровождаемые стражей, въ кіоскъ, гдѣ дзянь-дзюнь принялъ поздравленія (поклонъ съ присѣданіемъ) отъ своихъ высшихъ чиновниковъ...

Плაცъ съ павильономъ и кіосками окаймленъ невысокимъ каменнымъ заборомъ со многими воротами; узенькій переулокъ отдѣляетъ его отъ главныхъ дворцовыхъ зданій, обнесенныхъ высокой каменной стѣной съ двумя только воротами—восточными и западными; ворота эти стоятъ на продолженіи улицы между малыми восточными и западными воротами каменной городской стѣны ⁴⁾. Эта улица, какъ бы проходя черезъ двор-

¹⁾ Одежда конвоя солдатъ дзянь-дзюня состояла изъ широкой соломенной шляпы, выкрашенной красной масляной краской и обвитой по тулѣ черной шелковой лентой, хорошо сшитой изъ темнаго сукна куртки и такихъ же шароваръ, забранныхъ въ матерчатые сапоги.

²⁾ Между прочимъ, очень похожее на присѣданье нашихъ институтокъ.

³⁾ Все это время, какъ при встрѣчѣ дзянь-дзюня, такъ и во время молебствія, играла музыка 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка.

⁴⁾ Императорскій городъ, въ серединѣ котораго находится дворецъ, заключенъ въ правильный четырехугольникъ высокихъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ (собственно онѣ состоятъ изъ землянаго вала и каменной облицовки), на каждой сторонѣ по двое воротъ, называемыхъ большими и малыми: восточными, западными и т. д. Предмѣстья, облегающія императорскую часть города, окружены, кромѣ того, глиняной стѣной 17 съ половиной верстъ въ окружности.

цовый дворъ, отрѣзаетъ отъ него къ югу придаточный четырехугольникъ съ помѣщеніями для дворцовыхъ чиновниковъ; лицомъ къ жилищамъ чиновниковъ стоитъ первое собственно дворцовое зданіе—фасадъ дворца—пріемное зало, скорѣе похожее на громаднй каретный сарай съ воротами-дверьми спереди и сзади; переднія ворота-двери даже не сплошныя, а рѣшетчатыя... Какъ единственное украшеніе этого съ каменнымъ поломъ и безъ потолка, выкрашеннаго темно-красной масляной краской зала, виситъ надъ дверьми ¹⁾ въ золотой рамѣ голубая доска; на ней золотыми іероглифами написано священное изреченіе, которое гласитъ: «Да будетъ царствованіе твое такъ же ясно и свѣтло, какъ ясно и свѣтло небо въ солнечный день». По бокамъ зала—заставленные ширмами простые глиняные каны; сидя на нихъ, дзянь-дзюнь принялъ отъ мукденскихъ высшихъ чиновъ поздравленіе съ китайскимъ новымъ годомъ послѣ такой же, какъ у павильона, церемоніи. Изъ пріемной залы черезъ ворота-двери ²⁾, противоположныя входнымъ, выходъ на первый внутренній дворъ, но чрезъ него можетъ ходить лишь одинъ императоръ; чиновники же ходятъ чрезъ небольшія боковыя — со двора. По бокамъ обширнаго мощеннаго плитами внутренняго двора расположены въ два ряда двухъэтажныя кладовыя: переднія съ драгоценностями,— заднія съ обыкновенной домашней утварью ³⁾.

Въ лѣвой отъ входа кладовой, въ нижнемъ этажѣ, въ шкафахъ хранятся украшавшія, вѣроятно, нѣкогда интимные покои еще манчжурскихъ князей и княгинь картины, металлическія зеркала, цѣнныя бездѣлушки изъ яшмы, малахита, нефрита, лакированныя съ тонкой изящной рѣзбою вещицы, вазы стариннаго китайскаго фарфора...

¹⁾ Надъ всѣми дворцовыми дверями висятъ приблизительно такія же дощечки съ какимъ-либо священнымъ изреченіемъ.

²⁾ Называю ихъ воротами, потому что онѣ дѣйствительно похожи на ворота каретнаго сарая.

³⁾ Въ этомъ помѣщеніи, благодаря заботливому отношенію къ досугу нижнихъ чиновъ командовавшаго временно полкомъ полковника Лечицкаго и затѣмъ командира полка полковника Хвастунова, а также сердечному участію нѣкоторыхъ офицеровъ полка, среди которыхъ нашлись и опытный режиссеръ и не дурной декораторъ, устраивались солдатскіе спектакли, давались любительскіе—офицерскіе; сценой пользовались также пріѣзжавшія небольшія труппы; здѣсь давали концерты русскіе хоры какъ самого Славянскаго, такъ и его дочери Н. Д. Славянской.

Въ верхнемъ этажѣ навалена цѣлая гора коробокъ съ кусками шелка ¹⁾ и какого шелка!—настоящаго китайскаго, платье изъ котораго, какъ говорится, коломъ стоитъ; кромѣ того, тутъ и въ шкафахъ много такихъ же вещей, какъ и внизу; въ сундукахъ аккуратно сложенное и пересыпанное нафталиномъ лежатъ парадное царское одѣяніе, между прочимъ съ вышитыми цвѣтными шелками драконами парчевые халаты, почти сплошь унизанные мелкимъ жемчугомъ...

Въ кладовой, напротивъ, внизу, въ шкафахъ стоятъ священные сосуды-вазы изъ бронзы и какихъ-то другихъ сплавовъ; нѣкоторымъ изъ нихъ по двѣ тысячи лѣтъ; здѣсь же лежатъ распростертыми чучела двухъ громадныхъ медвѣдей, очевидно когда-то присланныхъ какимъ-либо племенемъ съ крайняго сѣвера въ даръ богдыхану; дальше—кольчуги, панцири, копыя...

Наверху въ шкафахъ—десятки царскихъ сѣделъ: одни усыпаны бирюзой, у другихъ въ серебряную позолоченную оковку передней луки вставлены зерна крупнѣйшаго жемчуга... на стѣнахъ висятъ съ натянутыми тетивами луки, торчатъ стрѣлы ²⁾, на столахъ лежатъ мечи-сабли съ рукоятками, усыпанными самоцвѣтными камнями, съ эфесами изъ нефрита, съ ножами изъ змѣиной кожи...

Въ глубинѣ двора—зданіе троннаго зала съ трономъ изъ эбеноваго дерева, покрытаго рѣзьбой и позолотой; потолка нѣтъ—прямо крыша; внутренняя сторона ея, балки и стѣны разрисованы сине-красными узорами, отчасти напоминающими узоры на стѣнахъ и потолкахъ московскихъ кремлевскихъ дворцовъ царскаго періода. Передъ тронной залой терраса съ солнечными часами и пьедесталомъ для фонаря, зажигаемаго при религіозныхъ церемоніяхъ; съ террасы къ дверямъ ведетъ каменный подъемъ съ изсѣченнымъ на немъ дракономъ, по которому

¹⁾ Эти шелка, какъ и много вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, присылаются каждыя десять лѣтъ изъ Пекина императоромъ сюда, въ жилище его предковъ, потому что императоръ считаетъ свое пребываніе въ Пекинѣ какъ бы временнымъ.

²⁾ Извѣстно, что до самаго послѣдняго времени въ числѣ знаній и умѣній, требовавшихся для офицерскаго экзамена, умѣнье стрѣлять изъ лука считалось однимъ изъ важныхъ; есть указъ царствующаго богдыхана, который предписываетъ не забывать такого благороднаго занятія, какъ стрѣльба въ цѣль изъ лука.

можетъ ходить только императоръ, а для остальныхъ устроены съ боку ступеньки; лѣстница, подъемъ съ дракономъ и рѣшетка передъ дверьми сдѣланы изъ розоватаго, желтоватаго, коричневаго и зеленоватаго цвѣта камней съ изваяніемъ на нихъ львовъ, драконовъ, гирляндъ изъ зелени съ цвѣтами и фантастическихъ виньетокъ...

Изъ троннаго зала можно пройти задними дверями прямо на второй внутренній дворикъ, но опять-таки императору, — чиновники же ходятъ боковыми воротами. По бокамъ второго дворика стоятъ также двухъэтажныя кладовыя ¹⁾ съ разной рухлядью и красивой мебелью: столами, стульями, креслами черными, лакированными съ металлической инкрустаціей и золотыми ободками...

Съ этого дворика по каменной лѣстницѣ подъемъ на искусственно насыпанный довольно высокій холмъ ²⁾ — третій внутренній дворикъ; съ лѣстницы входъ прямо въ четырехъэтажную башню «Феникса» ³⁾ — нѣкогда мѣсто лѣтняго отдохновенія манчжурскихъ владыкъ; съ высотъ ея видны городскія стѣны съ башнями надъ воротами и весь императорскій городъ, какъ на ладони; видъ, впрочемъ, унылый: поверхность черепичныхъ сѣрыхъ крышъ сплошь одноэтажныхъ и одинаковой высоты фанзъ (домовъ) похожа на булыжную, покрытую пылью, мостовую...

По бокамъ холма, подъ прямымъ угломъ къ башнѣ «Феникса» лежатъ въ развалинахъ или стоятъ готовые вотъ-вотъ рухнуть отъ ветхости жилые покои манчжурскихъ князей... Заднюю часть площадки наверху холма занимаетъ прочное зданіе ⁴⁾ позднѣйшей постройки; зданіе это — столовая; въ ней дзянь-дзюнь въ царскіе дни устраиваетъ торжественные обѣды ⁵⁾

¹⁾ Довольно ветхія.

²⁾ Бока холма сѣзаны и облицованы кирпичемъ.

³⁾ Эта мифологическая птица существуетъ и въ Китаѣ; для выраженія ея понятія есть особый іероглифъ.

⁴⁾ Приѣмное, тронное и столовое зала позднѣйшей постройки, точно такой, какъ и кладовыя на первомъ дворѣ и помѣщенія для библиотекъ; всѣ эти зданія видимо поддерживаются; остальные же многочисленные постройки обречены на разрушеніе, и многія изъ нихъ представляютъ однѣ руины...

⁵⁾ Во время занятія Мукдена русскими войсками, дзянь-дзюню не разрѣшалось тамъ устраивать обѣды, потому что здѣсь хранилось много запечатанныхъ вещей.

высшей администраціи Мукденской провинціи; здѣсь же помѣщается небольшой шаманскій алтарь древней религіи манчжурь. За столовой, внизу подошвы холма—садъ ¹⁾ и царскія конюшни, пустыя и разрушающіяся.

Все правое крыло дворцовыхъ построекъ (западнѣе холма и непосредственно къ нему примыкающее) занято отдѣльными домами (фанзами), въ которыхъ жили когда-то писцы, библиотекари, архивариусы и вообще чиновники, имѣвшіе отношеніе къ библиотекѣ; всѣ эти дома въ полномъ запустѣніи и до того ветхи, что готовы рухнуть, за исключеніемъ громаднаго деревяннаго въ три этажа зданія богатѣйшей въ Китаѣ библиотеки, содержащей въ себѣ до 80.000 томовъ научныхъ, философскихъ и беллетристическихъ сочиненій; по бокамъ главнаго въ три свѣта зала тянутся въ два яруса галлерей съ полками книгъ и отдѣльными уютными кіосками ²⁾ для чтенія; въ главномъ залѣ меблировка во многомъ напоминаетъ европейскую, хотя она чисто въ китайскомъ стилѣ: столы, кресла, диваны чернаго дерева, покрытые рѣзбой и лакомъ. Книги ³⁾ хранятся въ деревянныхъ лакированныхъ ящикахъ, поставленныхъ одинъ на другой на полкахъ; книги тутъ и древнія и современные: авторъ какого-либо сочиненія, за которымъ цензоры-критики признали литературныя достоинства, представляетъ одинъ экземпляръ въ Пекинскую государственную библиотеку, другой при-сылается въ Мукденскую.

Во время занятія Пекина союзниками тамошняя библиотека пострадала частью отъ пожара, частью отъ расхищенія, и только мукденская осталась въ полной сохранности и порядкѣ, благодаря заботливости о ней русскихъ ⁴⁾. Въ этой же части дворца, ближе къ императорскому холму, пріютилось небольшое двухъ-

¹⁾ Штукъ шесть громаднхъ деревьевъ.

²⁾ Такой кіоскъ состоитъ изъ кресла съ балдахиномъ, столика передъ нимъ и висящимъ красивымъ слюдянымъ фонарикомъ.

³⁾ Китайскія книги представляютъ сброшюрованныя тетрадки по томамъ; нѣсколько такихъ брошюръ заключаются въ снимающуюся обложку изъ синяго обыкновеннаго картона; обложка застегивается въ петли косяными приколоушами.

⁴⁾ Главнымъ образомъ благодаря заботливости бывшихъ начальниковъ южно-манчжурскаго отряда, генералъ-лейтенантовъ: Суботича, Церпицкаго и Флейшера, и начальниковъ штабовъ полковниковъ: Артамонова, Постовскаго и Глинскаго.

этажное (достаточно прочное) строение—отдѣленіе библіотеки съ книгами, посвященными императорамъ или даже написанными самими императорами-поэтами; здѣсь книги въ темно-малиновыхъ шелковыхъ обложкахъ и завернутыя въ золотую парчу хранятся въ шкафахъ изъ краснаго дерева.

Лѣвое крыло дворца — сравнительно узкій четырехугольникъ между холмомъ и императорскимъ павильономъ—состоитъ изъ небольшой царской кумирни по фасаду, оружейной¹⁾ и въ глубинѣ—третьяго отдѣленія библіотеки, или, вѣрнѣе, хранилища печатей умершихъ богдыхановъ, ихъ портретовъ, писанныхъ китайскими художниками, и родословныхъ списковъ нынѣ царствующей династіи.

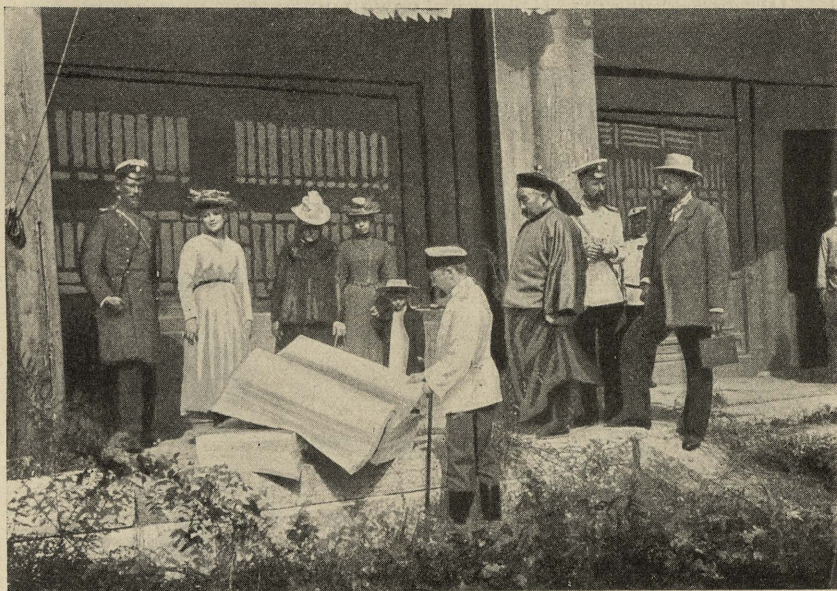
Нижній этажъ этого хранилища заставленъ шкафами съ родословными списками, въ верхнемъ сберегается также часть списковъ и, кромѣ того, портреты и печати, хотя въ наше время царскихъ печатей тамъ не было; онѣ, повидимому, были унесены мандаринами передъ началомъ смуты. Оставались только небольшіе на подставкахъ лакированные ящики-ковчежцы, прикрытые парчей; портреты по громоздкости рисунка (больше натуральной величины) труднѣе было унести, и они остались на мѣстахъ, свернутые въ свитки и положенные въ длинные ящики. Эти портреты и родословныя царскаго дома были предметомъ особой заботливости мукденскихъ мандариновъ. Въ теченіе почти полутора лѣтъ, когда я исполнялъ обязанности смотрителя дворца, они, по крайней мѣрѣ, пять разъ просили разрѣшенія у генерала Флейшера (начальника южно-манчжурскаго отряда) войти въ библіотеку подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы посмотреть, всѣ ли родословныя книги и портреты цѣлы, и не унесли ли мы ихъ,—хотя иногда дѣйствительно дѣлали и справки.

Такъ, 25 апрѣля 1902 г., я получилъ отъ полковника Глинскаго²⁾ предписаніе допустить на слѣдующій день (26 апрѣля) въ присутствіи установленной комиссіи въ библіотеку прибывшихъ изъ Пекина дворцовыхъ чиновниковъ для необходимыхъ справокъ. Утромъ 26 апрѣля ко мнѣ явилось десятка два китайскихъ офицеровъ, чиновниковъ и писцовъ-переводчи-

¹⁾ Тутъ стояли коробки-картонки съ пуками стрѣлъ.

²⁾ Начальникъ штаба южно-манчжурскаго отряда; я, какъ смотритель дворца, подчинялся ему непосредственно.

ковъ ¹⁾, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ, въ парадныхъ платьяхъ. Послѣ взаимныхъ представленій и привѣтствій сопровождавшій ихъ штабсъ-капитанъ Блонскій ²⁾ попросилъ допустить ихъ въ хранилище родословныхъ книгъ, откуда китайцамъ, по словамъ штабсъ-капитана Блонскаго, надо было сдѣлать выписки за 24-й годъ царствованія Кван-сю (царствующій императоръ), потому что родословныя тетради за этотъ годъ утеряны въ Пекинской библіотекѣ въ прошлые безпорядки. Тетради эти

Родословныя книги китайскихъ императоровъ.

сброшюрованы въ громадныя, толстыя пачки, похожія больше на кипы хлопчатобумажной ткани; и не мудрено, что онѣ такія объемистыя,—въ нихъ записаны не только нисходящія ³⁾, но и

¹⁾ При каждомъ китайскомъ правительственномъ учрежденіи находятся писцы-переводчики для перевода бумагъ съ манчжурскаго языка на китайскій и наоборотъ, потому что не всѣ мандарины знаютъ манчжурскій языкъ.

²⁾ Бывшій секретарь-переводчикъ у военнаго комиссара полковника Квѣдинскаго при мукденскомъ дзянь-дзюнь.

³⁾ Такъ какъ жены императоровъ и ихъ родственниковъ часто бываютъ не царской и не княжеской крови, а изъ обыкновенныхъ классовъ (какъ теперешняя вдовствующая императрица-мать родомъ крестьянка), то ихъ родословныя и родословныя ихъ предковъ вносятся въ родословную императорскаго дома каждый разъ особо.

восходящія поколѣнія, какъ, разумѣется, императора, такъ и всѣхъ членовъ императорской семьи...

Способъ написанія родословнаго дерева похожъ на нашъ, или, вѣрнѣе, нашъ похожъ на китайскій ¹⁾. Родоначальникъ обозначенъ краснымъ кругомъ; кружокъ прикрытъ прилѣпленнымъ квадратнымъ кусочкомъ золотой парчи; отъ кружка по линіямъ спускаются нисходящія поколѣнія, переходя со страницы на страницу и заполняя ихъ многочисленными именами.

Штабсъ-капитанъ Блонскій, между прочимъ, прочиталъ, что у одного императора было тридцать сыновей, изъ которыхъ многіе могли быть женаты, имѣть дѣтей, внуковъ... не даромъ биткомъ набиты родословными книгами громадныя шкафы краснаго дерева.

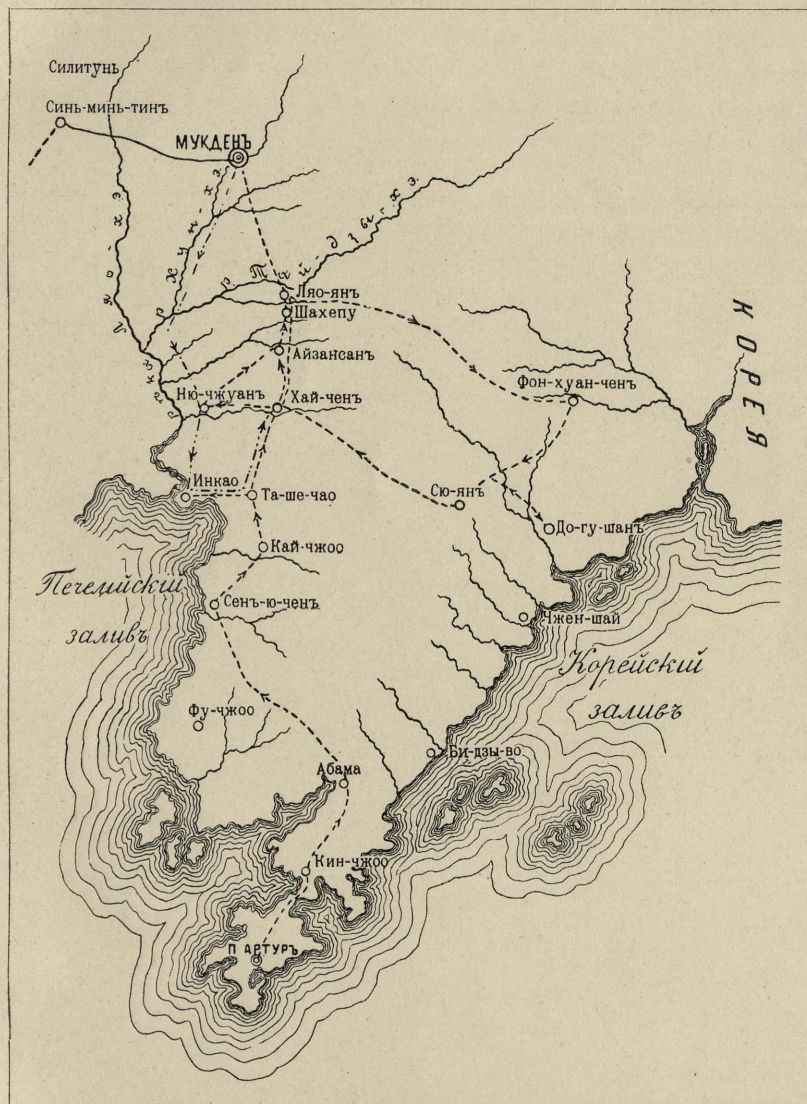
Довольные тѣмъ, что нашли, чего искали, китайцы, прощаясь, мнѣ говорили: «Какъ у васъ тутъ хорошо, все въ порядкѣ; вездѣ стоятъ часовые,—не такъ, какъ у насъ...»

На такую своеобразную любезность мнѣ оставалось только скромно промолчать...

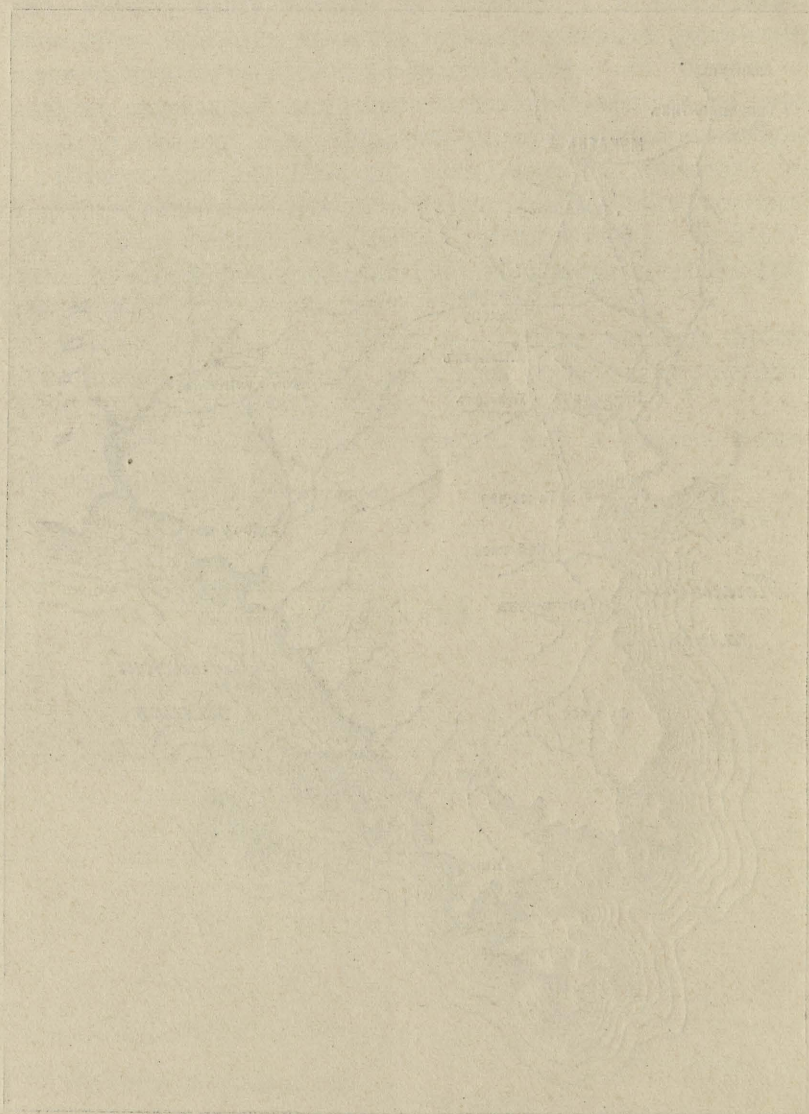
К О Н Е Ц Ъ .

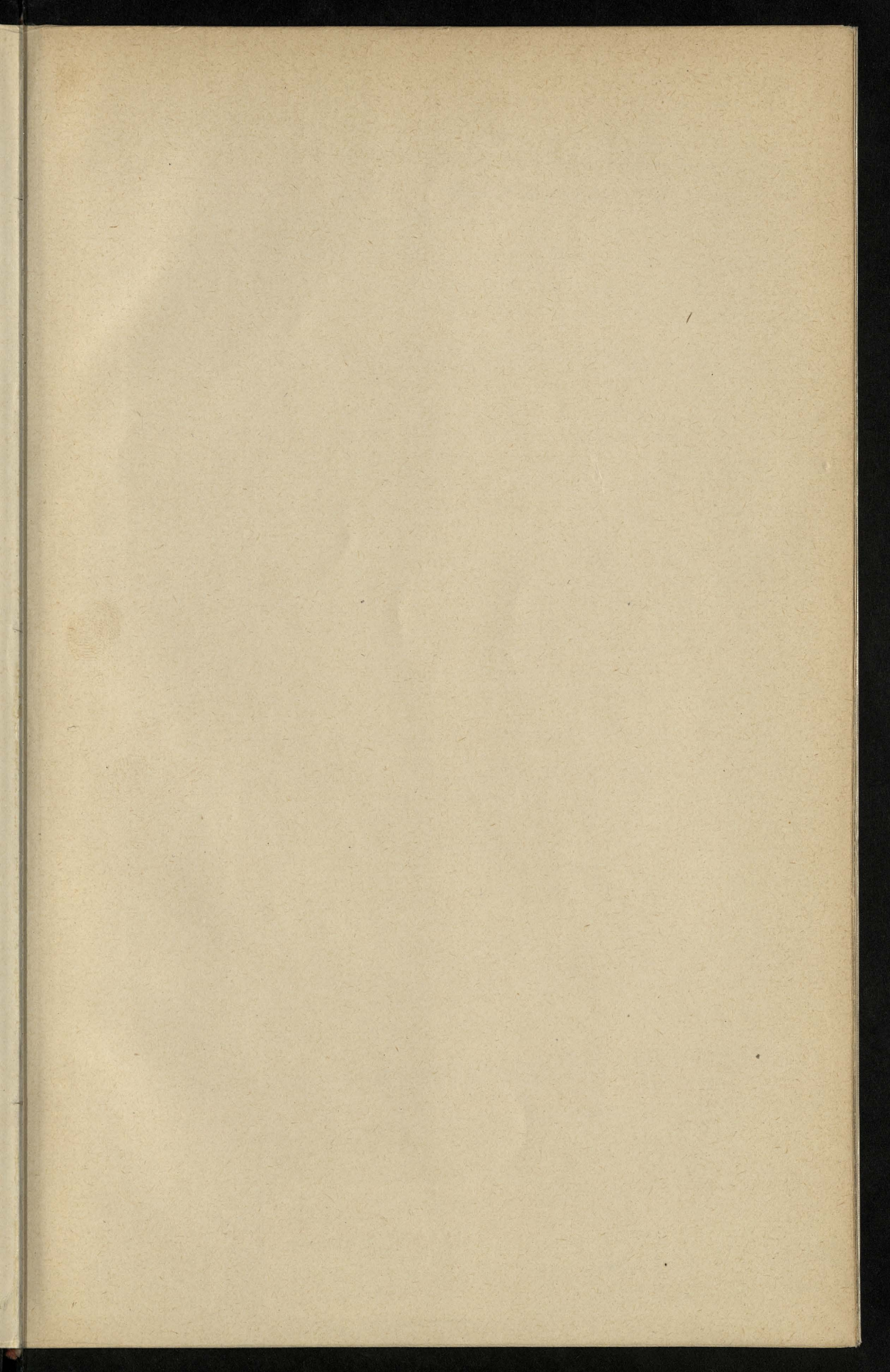
¹⁾ По моему мнѣнію, родословное дерево, какъ и многое другое, заимствовано европейцами у китайцевъ.

Ляодунскій полуостровъ.

Масштабъ около 80 верстъ въ дюймѣ.

0

2007086238

Prin
la

кн. пом. № 413

8 XII 1907

изъясн. 8. 21. 11

